

ПЕРЕПИСКА С Е. А. ЛЯЦКИМ

Вступительная статья С. В. Заики

Публикации и комментарии И. В. Дистлер

Переписка Горького и Ляцкого по своему содержанию занимает особое место среди публикуемых в томе материалов. В ней нагляднее проступают те моменты литературно-общественной деятельности пролетарского писателя, которые позволяют выявить credo Горького как журналиста нового типа, его представление о характере журнала, столь необходимого широким кругам демократического читателя предоктябрьской поры.

Если не считать спорадически возникавшего в письмах Горького и Ляцкого вопроса о создании Музея-Библиотеки русского освободительного движения в России и деятельности издательства «Огни», то можно сказать, что вся их переписка объединена одной задачей: поднять на новый уровень работу «Современника», сделать его органом печати, отвечающим насущным потребностям общественного развития. Отсюда большая идейно-смысловая насыщенность этой сравнительно непродолжительной по времени переписки (март 1912 — май 1913 г.), развивавшейся по единому сюжету — от спокойной завязки к постепенно возрастающей кульминации, а от нее — к внезапному, драматическому исходу.

Переписке предшествовал разрыв Горького с «амфитеатровским» «Современником». Как видно из предыдущих материалов, отказ от сотрудничества с А. В. Амфитеатовым дался Горькому сравнительно легко, писатель с самого начала не возлагал на Амфитеатрова-редактора особых надежд. Разрыв с ним лишь усилил желание Горького найти на левом крыле русской журналистики деятелей, с помощью которых можно было организовать журнал, близкий его, горьковским, представлениям о роли печатного органа в литературно-общественной борьбе. Конечно, лучшим здесь выходом было бы осуществление «давней мечты»: сформировать собственными силами журнал отчетливо выраженной социал-демократической ориентации. Но отсутствие крупных денежных средств привело к тому, что усилия Горького по созданию «своего» журнала или газеты оказались безуспешными¹. Гораздо более реальным представлялось участие в деятельности вновь организуемых журналов. Высокий авторитет Горького как писателя позволял надеяться на возможность существенного влияния на редакционную политику таких печатных органов. По материалам тома можно наглядно проследить, как вынашивалась идея нового журнала (см. письма Горького к В. А. Тихонову, В. М. Чернову, Н. К. Муравьеву). И сколь далекими от горьковских представлений оказались потом черновские «Заветы» и тихоновский «Кругозор» — журналы, в которых писатель одно время участвовал или собирался участвовать. Если вспомнить, что несколькими годами раньше Горький ушел из журнала «Образование», предоставившего свои страницы произведениям декадентов, то перечень примеров неудавшегося альянса писателя с журнальными редколлегиями станет еще внушительней.

Горьковская идея предполагала строгую выверенность направления журнала, согласованную работу его отделов, единство в осуществлении общей редакционной линии. Ни один из упомянутых журнальных деятелей по разным причинам не мог стать единомышленником Горького.

В такой ситуации поступившее от Ляцкого приглашение к сотрудничеству оказалось весьма своевременным. Не будучи знакомым с новым редактором лично, Горький знал Ляцкого по его историко-литературным исследованиям. Высоко оценивал работу Ляцкого о Чернышевском, интересовался книгой «Былины. Старинки богатырские» (с предисловием Ляцкого). Эта книга представлялась Горькому особенно ценной, поскольку она явилась как нельзя более своевременным «ответом,

ГОРЬКИЙ

Портрет работы В. Д. Фалилеева (офорт). Капри, 1912. На доске слева внизу: «В. Фалилеев. Сарги, 1912», под изображением справа на полях карандашом: «W. Falileeff»
Музей Горького, Москва

точнее — возражением тем, кто демонстрировал в истории литературы «скептическое, капризное и несерьезное отношение» к народному творчеству (п. 4). То, что Ляцкий не был в общественном плане связан с определенной партией или течением, имело для Горького свою положительную сторону, поскольку в этом случае отпадала необходимость поиска компромиссного подхода к оценке общественно-политического момента и определению задач печатного органа. Основа же для взаимопонимания была заложена в первом письме Ляцкого, заявившего о намерении отводить «вопросам социализма первое место в [...] политической программе» «Современника». Существенным было и то обстоятельство, что Ляцкий жил в Петербурге и в отличие от своего предшественника всегда мог быть в курсе каждодневных дел журнала.

Состоявшееся в сентябре 1912 г. личное знакомство с Ляцким еще более убедило Горького в том, что выбор сделан правильно. Вскоре писатель охарактеризует

нового редактора как деятеля «очень культурного», который «знает, чего хочет, умеет и хочет, и работать»², наконец, обладает «ценнейшим историко-литературным материалом» (Г—М, п. 5).

По переписке нельзя не почувствовать, что личная встреча не только усилила их взаимную симпатию друг к другу, но выявила сферу взаимных интересов и вне журнала. В частности, Ляцкий с воодушевлением воспринял горьковскую идею создания на Капри Музея-Библиотеки русского освободительного движения (п. 6) и немало со своей стороны сделал по организации сбора в России средств и материалов для этого начинания.

С сентября 1912 г. начинается активная деятельность Горького по налаживанию журнала. Если за март—апрель (начало переписки) Горький послал Ляцкому лишь рукопись рассказа И. Вольнова, а конкретный разговор о «Современнике» отложил «до личного свидания» (п. 4), то теперь писатель шлет материалы, выдвигает одно предложение за другим. Уже через неделю после отъезда Ляцкого он отправляет в Петербург свою статью «Издаleка», заметки к «Хронике заграничной жизни», стихи Л. Старка, сформированные Горьким в цикл, библиографические заметки А. А. Золотарева. Горький информирует Ляцкого о заказах на статьи для журнала, посланных им «во многие города русской земли, а также земель иностранных» (п. 13). Впечатляет сам размах горьковских планов: писатель хочет привлечь к сотрудничеству как можно более широкий круг журналистов, ученых, писателей. Он ожидает материалы не только из Украины, Польши, Сибири, Армении, но налаживает связи с прогрессивными общественными деятелями Индии, Китая, Болгарии и других стран Европы. Благодаря Горькому в журнале освещались вопросы национально-освободительного движения, и в частности борьбы за освобождение славян Балканского полуострова. Стремясь сплотить вокруг «Современника» левые силы, писатель руководствуется высокой идеей пропаганды социализма как революционного, преобразующего мир учения. Разделяя взгляды большевиков на национальную проблему, Горький считал важной задачей журнала отстаивание принципа федерализма и автономии. В этой связи значительно возростала роль так называемого областного и социально-политического отделов «Современника», призванных знакомить читателя с культурно-национальной жизнью окраин России, освещать положение национальностей в других странах мира, социалистическое движение в Европе и т. п. Важная роль отводилась Горьким отделу сатиры, систематическую работу которого предстояло организовать.

В своей книге «Горький на Капри» Муратова, анализируя переписку писателя с Ляцким, не без оснований подвергает сомнению утверждение некоторых исследователей, что Горький «хотел превратить „Современник“ в марксистский журнал или же в журнал, возвышающийся <...> „над большевизмом и меньшевизмом“». Такая версия действительно не подкрепляется фактическим материалом, из которого видно, что Горький не преувеличивал «реальных возможностей журнала в осуществлении своей программы»³. Однако при этом следует заметить: в первый период сотрудничества с Ляцким (по крайней мере, до декабря 1912 г.) Горького вряд ли тяготило сознание или понимание «неизбежной ущербности... социально-политического отдела» «Современника»⁴ (курсив наш.—С. З.). Скорее наоборот, писатель полагал, что, опираясь на свой авторитет, он сможет способствовать ведению журнала в строго определенном направлении.

Достаточно сведущий в тонкостях журнального дела, Горький с самого начала уловил слабость Ляцкого как редактора журнала. В его письмах Ляцкому сквозит озабоченность не столько состоянием «своего» портфеля (художественной литературы), сколько социально-политического отдела, разделов сатиры, истории, зарубежной хроники. Горький видит в «Современнике» «хорошее, всем нужное дело»; он неизменно подчеркивает общность задач по возрождению журнала, который называет «нашим» и в котором, как в правильно построенном здании, все должно быть «в определенном стиле...—ничего лишнего» (п. 49).

Лишним в прямом смысле слова было многое из того материала, который перешел по наследству от «амфитеатровской» редакции, а также был принят Ляцким до прихода в журнал Горького. Горький писал И. П. Ладыхникову в конце сен-

тября 1912 г.: «Я вхожу в „Совр(е)мник“» с октября. До Нового года журнал должен быть очищен от материала, набранного им»⁵. Ставится писателем такая немаловажная задача, как изучение общественного мнения о журнале. Начиная с десятой (октябрьской) книжки предполагался систематический сбор и анализ всех отзывов о «Современнике» (п. 6). «...извещайте обо всем, что будут говорить по поводу „Совр(е)мника“», а также и о моих статьях „Издадека“, — просит Горький Ладыжников⁶. Кажется, мимо писателя не проходит ни одно упущение, связанное с выпуском журнала. «Сегодня уже 2-е октября по-русски, а сентябрьская книга „Современника“ еще не вышла. Это очень худо!» — замечает Горький в одном из писем Ляцкому (п. 9). По получении же этого номера журнала он обращает внимание на «плохого тона стихи» некоей Зинаиды Ц., которые «совершенно разрывают с прочной традицией русской литературы» (п. 13). Горький разъясняет Ляцкому, почему надо быть строже в выборе материала: «...к нам будут присматриваться зорко и ошибки наши подчеркнут со злорадством особенно ярким» (Там же). В других письмах следуют советы опасаться авторов «универсалов, предлагающих журналу „семнадцать тем“» (п. 15), разборчиво относиться к авторам, которые живут за границей, но претендуют на роль воспитателей «общественного мнения Вятки, Херсона и Астрахани» (п. 14). Напоминает Горький и о необходимости быть готовым вести полемику на острую социальную тему с идеологическим противником (п. 23).

Важным моментом в развернувшейся работе была (и это тоже явствует из переписки) подготовка программы «Современника», т. е. литературно-политического манифеста, с которым редакция намеревалась выступить перед читателем.

Сложность состояла в том, что прежняя, «амфитеатровская» программа продолжала в известной мере оказывать влияние и на последующую редакционную политику. Это подтверждается не только письмом Ляцкого Амфитеатрову, в котором работа последнего в «Современнике» названа «основой той доброй, хотя и молодой традиции, поддержание которой представляется важным и ценным» (п. 1, прим. 2). В объявлении, опубликованном уже новым редактором в связи с подпиской на второе полугодие 1912 г., снова подчеркивалось, что журнал «продолжается в направлении беспартийного прогрессивного органа». Далее, по сути, шло краткое изложение некоторых положений программ 1911 г.: о «высшей духовной терпимости» к инакомыслящим в лагере левой журналистики, о роли рабочего класса, неприятии фракционной розни и др.⁷ Подобный «бег на месте» свидетельствовал о дефиците у Ляцкого и его петербургской редакции перспективных плодотворных идей. Между тем писатель был убежден, что начинанию в журнальном деле должна предшествовать выработка идеологической линии, четкое определение целей и задач печатного органа. Об этом свидетельствует, например, относящаяся к тому же времени переписка Горького с В. А. Тихоновым и Н. К. Муравьевым. Получив приглашение от В. А. Тихонова участвовать в выпуске журнала «Кругозор», Горький прежде всего интересуется его программой. Не удовлетворяет писателя и повторное разъяснение Тихонова по поводу реалистической ориентации «Кругозора», поскольку оно касалось «только отдела беллетристики» и ничего не говорило о «политической линии журнала» (Г—Т, п. 5). По выходе первого номера «Кругозора» Горький убедился, что не ошибся в своих предчувствиях относительно идейной расплывчатости программы В. А. Тихонова. Его журнал производил «совершенно определенное впечатление — ненужности» (Г—Т, п. 18).

Горький имел особые основания для строгой оценки тихоновского начинания. Ведь несколько раньше он вел переговоры с Муравьевым, который тоже вынашивал идею нового журнала. В ходе переговоров писатель первым делом составил программу и продумал обширную тематику публикаций на ближайшую перспективу (Г—М, п. 2, 4).

Журнальный проект Муравьева не был осуществлен. Отчасти потому, что к исходу лета 1912 г. Горький все больше склонялся к мысли о целесообразности собиранья сил левой журналистики в уже действующем органе, т. е. в «Современнике», войти в редколлегия которого писатель советовал и Муравьеву. Вскоре неполный текст составленной Горьким программы был передан Ляцкому.

К. Д. Муратова, приведя текст программы, отметила, что «Горький не мог включить в эту программу требование пропаганды социалистических идей и широкого освещения социалистического движения»⁸. Из переписки Горького с Муравьевым ясно, что писатель отдавал себе отчет в невозможности выдвигать такое требование в программной статье нового журнала: цензура просто не пропустила бы столь вызывающе открытую (в смысле пропаганды социализма) публикацию. Другое дело — содержание, идейная направленность будущего журнала в целом. Здесь предполагалось последовательно и настойчиво придерживаться избранной ориентации, о чем красноречиво свидетельствует составленный Горьким и отосланный Муравьеву список статей, большинство из которых было посвящено пропаганде социалистической мысли. Комментируя этот список, Горький писал Муравьеву, как важно проникнуться «сознанием глубокой серьезности и своевременности» работы нового журнала, ибо «социализм единственно истинное объективное учение, способное организовать Русь, как страну европейскую, и помочь русским жителям разобраться в путанице их классовых интересов, способное помочь им поставить пред собою точные, оправданные историей цели и задачи» (Г—М, п. 4). При этом Горький советовал с первых же номеров вести разностороннее освещение темы: знакомить русского читателя с социалистическим движением в других странах — Чехословакии, Бельгии, Голландии, Дании, «отмечать завоевания социализма в области искусства», давать переводы статей по теории социализма и др. (Там же). Предложил писатель и кандидатуры возможных сотрудников, способных обеспечить такую тематику. В их числе — И. И. Скворцов-Степанов, М. Павлович, М. Н. Покровский, Г. В. Циперович и др. Таким образом, Горький не только выдвигал большую задачу освещения социалистических идей, но переводил ее в план конкретных публикаций.

Понятно, почему горьковская программа и предложения по ее реализации оказались адресованными уже не действующему, а проектируемому журналу: заманчивым было начать проведение генеральной линии (пропаганда социализма в области культуры) с первых же номеров. Речь ведь шла о новом печатном органе, не отягощенном грузом чужеродных традиций или каких-либо побочных идейных влияний. Вместе с тем журнальные замыслы Горького, родившиеся в период переписки с Муравьевым, перекликались с идеями, которыми писатель руководствовался в сотрудничестве с Ляцким. Тем более что последний, как уже отмечалось, сам заявил о социалистической ориентации «Современника».

Другой вопрос, насколько быстро заявленное Ляцким претворялось в повседневную практику. Амфитеатров в письме к Горькому 4 октября 1910 г. подчеркивал, что намерен выпускать «Современник» как журнал «социалистический», однако в этом плане обещаний было дано больше, нежели предпринято практических шагов. Социализм как форма будущего общественного устройства привлекал внимание большей части сил, стоявших в оппозиции к монархическому режиму. Но понимание сути социалистических идей, видение путей их воплощения в жизнь были различными. В этом смысле позиция, занимаемая Ляцким, не была радикальнее позиции Амфитеатрова. Умеренность нового редактора наглядно проявилась в повторении ряда положений июльской «амфитеатровской» программы, о чем уже шла речь.

Вместе с тем действия Ляцкого как руководителя «Современника» стимулировались близким участием в делах журнала Горького. Ляцкий воспользовался оказавшейся у него горьковской программой и вновь обратился к читателю, хотя, казалось бы, со времени публикации предыдущего обращения прошло всего два месяца. Новое редакционное заявление «О программе „Современника“» было помещено в октябрьском номере, с которого, как неоднократно подчеркивал в своих письмах сам Горький, начиналось официальное сотрудничество писателя в журнале. Сравнение этого заявления с опубликованным ранее приводит к выводу, что главная его новизна — в положениях, взятых из программы Горького, предназначавшейся для журнала Муравьева и переданной Ляцкому. Это относилось главным образом к разделу «Летопись областной жизни». В заявлении шла речь о необходимости постановки вопросов национального самоопределения племен и народностей, освеще-

ния тех «стремлений культурного и общественного самосознания, которые возникли на почве особенностей областных, местных», о необходимости критики «зоологического национализма» и шовинизма. Как можно заметить, в заявлении дано развернутое обоснование горьковской идеи об отражении в областном отделе журнала роста «политического и племенного самосознания в 53-язычной России» и выступлении против «поглощения социалистических идей националистическими» (Г—М, п. 2 и прим. к нему). В заявлении содержался призыв к единению «всех культурных сил», наряду со старым тезисом о борьбе классов подчеркивалась роль интеллигенции в «идейном движении» времени. «Современник» выступил с программой, в которой при всех ее недостатках* были сформулированы конкретные, реально достижимые цели в освещении вопросов культурного и социально-политического развития. Текст этого заявления редакция сочла целесообразным повторить в 11 и 12 номерах «Современника» за 1912 г.

Из переписки не видно, как Горький оценил редакционное выступление. Но несомненно одно: писатель, сочувствовавший взглядам большевистской фракции в социал-демократическом движении, вряд ли мог быть удовлетворен всеми положениями этого выступления. В то же время он не мог не отдавать себе отчет в том, что придать журналу более радикальный курс — задача нереальная. Дело было не только в Ляцком. На большее «полевение» не пошли бы ни субсидирующий издание промышленник П. И. Певин, ни официальный редактор П. В. Быков. Единственно реальным в таких условиях планом было: влияние на работу отделов журнала от номера к номеру, постепенное пополнение состава редакции новыми силами. Симптоматично: если на 1912 г. постоянное участие Горького было объявлено только по отделу беллетристики, то для первых книжек «Современника» на 1913 г. имя писателя значилось также по отделам социально-политическому и областному.

В отделе беллетристики, кроме Горького, участвовали или обещали сотрудничество И. А. Бунин, А. А. Блок, С. И. Гусев-Оренбургский, Саша Черный, М. М. Кобылинский, В. В. Муйжель и др. Немалые надежды возлагал Горький на представителей новой литературной генерации, в произведениях которых ставились важные для современного момента социальные вопросы, звучали оптимистические, ободряющие ноты. «Беллетристика,— писал в связи с этим Горький Ляцкому,— у нас будет пока не ахти какая, но — свежая, молодая, и мы его возьмем, читателя, увидите!» (п. 39).

Значительно сложнее обстояло дело с налаживанием «фундаментальной политической части журнала»⁹, т. е. отделов, в задачу которых входило давать демократическому читателю информацию социального, историко-культурного характера, способствовать росту национального самосознания, т. е. освещать проблемы, которые сама редакция выделила в своем заявлении. Трудность состояла не только в подборе корреспондентов, способных квалифицированно готовить необходимый материал, но в выработке единых требований к такому материалу со стороны редакции. Важнейшей проблемой было устранение эклектизма, формирование единой идеологической направленности статей и заметок.

Ляцкому подобная задача оказалась не по плечу. Авторитетный историк литературы, он в то же время слабо ориентировался в социально-политической обстановке, далеко не всегда улавливал своеобразие общественного размежевания, особенности партийной борьбы и т. п. Поэтому Горький, как видно из переписки, прилагает немало усилий к тому, чтобы найти в помощь Ляцкому соредакторов, способных направлять работу социально-политических разделов журнала. С этой целью он рекомендует Ляцкому известного общественного деятеля М. Е. Березина, своего хорошего знакомого по казанскому периоду жизни (п. 18). Как уже отмечалось, одно время Горький питал надежду на включение в редакцию «Современника» стоявшего близко к социал-демократам Н. К. Муравьева (п. 14). Для ведения «Хроники научных достижений» писателем был приглашен член Московского комитета большевиков М. Ф. Владимирский (Г—Вл, п. 1). Обращение Горького к по-

* Вновь повторялся тезис о внепартийности журнала, стремлении к сглаживанию розни между политическими партиями и т. д.

следнему особенно примечательно: с помощью Владимирского писатель надеялся открыть в «Современнике» отдел, который не просто информировал бы читателя о развитии естественных наук, но показал социальное значение науки, достижения которой способны «поколебать... пассивное отношение к миру». Науку, подчеркивал Горький, «нужно сближать с социализмом, указывая ее неоспоримое значение силы, освобождающей физическую энергию человека, организующей запросы его духа» (Там же, п. 2).

Однако сколь ни настойчив был Горький в своих советах и рекомендациях, но по разным причинам сотрудничество указанных лиц в «Современнике» не состоялось. Приступив к «фактическому участию в журнале» осенью 1912 г., Горький, чем дальше, тем больше, ощущал, что реорганизация «Современника» продолжает оставаться проблематичной. В конце года писатель, сознательно отодвигая в сторону другие вопросы, вновь призывает Ляцкого сосредоточиться на одном: «поставить на ноги журнал, дать ему ясное лицо» (п. 41). Горьким ставится задача: «выпустить на славу» первые шесть книжек 1913 г. Подчеркнув, что, со своей стороны, он принимает к этому все зависящие от него меры, писатель не удерживается от горького признания: «еще раз скажу, — а и труден же на подъем российский человек! Мучитель» (Там же).

Замечание, разумеется, касалось всей петербургской редакции «Современника». Хотя, если быть точным, дело тормозилось не столько по причине «тугоподъемности», сколько из-за нежелания других членов редколлегии разделить позицию Горького. По существу, Ляцкий был единственным человеком в журнале, который сочувствовал горьковским планам и надеялся, что они будут претворены в жизнь. Он отдавал журналу много сил, авторитетно вел историко-литературную часть «Современника», фактически один нес бремя забот о типографии, «возился» с корректурами и т. п. Но при этом весьма мало оказывал влияние на ход дела в других разделах журнала, уступив здесь инициативу В. В. Водовозову и П. Е. Щеголеву.

Замечания Горького в связи с отсутствием в «Современнике» единой редакционной линии начались с первой, совместно выпущенной октябрьской книжки. В деликатной форме писатель обращает внимание Ляцкого на то, что статья Е. Аничкова «Коллективизм, сверхчеловечество и сверхлюбовь» «разноречит несколько» с его, Горького, статьей «Издадека» (п. 26). По существу же здесь было не просто «разноречие», но выражение диаметрально противоположных, взаимоисключающих тенденций. Если Аничков постулировал в своей статье индивидуалистическую идею нищезанского сверхчеловека, как якобы ведущую в литературном развитии начала XX в., то Горький развивал мысль о народных массах — «великой исторической» и «творческой силе», о необходимости единения людей разных наций для решения культурных задач на благо всего человечества. Знаменательно, что среди публикаций октябрьской книжки именно статья Горького, равно как и подготовленный им раздел «Хроники», явилась практическим подтверждением помещенной в номере программы «Современника». Можно в этой связи отметить даже текстуальные совпадения горьковской статьи с положениями программы (критика автором «зоологического национализма», подчеркивание им миссии русской интеллигенции на современном этапе и т. п.¹⁰). Другие же материалы номера наряду со статьей Аничкова, наоборот, уводили в сторону от намеченной линии. Так, у Горького вызвали замечания выступления Станкевича и Водовозова. По его мнению, статьи последних «напрашиваются на возражения» и «могут вызвать полемику», которую «следовало бы избегать» (п. 26). Говоря о полемике, Горький имел в виду большевиков (п. 26, прим. 7) и, разумеется, считал ее в таком случае ненужной.

Серьезное недовольство Горького книжками «Современника» сквозит и в его письме И. П. Ладыжникову, в котором есть такой вывод: «...Ляцкий неясно представляет, что нужно делать...» Побуждая Ладыжникова поскорее лично познакомиться с Ляцким, писатель просит «втолковать» «ему остороженько, что Аничков — Горький, Циперович — Станкевич — не кадрили!»¹¹. Как очень печальный факт воспринимает писатель задержку с выпуском ноябрьской книжки; его беспокоит слабая корректура «Современника», плохая брошюровка номеров, выход номеров с опозданием. Большое огорчение вызвала декабрьская книжка, в которой

была напечатана заметка П. Е. Щеголева «Протест против романа В. Ропшина». Писателя возмутило отступничество Щеголева, оправдание им позиции редакции журнала «Заветы» (п. 49). Инцидент с заметкой Щеголева стал еще одним доказательством несостоятельности не раз провозглашавшегося редакцией курса на пресловутую внепартийность, приводившего в конечном итоге к подобного рода безответственным выступлениям. Неоднократно напоминая Ляцкому, что журналу необходимо придать «лицо», Горький прежде всего имел в виду его идеологическую определенность. Пока же «Современник» время от времени удивлял читателей «целым рядом „волшебных изменений“» (п. 49).

Очередной промах побуждает Горького настаивать на «необходимости... свидания» (Там же), тем более что Ляцкий еще в ноябре известил Горького о возможности своего приезда на Капри. Желание встретиться было обоюдным. Но если планы Ляцкого ограничивались улаживанием казавшихся ему важными внутриредакционных вопросов, то Горький смотрел на встречу (она состоялась в феврале 1913 г.) как на последнюю возможность «наладить дело» (Там же).

На этот раз Горький настроен самым решительным образом. К приезду Ляцкого им была «выработана и представлена [...] программа журнала» (п. 57), внесено предложение о существенных изменениях состава редакции. Вместо неудавшихся ранее попыток ввести в журнал то одного, то другого сотрудника Горький выдвигает теперь идею пополнения редколлегии сразу целой группой, «способной осуществить» намеченную программу (Там же). Кроме того, при встрече было условлено о съезде в апреле за границей ближайших участников, на котором предполагалось утвердить программу и определить «основной характер и самый способ ведения журнала» (п. 56).

Косвенные свидетельства дают основание предположить, что в отличие от первой встречи на Капри на этот раз особого взаимопонимания уже не было. Стало ясно, что рано или поздно из-за несовместимости взглядов старых и новых членов редакции предстоит ее почти полное обновление, а такая перспектива пугала Ляцкого.

Неудивительно, что, возвратившись в Петербург с разработанной Горьким программой и предложением укрепить редакцию В. А. Базаровым, А. Н. Тихоновым и И. И. Скворцовым-Степановым, Ляцкий не проявил настойчивости в реализации горьковских идей. Как видно из последующей переписки, не только старые сотрудники настороженно отнеслись к предложенным кандидатурам (особенно их пугал «большевизм» и «нетерпимость» Скворцова-Степанова (п. 52, прим. 3)), но и сам Ляцкий, по его собственному признанию, проявлял осторожность, т. е. не спешил (п. 58).

Между тем на Капри складывалась прямо противоположная точка зрения на положение вещей. Февральская книжка «Современника» убедила Горького, что медлить уже нельзя. На этот раз он пишет не Ляцкому, а в редакцию, демонстрируя ее составу «букет» упущений, обнаруженных во втором номере журнала: небрежность общей редактуры, стилистически плохой перевод зарубежного романа, беспечность редакционного примечания, малограмотность некоторых статей. Особенно гнетущее впечатление вызвало у Горького то, что книжка «Современника» оказалась полностью лишенной «какого-либо внутреннего единства», имела «эклектически-анархический характер» (п. 51).

Отсылка столь резкого письма непосредственно в редакцию объясняется не только тем, что Горький считал нужным на этот раз пошатнуть самолюбие Ляцкого. Обращаясь к сотрудникам «Современника», писатель предавал гласности неутешительные результаты их деятельности, дающие повод для единственного, горького заключения: так вести журнал, как он велся до сих пор, нельзя. Этот же вывод Горький сделал и в письме Ляцкому: «...если мы выпустим еще одну, две такие же беспечные и малограмотные книги,— журнал будет убит» (п. 53).

И все же, не зная еще о негативной реакции Водовозова и К° на свои последние предложения, Горький надеется овладеть положением, ставит перед Ляцким условие: реорганизоваться «до июня» (Там же). Однако вскоре события приобрели необратимый характер. На Горького удручающе подействовало не только

известие о «бойкоте» его плана. Особенно неприятным было то, что по возвращении в Петербург Ляцкий сделал сообщение «о беседах на Капри» в излишних подробностях, вызвавших у Певина и Богучарского совсем не то «настроение», которое требовалось (п. 54). И хотя в письме А. Н. Тихонову Горький потом напишет, что разговоры «о „большевизме“ и моей „фракционности“ затеяны им <Ляцким> по некоторому недомыслию»¹², атмосфера доверия была развеяна. А с ней — и надежда на обретение в лице Ляцкого сподвижника. Еще в декабре 1912 г. Горький писал Ладыжникову: «Ляцкий нужен мне во всю мочь по журналу»¹³. И когда Горький предлагал для сотрудничества в журнале «свои» кандидатуры, то не мог не рассчитывать на создание определенного идеологического климата, благотворно воздействующего на редактора «Современника». Ту же цель он преследовал и в письме Ладыжникову, которого просил «немножко» поправлять «мысль Ляцкого, недавно только коснувшуюся широких общественных идей и вопросов». «Ведь русский человек, — следует далее заключение, — начинает широко жить не всегда с пятнадцати лет, иной раз и с сорока начнет»¹⁴.

В отличие от Горького его современник и ровесник Ляцкий и в самом деле только начинал касаться «широких общественных идей». Сказывалось различие в пройденных ими к этому времени жизненных «университетах». Член Общества любителей древней письменности, приверженец культурно-исторической школы в литературоведении, Ляцкий был сосредоточен на чисто научных аспектах истории литературы и фольклора; его воззрения как литературного критика формировались в атмосфере умеренно-либерального «Вестника Европы», в редакции которого он состоял многие годы. Обострение социальных противоречий русской действительности сказывалось на активизации общественной позиции Ляцкого, но не развеяло его либеральных иллюзий. Даже с наступлением в России нового революционного подъема Ляцкий в своей деятельности не выходил за круг культурно-просветительных задач; возглавив «Современник», он продолжал оставаться все тем же культуртрегером, на этот раз — от журналистики. Вот, например, какую трактовку позиции «Современника» давал Ляцкий в письме Горькому от 27 ноября 1912 г., т. е. уже после «накладки» с октябрьской книжкой: «Мы — социалисты-федералисты, для которых, на почве федерализма, сглаживаются все партийные (в известном смысле) разногласия (...) Братья мы должны не полнотой и остротой социально-политических статей (этого нельзя достигнуть при „внепартийности“, да и не нужно!), а широкой постановкой общекультурных задач» (п. 34). Характерно, что в эти же дни Вересаев писал Горькому: «Ляцкий произвел на меня впечатление человека, совершенно лишенного лица, эта же безыдейность, по-видимому, станет достоянием и „Современника“» (п. 36, прим. 1). Излишняя категоричность этого суждения очевидна, поэтому в ответном письме Горький не согласился с ним. И все же «безличный» вид ряда новых книжек журнала подтвердил, что вывод Вересаева не лишен оснований.

Особенно наглядно социальная расплывчатость Ляцкого проявилась в последнем отосланном на Капри письме. Горький был поражен принижением демократической линии в русской журналистике, противопоставлением «писателям-демократам талантов из „интеллигентной среды“, сгруппировавшихся вокруг журнала „Русская мысль“, который, как известно, редактировался П. Б. Струве и был органом кадетской партии. Промедление с реорганизацией «Современника» Ляцкий объяснял тем, что предложенные Горьким кандидатуры обладали не только «устойчивым мирозерцанием», но и являлись «отличными партийными работниками», были, однако, лишены «литературного темперамента» и поэтому не доросли до «толстого всероссийского журнала» (п. 59). Подобные оправдательные «доводы» окончательно расхоладили Горького. Своим последним письмом к Ляцкому от 14/27 мая 1913 г. писатель поставил крест на своем участии в «Современнике».

Повторный разрыв с «Современником» оказался значительно драматичнее первого. Он вызвал у Горького чувство напрасно погубленного времени и усилий. В действительности же это было не совсем так. При всей своей кратковременности участие Горького в «Современнике» благотворно сказалось на журнале в целом — на содержании не только отдела беллетристики, но и областной рубрики и раздела

зарубежной хроники. История взаимоотношений Горького и Ляцкого — характерный эпизод русского литературно-общественного развития предоктябрьской поры, дающий наглядное представление об архисложности поставленной задачи — «организации левой журналистики»¹⁵. Горький доказал редакции «Современника», что, претендуя на прогрессивное направление в журналистике, нельзя вести журнал по принципу «каждый молодец <...> на свой образец» (п. 51). Однако сформировать внутреннее единство печатного органа, придать ему четкую идеологическую целеустремленность — для этого усилий одной личности, даже такой, как Горький, оказалось недостаточно. Нужны были сподвижники, а их в редакции «Современника» писателю обрести так и не удалось.

Последние три года стали завершающими в истории «Современника»¹⁶. До последних месяцев своего существования журналу так и не удалось утвердиться в строго определенной программе, придерживаться в своих выступлениях одной литературно-общественной линии. Хронической его болезнью стали частые изменения редакционного состава. Через несколько месяцев после ухода Горького оставил журнал и Ляцкий. Его место занял В. Л. Львов-Рогачевский, новым же редактором стал экономист Н. Суханов (Н. Н. Гиммер). Последний провозгласил главной задачей журнала «освещение и уяснение текущей действительности»¹⁷. При этом художественному отделу отводилась вспомогательная роль, статьи литературоведческого характера вообще перестали появляться на страницах журнала. К середине 1914 г. из журнала уходит Львов-Рогачевский, несмотря на хорошо налаженную им работу критического и библиографического отделов. На смену ему приходит Е. Г. Лундберг, занявший вопреки прежним установкам редакции более терпимую позицию по отношению к произведениям писателей модернистского направления.

Временное оживление работы литературного отдела падает на начало 1915 г., когда в журнале вновь стал сотрудничать Горький, а также Л. Андреев, писатели младшего поколения — О. Д. Форш, А. П. Чапыгин и др. Так, в первой книжке «Современника» за этот год была опубликована пьеса Горького «Зыковы», произведения А. М. Ремизова, Ю. К. Балтрушайтиса и др.

Что касается общественно-политической позиции «Современника», то по существу она не претерпела значительных изменений. Попытки журнала играть объединяющую роль в социалистическом движении не были успешными, поскольку вынашиваемая в свое время и Амфитеатовым и Ляцким идея примирения разных общественных течений (например, марксизма и народничества), устранения фракционных разногласий оказалась в обострившейся революционной ситуации еще более далекой от реальности, чем прежде.

В условиях развернувшейся первой мировой войны, усилившегося давления цензуры, участившихся арестов номеров «Современник» выходил нерегулярно (например, в 1915 г. вышло в свет четыре номера из десяти), стал быстро терять подписчиков, попал в тяжелое материальное положение. Октябрьская книжка за 1915 г. оказалась последней в истории этого журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Муратова. С. 19—21.

² Письмо В. В. Вересаеву от 30 ноября 1912. *Арх. Г. Т. VII. С. 116.*

³ Муратова. С. 25, 32.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ *Арх. Г. Т. VII. С. 207.*

⁶ Там же. С. 209.

⁷ Современник. 1912. Кн. 8.

⁸ Муратова. С. 32.

⁹ *Арх. Г. Т. VII. С. 205.*

¹⁰ Современник. 1912. Кн. 10. С. 213, 221.

¹¹ *Арх. Г. Т. VII. С. 209—210.*

¹² Горьк. чт. 1959. С. 34—35.

¹³ *Арх. Г. Т. VII. С. 214.*

¹⁴ Там же. С. 212.

¹⁵ Там же. С. 205.¹⁶ См. четвертый раздел ст. К. Д. Муратовой «Современник» в кн.: Русские литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М., 1984.¹⁷ Современник. 1913. Кн. 11. С. 3.1. ЛЯЦКИЙ¹ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 3/16 марта 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Согласившись принять предложение П. И. Певина редактировать «Современник»², испытавший столько перемен и потрясений, я ввел в редакцию группу лиц (из старой редакции остался лишь В. В. Водозовов)³, которая, надеюсь, обеспечит журналу устойчивость и внутренний порядок. Предполагаю вести журнал в направлении беспартийного радикального органа, отводящего вопросам социализма первое место в своей политической программе⁴.

Ваше имя связано с основанием и первыми шагами нового «Современника», и для него было бы особенно ценно вернуть к себе Ваше сочувствие. Независимо от этого, глубоко ценя в Вас писателя чуткой души и ищущей мысли, я был бы бесконечно признателен Вам как за разрешение сохранить Ваше имя в числе сотрудников журнала, так и за активное участие в нем, если Вы не имеете серьезных причин уклониться от работы в «Современнике» под моей редакцией.

С искренним уважением.

Евг. Ляцкий

3.III.1912

¹ Евгений Александрович Ляцкий (1868—1942) — литературовед, критик, этнограф. Родился в Минске. В 1893 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Будучи студентом, занимался этнографией и фольклором, участвовал в ряде экспедиций с целью сбора фольклорного материала. Написал ряд статей по этим вопросам, в том числе специальную работу об изучении народного творчества белорусов (1898).

В 1900 г. переехал в Петербург. Был членом Общества любителей древней письменности. Как литературовед, принадлежавший к культурно-исторической школе, известен своими работами о русской классической литературе XIX в. Издал книгу «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными» (вып. 1—3, 1911—1913). Подготовил и опубликовал обширное собрание писем В. Г. Белинского в трех томах (СПб.: Огни, 1914).

В 1912 г. Ляцкий основал в Петербурге кооперативное издательство «Огни», целью которого было издание материалов по истории русской литературы.

В конце 1917 г. Ляцкий выехал в Финляндию. После Великой Октябрьской революции в Россию не вернулся. Жил в Швеции, в Стокгольме издавал журнал «Около России», организовал издательство «Северные огни», в котором печатались произведения А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова; в 1920 г. в Стокгольме вышла его книга «Гончаров. Жизнь, личность и творчество». С 1922 г. Ляцкий жил в Праге, был профессором русского языка и литературы в Карловом университете, продолжал работать над трудами, посвященными русской литературе. Им были подготовлены работы о Блоке («Поэзия-ищущая и чувствительных — Александр Блок»), о Гончарове («Гончаров. Роман и жизнь. Развитие творческой личности Гончарова»), о Л. Н. Толстом («Два мира в приемах изобразительности Л. Н. Толстого», «Толстой и природа»), о «Слове о полку Игореве» («Слово о полку Игореве». Очерк из истории русской литературы). Ряд из них был издан в Праге на чешском языке. В 20-е годы Ляцким был написан роман «Тундра».

Ниже публикуются 36 п. Горького к Ляцкому и 22 ответных п. Ляцкого.

² Издатель журн. «Современник» П. И. Певин обратился к Ляцкому с предложением взять журнал в свои руки после того, как Амфитеатров отказался от редактирования журнала. 21 января/3 февраля 1912 г. Амфитеатров поместил в газ. «Речь» следующее сообщение: «...позвольте прибегнуть к посредству Вашей уважаемой газеты для извещения читающей публики и г.г. писателей, что 9 января (27 дек. ст.ст.) я отказался от „ближайшего участия“ в „Современнике“ и никакого влияния на дела его более не имею».

Согласившись на предложение Певина, Ляцкий 24 февраля/8 марта 1912 г. обратился с п. к Амфитеатрову: «Милостивый государь Александр Валентинович,

сегодня я дал согласие П. И. Певину редактировать „Современник“, и первое сообщение об этом позволяю себе направить к Вам.

Я сознаю, что принимаю журнал при очень тяжелых условиях, создаваемых прежде всего Вашим отказом от участия в нем (...) Но живая связь, которая чувствуется мне между читателем и журналом, привлекает меня перспективой такой культурной работы, которой радостно отдать и свои силы, и свой литературный опыт. Вижу, как много сделано Вами для того, чтобы журнал был оживленным, свежим и нужным.

При всех возможных различиях в наших точках зрения на характер приема ведения журнала многое из проведенного Вами в „Современнике“ является основой той доброй, хотя и молодой традиции, поддержание которой представляется мне важным и ценным.

Был бы крайне признателен Вам, если бы Вы не отказали, когда представится необходимость, в указаниях, касающихся принятых Вами статей и их авторов, а также помогли бы новой редакции найти выход, хотя бы неполный, из обещаний, данных „Современником“ в отношении Вашего сотрудничества в этом году.

Примите уверение в искреннем уважении и преданности. Евг. Ляцкий» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 359).

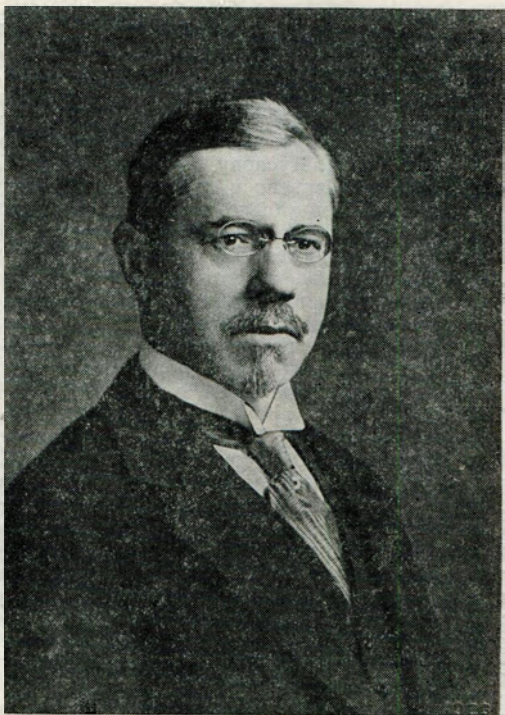
Амфитеатров, несмотря на официальный отказ от участия в „Современнике“, все еще считал себя связанным с журналом и был неприятно поражен тем, что Певин так быстро нашел ему замену. 17 февраля 1912 г. он ответил Ляцкому следующим письмом: «Многоуважаемый Евгений Александрович! (...) Уважение, которое я питаю к Вашему имени по знакомству с Вашими интереснейшими литературными трудами и по рассказам о Вас общих знакомых из писательства, заставляет меня искренно радоваться Вашему приближению к „Современнику“ (...)»

Но наряду с этим я должен оговориться, что не считаю лицо, Вас пригласившее к редактированию журнала, правоспособным на единичное распоряжение судьбами „Современника“ и могу только удивляться, на каком основании П. И. Певин, будучи в „Современнике“ лишь товарищем-пайщиком, равноправным с другими участниками дела, позволяет себе решать столь важный вопрос, как приглашение редактора, мало, что без участия, но даже без оповещения остальных товарищей...» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 45).

³ О какой «группе лиц» идет речь — неизвестно. Ляцкий пригласил работать в редакции журнала поэта и переводчика Б. А. Садовского. Он писал ему в марте, до 20, 1912 г.: «Придется много работать для реформирования журнала, и в этом смысле я крепко надеюсь на Вас» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 90, л. 2). В июле 1912 г. Садовский вышел из состава редакции „Современника“, согласившись остаться «ближайшим сотрудником журнала» (п. Ляцкого — Б. А. Садовскому от 6/29 июля 1912 г.) (Там же, л. 9).

В. В. Водовозов руководил в то время социально-политическим отделом «Современника».

⁴ Программа журнала была заявлена лишь в августовской кн. «Современника». Ее появлению предшествовала переписка Ляцкого с Г. В. Плехановым и Е. Д. Кусковой в мае—июле 1912 г. В п. Кусковой Ляцкому от 17/30 мая 1912 г. приводились слова Плеханова, который соглашался сотрудничать в журнале лишь при условии: «„Современник“ есть une tribune libre*, на которую может взойти всякий человек, защищающий интересы левой демократии, причем каждый отвечает только

Е. А. ЛЯЦКИЙ

Фотопортрет, 1922

Личный архив Виды Ляцкой, Прага

* свободная трибуна (фр.).

за то, что им *высказано*, нисколько не отвечая за других и нимало не посягая на их автономию» (Муратова. С. 22).

В тот же день Плеханов направил п. Ляцкому, в котором объяснил, что его требование «свободной трибуны» было вызвано не нежеланием «работать в одном органе с ревизионистами», а нежеланием «принимать на себя ответственность за их взгляды». «Лично я,— писал далее Плеханов,— очень уважаю С. Н. Прокоповича и К(атерину) Д. Кускову, но согласиться с ними не могу во многом» (Знамя. 1956. № 12. С. 186. Сверено с подлинником, хранящимся в ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 394).

Это требование было подтверждено Плехановым и в его более позднем п. к Ляцкому от 2/15 июля 1912 г.: «Для меня вопрос о tribune libre имеет не второстепенное, а существенное значение. Без заявления насчет такой tribune libre я у Вас работать не могу (...) Но неужели Вы не найдете возможным сделать указанное мною заявление? Оно развязало бы мне руки и дало бы мне возможность работать для „Современника“ без оглядки: я постарался бы,— разумеется, с Вашего разрешения,— привлечь к нему новые силы.

„Современный мир“ падает и будет падать,— „Современник“ может найти широкий круг читателей. Что же мешает Вам исполнить мою просьбу? (Там же. С. 187).

Это условие Г. В. Плеханова нашло свое отражение в программе журнала. В нем говорилось: «Журнал продолжается в направлении беспартийного прогрессивного органа. Редакция держится убеждения, что в основе исторического процесса лежит борьба классов и что наиболее важная роль в деле демократизации нашего общественного строя в ближайшие годы должна принадлежать в России рабочему классу (...) Прежде всего мы стремимся к объединению всей левой оппозиции на почве общих для нее задач исторического момента, не задаваясь при этом неисполнимой и политически вредной целью обизувечивать и обезличивать какую бы то ни было отдельную ее струю. Напротив, мы зовем ее к себе со всеми ее характерными особенностями, со всем своеобразием ее политических и общественных убеждений, поскольку эти особенности не являются прямо и резко враждебными делу координирования сил к общей борьбе (...) Печатаю свои статьи на страницах „Современника“, каждый такой сотрудник отвечает лишь за то, что в них высказано, не стесняя ни редакции, ни других сотрудников в их литературных и политических выступлениях и не принимая на себя ответственности за эти их выступления. Разумеется, подобная широкая трибуна далеко не беспредельна. Но редакция полагает, что пределы ее достаточно обозначены содержанием ее вышеизложенного credo» (Современник. 1912. Кн. 8).

2. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 12/25 марта 1912 г.)

Уважаемый Евгений Александрович!

Весьма благодарен за лестное ваше письмо и приглашение работать в «Современнике», а вместе с этим — почтительно кланяюсь вам за превосходную вашу работу о Чернышевском¹.

Принять фактическое участие в журнале вашем — т. е. дать рассказ — я мог бы только осенью и до того времени попрошу вас имя мое в список сотрудников не ставить², ибо номинальное участие в журнале было бы мне неприятно, да и вообще — не люблю «номинализма», ныне одолевающего россиян.

Надеюсь, — мы на этом поладим?

Не позволите ли вы просить вас прислать мне вашу книгу о «былинах»³, — предмет, коим усиленно интересуюсь?

Очень обрадуюте.

Желаю доброго здоровья, бодрости духа.

А. Пешков

12/IV
912
Capri

Кстати: позвольте предложить вам рукописи одного крестьянина, начинающего писать. Его большая повесть будет печататься в журнале «Заветы», и я очень обращаю ваше внимание на эту вещь, т. е. на ту, что в «Заветах» будет⁴. А может быть, вы найдете достойным печати и посылаемое мною вам⁵.

А. Пешков

Дата письма уточняется по сопоставлению с п. 1 и датой дарственной надписи на кн. «Былины...» (см. прим. 3). Горький ошибочно обозначил месяц: апрель вместо марта.

¹ Очевидно, Горький имел в виду кн.: Чернышевский в Сибири: Переписка с родными (1865—1875)/Вступ. ст. Е. А. Ляцкого, прим. М. Н. Чернышевского. Вып. 1. СПб.: Огни, 1911.

² С января по август 1912 г. список авторов, привлеченных к сотрудничеству в журн. «Современник», не объявлялся.

³ Былины: Старинки богатырские/Вступ. ст. Е. А. Ляцкого, тексты избраны Е. А. Ляцким. СПб.: Огни, 1911. Эта книга с дарственной надписью Ляцкого: «Алексее Максимовичу Пешкову с сочувствием и приветом. Е. Ляцкий, 1912, март» — и пометами Горького хранится в ЛБГ (Описание).

⁴ Имеется в виду И. Е. Вольнов. Его «Повесть о днях моей жизни. радостях и злоключениях. Детство» (ч. 1) печаталась с № 1 журн. «Заветы».

⁵ Возможно, Горький послал Ляцкому рассказ Вольнова «Осенью». 29 февраля 1912 г. К. П. Пятницкий, перечисляя прочитанные им рукописи, записал: «Ив. Вольный „Осень“» (Дн. Пятницкого). Рассказ в «Современнике» напечатан не был. Вошел в сб. «Энергия» (1914, № 2).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Е. А. ЛЯЦКОГО
ГОРЬКОМУ НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ:
БЫЛИНЫ. (СТАРИНКИ БОГАТЫРСКИЕ)

СПб., 1911

Личная библиотека Горького,
Музей Горького, Москва

3. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. Апрель, не позднее 4/17, 1912 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Болезнь, уложившая меня на целый месяц в больницу, помешала мне тотчас же ответить Вам на Ваше любезное и доброе письмо. Позвольте прежде всего от души поблагодарить Вас за принципиальное согласие быть фактическим сотрудником «Современника», который мне хотелось бы вернуть к тому его положению, при котором Вы признали бы возможным принимать ближайшее участие в журнале. Буду ждать рассказа Вашего с величайшим нетерпением.

Что касается «номинализма», то я должен сказать Вам, что в числе моих литературных грехов погони за рекламой, ставшей в последнее время синонимом обмана, доньше не было и, надеюсь, не будет. Обращаясь к Вам с моей просьбой о сотрудничестве, я имел в виду, конечно, не торговлю Вашим именем, а действительное участие Ваше в журнале, если бы оно, как мне хотелось бы, оказалось Вам по душе. Об этом, как и о многом другом, хотелось бы лично побеседовать с Вами.

Я собираюсь этим летом за границу и, если получу Ваше разрешение, побываю у Вас.

Получили ли Вы книги, посланные Вам две недели назад? ¹ Порадовал меня Ваш сочувственный отзыв о статьях моих о Чернышевском.

Работа эта дает мне величайшее удовлетворение: за ней становишься сам как-то лучше и чище².

Иван Вольный — явление, бесспорно, интересное. У нас есть уже, ранее принятый, рассказ его, — может быть, Вам уже известный («Как это было?»)³. К сожалению, сюжет одной из рукописей, Вами присланных, близко подходит к тому, что рассказано в «Как это было?»: этапные в вагоне, тоска по земле и воле... Повесть Вольного в «Заветах» непременно прочту.

Итак, Алексей Максимович, еще раз очень, очень благодарю Вас за сочувствие и привет. Пишите, пожалуйста, о Ваших желаниях относительно «Современника» и не откладывайте Ваше участие в нем на долгое время.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ваш Евг. Ляцкий

Датируется по сопоставлению с п. 4.

¹ Ляцкий выслал Горькому две кн.: Былины: Старинки богатырские (см. п. 2, прим. 3); Стихи духовные: Словеса золотые/Тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой, вступ. ст. Е. А. Ляцкого. СПб.: Огни, 1912. Книги (с пометами Горького) хранятся в ЛБГ (Описание).

² Е. А. Ляцкий был автором ряда статей о Н. Г. Чернышевском: «Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в Университет» (Современный мир. 1908. № 5, 6), «Н. Г. Чернышевский в университете» (Там же. 1908. № 12; 1909. № 3), «Н. Г. Чернышевский и Ш. Фурье» (Там же. 1909. № 11), «Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли (Гегель, Белинский, Фейербах)» (Там же. 1910. № 10, 11), «Юношеская любовь Н. Г. Чернышевского» (Познание России. 1909. № 1).

³ Рассказ «Как это было» был напечатан в 7 кн. «Современника» за 1912 г.

4. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 апреля 1912 г.)

Глубокоуважаемый Евгений Александрович!

Буду чрезвычайно рад, если вы заглянете летом ко мне, вы славно бы отдохнули здесь, я — получил бы удовольствие личного знакомства с вами.

Книги ваши пришли, сердечно благодарю вас за этот подарок, очень дорогой мне. Позвольте ли вы сказать, что — на мой взгляд — тексты взяты вами весьма удачно, что они дают ясное представление о творчестве народном и что «Старинки богатырские» явились как нельзя более своевременно?

В наши дни, когда к народу, к его творчеству, замечается какое-то странное — скептическое, капризное и несерьезное отношение, — тексты, данные вами — даже и без комментариев, — очень солидно возражают тем, кто — как, напр., Келтуяла — ныне выводит все творчество народное из аристократии, от командующих классов. Я очень удивлен предисловием ко второй части книги Келтуяла¹ и некоторыми суждениями по этому вопросу Д. Н. Овсяннико-Куликовского², тоже отрицающего творчество народа.

Еще раз — весьма благодарен за книги. «Стихи духовные» еще не читал.

Беседу о «Современнике» позвольте мне отложить до личного свидания.

Желаю вам доброго здоровья, бодрого настроения.

А. Пешков

IV/22
912
Саргі

¹ Имеется в виду предисловие В. Я. Келтуялы к его кн. «Курс истории русской литературы. Пособие для самообразования» (Ч. 1. История древней русской

литературы. Кн. 2. СПб., 1911). В этом предисловии утверждалось: «Подлинным творцом древнерусской национальной культуры, литературы и мировоззрения был не „народ“, представляемый в демократических и простонародных или крестьянских очертианиях, а небольшая часть народа, именно его высший, правящий класс...» (с. VIII). Горький считал эту концепцию общественно вредной. Видимо, тогда же он писал Р. М. Бланку: «При том подозрительном и недоверчивом отношении нашей демократии к интеллигенции, которое вызвано эволюцией последней — отрицание за народом его культурно-исторической работы может оказать весьма плохую услугу настоятельной необходимости широкого объединения...» (АГ, процитировано в кн.: Бялик Б. О Горьком. М., 1947. С. 195). В статье «О русской интеллигенции и национальных вопросах» Горький также критически оценивал книгу Келтуалы.² Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853—1920) — историк литературы, лингвист. Речь идет о кн. Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции». Ч. 2 (Собр. соч. СПб.: изд. т-ва «Общественная польза», 1911. Т. VIII), где был развит взгляд на народное творчество, сходный со взглядом Келтуалы. Тома Собрания сочинений Д. Н. Овсяннико-Куликовского V—IX (VII, VIII и IX с пометами Горького) хранятся в ЛБГ (Описание).

5. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

E. Liatsky

9.IX 912

Lerici (Spezia), albergo delle Palme

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я в Ваших краях¹, и очень хотел бы свидеться с Вами. От А. В. Амфитеатрова я слышал, что Вы по временам уезжаете из Капри — поэтому, чтобы не развезаться, я очень просил бы Вас дать мне возможность побеседовать с Вами — либо в эти дни здесь, где Вам удобнее, либо несколько позже у Вас на Капри².

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

¹ О целях своей поездки в Европу Ляцкий писал А. Белому 11/24 октября 1912 г.: «Лето вышло у меня необыкновенное: по делам журнала („Современник“) пришлось объехать чуть не всю Европу» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 228).

² Ляцкий приехал на Капри 22 сентября и пробыл там до 30 сентября 1912 г. К. П. Пятницкий записал в дневнике 9/22 сентября: «Ждут Горького. Он у Ляцкого в H(otel) Royal»; 11/24 сентября: «Сегодня компания Г(орького) обедает в H. Royal, у Ляцкого. Там и М. Ф.»; 12/25 сентября: «Вижу Ляку. Была у Г(орького). Там много народу. Музыка. В честь Ляцкого»; 14/27 сентября: «Реферат Ляцкого. Любовь в жизни Чернышевского». 17/30 сентября Пятницкий сделал запись со слов своих знакомых: «Горький согласился сделаться редактором беллетристики в „Современнике“ и редактором общедоступного журнала при „Современнике“. Получил деньги. Предложил денег Затёртому: „у меня теперь есть деньги“ („...“) Дали 100 р. Ив. Ег(оровичу) в счет „Осенью“, вышлют 100 р. еще („...“) Дали авансы Иткину, Осколкову» (АГ).

В переговорах Ляцкого с Горьким о направлении журнала и его программе участвовал издатель «Современника» Певин, также приехавший на Капри.

6. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 24 сентября/7 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю:

1, мою статейку¹

2, опыт «Заграничной хроники». На эту хронику нужно взглянуть именно как на опыт. Подумайте, — не ввести ли нам эту хронику в «Современ(ник)» как обязательный, ежемесячный отдел? Разумеется, в следующий раз сведений дано будет больше, а статьи — короче. Печатать эту хронику следует мелким шрифтом, я думаю. Мне лично кажется, что полемика Биссолати — Жореса была бы весьма на месте, рядом с моей статейкой в октябрьской книге².

СОВРЕМЕННОКЪ

1912
ГОДЪ

СПЕТЕРБУРГЪ

Содержаніе.

I. ВЕСЕННИЕ УЗОРЫ. Рассказъ Н. Виларского.....	3
II. ПТИЦА-НОЧЬ.—ВЕЧЕРОМЪ—НОЧЬЮ. Стихотворенія Леонида Старка.....	25
III. ЛЮБОВЬ И ЗАПРОСЫ ЛИЧНАГО СЧАСТЬЯ ВЪ ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. Изъ библиографическихъ очерковъ по писательнымъ матеріаламъ. Евг. Личаго. VII—XV.....	28
IV. БЛУДЖАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Романъ Шоломъ-Алехеми. Часть первая. VI—VII.....	59
V. БРАТЯ КРИЦОВЫ. Драматическая хроника по писательнымъ матеріаламъ. М. Горького. VII—VIII.....	79
VI. БРАКЪ. Романъ. Г. Дю. Уэлеса. Авторизованный переводъ М. Лозарьманъ. V—XI.....	121
VII. КОЛЛЕКТИВИЗМЪ, СВЕРХЪ-ЧЕЛОВѢЧЕСТВО И СВЕРХЪ-ЛЮБОВЬ. Очеркъ Е. Аничкина.....	142
VIII. ВОСКРЕСЕНІЕ. Рассказъ Пале Бурме. Переводъ.....	168
IX. ДРОТОВУШАЯ НОЧЬ. Ром. А. Амфитеатрова. У.....	177
X. ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО. Рассказъ З. Норенкой.....	200
XI. ИСКАЛЕНА. М. Горького.....	211
XII. ДВА ПОВѢЗКИ ВЪ ДЕРЕВНЮ. А. Гусанова.....	223
XIII. ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ АБСОЛЮТИЗМЪ Г. Цыперовича. I—VII.....	232
XIV. СОВРЕМЕННАЯ ЗООПСИХОЛОГІЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. Е. Евачева.....	270
XV. НАКАНУНѢ БАЛКАНСКАГО ПОЖАРА. Горького.....	294
XVI. МИМІЯМИ ПОБѢДЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ПОРАЖЕНІЯМИ. По поводу выборовъ въ Государствен. Думу. В. Станъ-мича.....	305
XVII. БЛАГОДѢТЕЛЬНОЕ ЖИТІЕ. А. Амфитеатрова.....	318
XVIII. ИТОГИ И ФАКТЫ. Вѣща. Государственная Дума. В. Валленбергъ.....	337
XIX. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. 1812 годъ изъ ближайшей литературы. И. Березина.....	353
XX. НОВЫЯ КНИГИ. Г. Виткова. Пять стѣнъ моихъ побоевъ; Сергій Ключевскій. Письма; Ада Чучковича. Стихи. А. А. Золотарева.—Полѣтика Архипова, пер. С. Жибелова. Н. Рейнгардта.—J. Guillemin. L'Internationale. Documents et Nouveaux. А. Золотарева.—В. М. Демьяновъ. Прокраи. Ник. Лоскаго.....	362
XXI. ХРОНИКА ЗАГРЯНИЧНОЙ ЖЕЗНИ.....	372
XXII. КНИГИ, послужившія изъ редакціи.....	382

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОКЪ» И СОДЕРЖАНІЕ

1912, кн. 10

3,—стихи Леонида Старка. Хорошо бы поместить их все сразу — за исключением стихотворения «Помнишь у речки за мостом» — оно мне кажется не очень удачным и не в тоне всего цикла. А все остальные стихи — внутренне связаны и являют собою как бы историю одной любви. «Птица-ночь» — начало и поэзия любви, затем продолжение и — проза. Далее: снова что-то вспыхнуло и — снова: «Девушка эта — ничья». Затем — одиночество, уличная любовь и крик отчаяния: «Хороши встречи, когда случайны!». Получается как бы целый роман, очень современный. Это оживит книжку и, вероятно, понравится читателю³.

4,—библиографические заметки Золотарева. Так как у нас нашлось только три книжки стихов, достойных отзыва, заметка вышла и краткой, и не в той форме, как хотелось бы. Это мы исправим, когда будем иметь более обильный материал⁴.

Присылайте книги для отзывов.

Далее:

Через посредство секретаря редакціи «Гайнт» — жаргонной еврейской газеты, издающейся в Варшаве, — мною заказан Балмашимеру⁵, знатоку современной еврейской литературы, — очеркъ ее развитія и состоянія. Заказана также статья «Евреи в Палестинѣ» — это статья бытового характера, изображающая еврейское «государство»⁶.

Написано в Томск, Анучину: предлагаю дать статью на тему о культурных запросах Сибири⁷. В Барнаул Гребенщикову⁸ и Матвееву⁹ — предлагаю дать рассказы.

В Кіев, Николаю Иванову¹⁰ и в Витебск Черемнову¹¹ — предлагаю обоим попробовать их силы на серьезной общественной и политической сатире в «Современникѣ».

В Чернигов М. М. Коцюбинскому — прошу статью о современном положении украинской литературы¹². На днях напишу латышам и не-

скольким молодым беллетристам. Все статьи заказаны на 913-й. Сообщите, каковы результаты вашей поездки в Париж. Как чувствуете себя?

Приехал Каменский, сегодня буду говорить с ним о музее¹³.

А музей-то Плюшкина купили-таки англичане! Стыдобушка и горе¹⁴.

Здесь все взялся за работу, чему я весьма рад. Снабжайте книгами!

Попрошу вас сделать следующее: после выхода в свет октябрьской книги «Совр.» закажите «Бюро газетных вырезок», чтоб оно доставляло вам все отзывы газет о нашем журнале. Вырезки будьте добры доставлять мне. Хорошо?

Будьте здоровы!

Повторю еще раз — я очень рад, что встретился с вами, и уверен, что мы сделаем хорошее, всем нужное дело.

Кланяюсь.

А. Пешков

912

X,7

Сарги

Повидайтесь с Черным, требуйте у него стихов. Хорошо бы отдел сатиры начать с октября же!¹⁵

¹ Горький направил Ляцкому статью, которая была напечатана под заглавием «Издалека» в «Современнике» (1912, кн. 10).

Шесть статей под тем же названием были напечатаны в журн. «Запросы жизни» (№ 11 от 16 дек. 1911 г. и № 7, 11—13, 27, 29 (февр.—июль) 1912 г.). Но 19 августа/1 сентября 1912 г. Горький отказался от участия в этом журнале, неудовлетворенный его программой (см. п. Горького Р. М. Бланку — XXIX, 250—251). В ст. «Издалека», направленной в «Современник», Горький писал о все более углубляющихся противоречиях между национально-освободительным движением и завоевательными тенденциями европейского и американского капитализма.

² «Хроника заграничной жизни», присланная Горьким, была напечатана в кн. 10 «Современника» за 1912 г. Полемика между лидером итальянских социалистов Л. Биссолати и Жаном Жоресом, подробно освещенная Горьким в этой «Хронике», касалась вопроса о национально-освободительном движении славян на Балканах в преддверии первой Балканской войны. Приводя высказывания Биссолати о необходимости мирного разрешения балканского вопроса на основе создания «автономной национальной федерации», Горький писал: «Надеемся, что русский читатель не посетует на нас за то, что мы ознакомили его с мнением Биссолати по вопросу, издавна тревожному для России, а ныне — более чем когда-либо, грозно требующему внимательного изучения» (Там же. С. 376).

³ В «Современнике» (1912, кн. 10) были опубликованы стихи Л. Н. Старка «Птица-ночь», «Вечером», «Ночью».

⁴ Имеется в виду рецензия А. А. Золотарева на кн.: *Вяткин Г. Под северным небом*. Томск, 1911; *Клычков С. Песни*. М., 1911; *Чумаченко А. Стихи*. М., 1912. В этом же номере журнала напечатана рецензия Золотарева на кн.: *Гийом Дж. Интернационал*. 1910: Документы и воспоминания. Т. I—IV. Париж, 1905—1910.

⁵ Вероятно, речь идет о еврейском критике *Бал-Машивоше* (Махшовесе) (псевдоним доктора Изидора (Израиля) Эльяшева, 1873—1924). В «Современнике» не печатался.

⁶ Ст. «Евреи в Палестине» в «Современнике» не была напечатана.

⁷ Василий Иванович *Анучин* (1875—1943) — сибиряк, этнограф. В 1960-е годы был установлен факт фальсификации В. А. Анучиным некоторых писем Горького к нему (см.: *Азадовская Л. История одной фальсификации // Новый мир*. 1963. № 3). П. Горького, о котором шла речь, — от 19 сентября/2 октября 1912 г. — подлинное. Горький писал В. И. Анучину: «Усердно прошу Вас организовать товарищей-сибиряков, дабы они выработали статью на тему о культурных запросах, желаниях и чаяниях Сибири» (XXIX, 252).

⁸ Горький писал Гребенщикову 19 сентября/2 октября 1912 г.: «Я вступил в „Современник“ соредактором Евгения Александровича Ляцкого по отделу беллетристики и предлагаю Вам прислать для этого журнала рассказ. Посылайте по моему адресу. Было бы желательно получить рукопись в начале декабря. Не знаете ли сибиряка Н. Матвеева, автора рассказа „Мельник“ в „Современном мире“ за 1911 г. (Горький и Сибирь. Новосибирск, 1961. С. 98).

⁹ П. Горького прозаик Н. П. Матвееву не обнаружено.

¹⁰ Николай *Иванов* — сотрудник газ. «Киевская мысль», писатель-фельетонист. 19 сентября/2 октября Горький писал Н. Иванову: «Позвольте предложить Вам попробовать Ваши силы на серьезной общественной и политической сатире. Жела-

тельно иметь небольшие очерки, которые могли бы печататься в отделе юмора и сатиры журнала „Современник“, который ныне реформируется» (МЛ. Т. 1. С. 278).

¹¹ 19 сентября / 2 октября 1912 г. Горький писал Черемнову: «Не желаете ли принять участие в отделе политической и общественной сатиры реформируемого журнала „Современник“? Товарищами Вашими по этому отделу будут Саша Черный, вероятно — Амфитеатров, возможно — я и еще один сотрудник „Киевской мысли“ — Николай Иванов. Давайте стихов, посылая их по адресу Евгения Александровича Ляцкого» (Арх. Г. Т. VII. С. 113).

¹² 24 сентября / 7 октября 1912 г. Горький писал М. М. Копцюбинскому: «С января 1913 года реформируется журнал „Современник“. Мне хотелось бы дать в этом журнале возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности. Вы знаете мой взгляд по этому поводу. Обращаюсь к Вам с просьбой: нельзя ли к январской или февральской книжкам „Современника“ дать статью на тему „Культурные запросы Украины“? Затем был бы очень нужен очерк по истории украинской литературы» (ХХIX, 253).

¹³ Горький имеет в виду организацию Музея-Библиотеки русского освободительного движения. Он писал И. П. Ладыхникову 11/24 сентября 1912 г.: «Ляцкий, Золотаревы и я решили устроить повсеместный сбор изданий, документов и вещей, относящихся к истории борьбы за освобождение в России на протяжении всего XIX в. и по сей день. Делается это в целях устроить со временем музей и библиотеку по истории борьбы за политическое освобождение в России. Имеем возможность на первых же порах получить, с ничтожной затратой денег, ценные архивы частных лиц и партий. Есть деньги — очень мало, конечно. С этим необходимо торопиться: старый политик русский вымирает, а вместе с ним пропадают и очень ценные документы. Я попрошу Вас усерднейше: соберите все, что попадет под руку интересного, и отправляйте мне. Через Н. К. (Муравьева) можно достать следственные производства и обвинительные акты по политическим делам. Очень важна реакционная литература, тайные циркуляры губернаторов, доклады губернаторов и сенаторов, ревизующих губернские и учреждения. Если встретится возможность достать денег на это дело — берите, не брезгуя суммой» (Арх. Г. Т. VII. С. 205). См. также его п. В. В. Вересаеву от 25 сентября / 8 октября 1912 г. (Там же. С. 113—114). См. п. 31, прим. 1.

Василий Михайлович Каменский — инженер, меценат, сын одного из братьев Каменских, владельцев «Пароходства бр. Каменских» на Волге и Каме. Знакомый Горького по Н.-Новгороду. О его денежном взносе на организацию Музея см. п. 9, прим. 1.

¹⁴ Речь идет о музее, созданном купцом Федором Михайловичем Плюшкиным (1837—1911) в Пскове. Ф. М. Плюшкин коллекционировал старинные монеты (его коллекции превосходили коллекцию монет Эрмитажа), картины, гравюры, рукописи, старопечатные книги, предметы старины, церковную утварь, старинное оружие и т. п. К 1911 г. музей Плюшкина «заклучал в себе более миллиона предметов, относящихся к самым различным областям культуры и знания, и по богатству и ценности предметов уступал из частных собраний разве музею П. И. Щукина» (Алексеев В. А. Плюшкин и его музей // Исторический вестник. 1916. № 7. С. 180).

После смерти Плюшкина Совет министров под председательством П. А. Столыпина вынес решение о покупке музея правительством, однако эта покупка в 1911 г. не состоялась. В 1912 г. в Россию приезжал представитель Британского музея с целью приобрести коллекцию Плюшкина, о чем сообщалось в русских газетах. Эти сообщения и имеет в виду Горький. Музей в Англию продан не был. См. также: Исторический вестник. 1911. № 11. С. 1147—1148; 1912. № 9. С. 1119.

¹⁵ В ответ на приглашение Ляцкого участвовать в создании нового сатирического отдела в журнале Саша Черный писал: «С сатирическим отделом, многоуважаемый Евгений Александрович, пока, мне думается, придется подождать. Причина простая: нет работников. Если исключить совершенно заголившихся сатириков, то, кроме трех-пяти лихачей-куплетистов (...) никого сейчас в России нет (...) Об Иванове (о котором писал Горький) Вы сами говорили, что то, что прислано, — слабо. Черемнов ничего не прислал. Амфитеатров, кажется, тоже. Значит, ни о каком отделе сейчас говорить не приходится. Пока надо просто печатать сатиры (в стихах и в прозе) в числе прочего художественного материала, — само собой, если это сатира, а не куплеты и не маленькие фельетоны» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 145). Начиная с кн. 11 за 1912 г. стихи и сатиры С. Черного регулярно печатались в журнале.

7. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

7.X.912
Freiburg

Дорогой Алексей Максимович, только здесь, в тихой санатории «Rebhaus», начал я приходить в себя после той массы подавляющих впечатлений, какие пережил я на промежутке одной недели в музеях Неаполя,

Помпеи, Рима. Какое богатство, какая культура, с которой современные итальянцы обращаются как истые варвары. Только Ватикан ведет себя как учреждение, управляемое порядочными людьми, и мне особенно умирительно было видеть в его библиотеке автографы Лютера и Кальвина¹.

Здесь, в «Rebhaus'e», я второй день, вечером думаю двинуться в Париж, где мы снова съедемся с П. И. Певиним. Он едет Ривьерой, чтобы отдохнуть от Рима, где, кроме всего прочего, мы измаяли себя бесконечной ходьбой. По пути сюда заехал к А. В. Амфитеатрову. Он был какой-то сумрачный, не теплый и не холодный — совсем как римская погода. Говорил, что получил от Вас накануне письмо², предостерегал от «увлечений». Он сам заговорил о проспекте на будущий год. Я уклонился от разговора на эту тему, так как боялся предложения какого-нибудь нового романа с его стороны. Но вот что хорошо. Он сам тяготится провинциальным обозрением и с января хотел бы перейти на сатирический отдел, «организацию» которого он хотел бы принять на себя. Но, я думаю, нам нужно его сотрудничество, а не организация, и я отложил всякие «организационные» разговоры с ним до января, когда выяснится общее положение дел.

В Париже я останусь дня 3—4, пока не перевидаясь со всеми, а там — в Петербург за работу. И никогда не хотелось мне так работать, как теперь, потому что чувствуется, что то направление, которое придадим мы ей с Вами, есть настоящее, истинное, надо будет только не сходить с этого пути, какими бы терниями он ни был усеян вначале. Об этом думаю больше всего, а когда отдыхаю от этих мыслей, останавливаюсь мечтой над библиотекой—читальней—архивом среди каприйских скал, откуда засветится, нашими общими усилиями, чистая и светлая человеческая мудрость и почерпнет веру в свою бесконечность из голубой бесконечности неба и моря. И проникнутые этой верой хмурые, тоскующие, серые люди, оторванные от родины, просветлеют, начнут работать, и претворят они свою тоску в жажду знания, а знание — в дело медленно, но неуклонно очеловечиваемой жизни. Знаю, что многие посмеются над моим увлечением этой идеей. Но пусть! Без увлечения не строится ни одно живое дело. Да и смеяться-то будут все больше «скучные» люди, стоящие на страже всего сверхобычного, как евнухи у врат опустелого гарема. Мне снова при этом вспомнился Амфитеатров и его окружающие... Эх, зачем так много скучных людей на свете!

В Риме познакомился с Осоргиным (Ильиным)³, который едет на днях в Болгарию. Заходила у нас речь об его статье о положении на Балканах, но я не высказался определенно, так как, во-первых, он показался мне человеком несколько легковесным, а во-вторых, в эмигрантской среде против него существует какое-то предубеждение, основательность которого опыту моему недоступна. Вернее, кажется, было бы обратиться к Калине⁴. Если Вы согласны на последнего, то не черкнете ли ему несколько слов?

Из Парижа буду писать Вам о том, что там найду для нас полезного. Пока же крепко жму Вам руку. Берегите себя и усердно кланяйтесь от меня Марии Федоровне.

Весь Ваш Евг. Ляцкий

¹ Мартин Лютер (1483—1546) — крупный церковный реформатор в Германии. По его имени называется целое течение в протестантской церкви (лютеранство). Лютер издал ряд полемических сочинений против католицизма.

Жан Кальвин (1509—1564) — один из вождей Реформации. Занимал в протестантизме воинствующую позицию, став во враждебную позицию как к католичеству, так и к лютеранству.

² См.: Г—А, п. от 26 сентября 1912 г.

³ М. Осоргин (псевдоним Михаила Андреевича Ильина, 1878—1942) — писатель, журналист, корреспондент газ. «Русские ведомости». После Великой Октябрьской революции эмигрировал. В «Современнике» не сотрудничал.

⁴ В кн. 7 была напечатана ст. И. Калины (И. Н. Кашинцева) «Пенчо Славейков».

8. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Париж.) 12.X.912

Дорогой Алексей Максимович, сегодня собираюсь выбраться из парижской суеты и перед отъездом хочу вкратце сообщить Вам результаты здешних свиданий:

1. С Павловичем условился о большом разнообразии тем. Ближайшие: о Франции и мусульманском движении (история с арабами), о Панамском канале¹.

2. Мазон (André)², rue de Lille, 2, познакомил меня с арабом-сирийцем, Michaël — Ioussouf Bictar (м.б., Bitar), который обещал общий очерк о мусульманском вопросе в настоящее время, затем — об освобождении женщин; обещал также для перевода — одну-две новеллы выдающихся арабских писателей³.

3. Познакомился с Луначарским. Он не прочь давать нам заметки об искусстве, отдельных литер<атурных> явлениях⁴ — в направлении к поставленной нами общей задаче журнала служить целям национ<ального> самоопределения. Этому он очень сочувствует.

4. Дал телеграмму Кашинцеву, прося статью о положении на Балканах.

Вот пока. Душевный привет М. Ф. и Вам.

Весь Ваш Евг. Ляцкий

Что Вы думаете о Мартове?⁵

М. А. Сундукьянц⁶ весьма неположительная особа в смысле указаний, где и когда ее можно видеть. Надеюсь повидать ее сегодня.

Амфитеатров нас режет: прислал около 5 листов!!!⁷

¹ М. Павлович вошел в журнал в качестве руководителя иностранного отдела. Речь идет о ст. «Разгром Турции и мусульманский вопрос во Франции» (см. ст.: Вокруг войны // Современник. 1912. Кн. 11) и «Панамский канал» (Современник. 1913. Кн. 3). См. также п. 11, прим. 3.

² Андре Мазон (1881—1967) — французский филолог-славист, историк русской литературы. Начал научно-педагогическую деятельность в России, в Харьковском университете (1905—1908). Возвратившись в Париж, занял пост ученого секретаря Института живых восточных языков (1909—1914). Автор работ о Тургеневе, Гончарове, Л. Толстом и других русских писателях. Ряд работ Мазона опубликован в томах «Литературного наследства» (т. 31/32 — «Русская культура и Франция», 1937; т. 73, кн. 1 — «Из парижского архива И. С. Тургенева», 1964; и др.). Ляцкому принадлежит рецензия на кн. Мазона о Гончарове (Изв. Отд. рус. яз. и словесности имп. АН, 1914. Т. 19. Кн. 4).

³ В объявлении о подписке на 1913 г. (Современник, кн. 11 и 12) М. Юсуф-Битар был указан в числе сотрудников журнала «по областному отделу». Его статьи в «Современнике» не печатались.

⁴ В Париж Луначарский переехал из Италии в марте 1911 г. В «Современнике» были напечатаны ст. Луначарского: «Антей» (1912, кн. 12), «Князь поэтов в народном Университете» (1913, кн. 2), «Молодая французская поэзия» (1913, кн. 8).

⁵ Л. Мартов (Юлий Осипович Цедербаум) (1873—1923) — один из лидеров меньшевиков.

⁶ Мария Александровна Сундукьянц (1859—1937?) — армянская общественная деятельница. В 1905—1906 гг. — издатель и редактор газ. «Кавказское слово». Была знакома с Горьким, весной 1912 г. жила на Капри. 25 октября 1912 г. Горький писал ей: «Нам необходимо иметь общий очерк положения армян в Закавказье — очерк на тему: „Армяне в России“ — их историческое прошлое, современное состояние армянской культуры, причины, задерживающие рост ее. Очерк из истории армянской литературы должен явиться отдельной работой» (Горький и Армения. Ереван, 1968. С. 56). В «Современнике» не печаталась.

⁷ Речь идет о романе Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь» (Современник. 1912. Кн. 9—12).

9. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 2/15 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович.

Посылаю копию протокола заседания подготовительной по организации музея комиссии и поздравляю Вас с добрым началом дела. Теперь, вместе с Вашим взносом, мы имеем свыше 3 т. франков и, надеюсь, что в близком будущем наш фонд возрастет еще на несколько сотен франков¹. Значит — уже сейчас мы можем приняться за приобретение материалов.

На очереди — приобретение архива князя Бебутова². Мною написаны по этому поводу письма: Ленину³, как представителю группы, которой пожертвован архив, и Карлу Каутскому⁴, как представителю немецкой с-д партии, которая хранит архив. Извещая этих лиц о том, что образовалась организация, устраивающая музей, я прошу Ленина и Каутского способствовать передаче архива Бебутова нашей организации.

Но необходимо обратиться и непосредственно к самому Бебутову: так как он живет в Петербурге, мы трое⁵ просим Вас переговорить с ним по данному поводу и взять у него разрешение перевезти архив на Капри.

Мне известно, что у князя имеется коллекция карикатур на Николая Первого, вероятно, эту коллекцию опасно держать в России, и, м. б., он ее тоже передаст нам.

Прилагаю для «Хроники» письмо Пресансе к министру народного просвещения⁶, думаю, что оно и своевременно, и поучительно для русского читателя.

Сегодня 2-е октября по-русски, а сентябрьская книга «Современника» еще не вышла. Это очень худо!

Было бы необходимо поторопиться с выпуском октябрьской.

Действую по всем направлениям, отчет о результатах — до следующего письма.

Крепко жму руку.

А. Пешков

912/14, X

Датируется по фразе письма: «...сегодня 2-е октября по-русски». В дате письма, указанной Горьким по н. ст., ошибка на один день.

¹ В АГ хранится машинописная копия протокола собрания Подготовительной комиссии, поступившая от В. А. Десницкого с пометой Горького: «Второй протокол. Копия».

На собрании Подготовительной комиссии 13 октября присутствовали: А. М. Пешков, Н. А. и А. А. Золотаревы.

А(лексей) М(аксимович) доложил о пожертвовании 1000 (тысячи) рублей на дело музея В. М. К(аменским).

Постановлено: подарить В. М.

Решено обратиться к Л(енину), немецкой с-д. партии и к князю Б(ебутову) с письмом. Каждого из адресатов известить о том, что здесь, на острове, образовалось учреждение, которое возьмет на себя заботу хранить и разрабатывать собранные материалы, что для этого дела есть уже сейчас достаточные средства и есть люди.

Решено предложить должность хранителя музея Лоренцу и, в случае согласия с его стороны, привлечь его немедленно в Подготовительную комиссию.

Переговорить с ним поручено Н. А. (Золотареву) (АГ).

² Давид Иосифович Бебутов — князь, сочувствовал социал-демократам; им были собраны документы по истории освободительного движения в России. Небольшая часть его коллекции (в том числе воспоминания участников революции 1905 г.) хранится в ЦГАОР (ф. 1771).

³ Отвечая Горькому, В. И. Ленин писал во второй половине октября 1912 г.: «Не успел отправить предыдущего письма, как получил Ваше о библиотеке. План собирания материалов по истории революции великолепен. Приветствую всей душой и желаю успеха».

Что касается Бебутова, то он сказал мне, когда я познакомился с ним в мае в Берлине, что он так отдал библиотеку Vorstand'у (ЦК нем. с-д.), что не мог бы взять назад. У меня есть его письмо, что библиотека сия пожертвована партии

с.-д., когда она будет едина, и пр. Значит, тут, видимо, ничего не поделаешь. Но все же попробуйте *Вы* снестись с Бебутовым» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 103).

⁴ П. Горького к Карлу Каутскому не разыскано. В АГ хранится перевод ответного п. Каутского от второй половины октября 1912 г. (машинопись с пометой Горького), в котором он писал: «Дорогой товарищ, немедленно по получении Вашего письма я обратился к нашему национальному совету (Parteivorstand) с просьбою ответить на Ваш вопрос. Сегодня мне пишут, что немецкая социалистическая партия получила библиотеку не как дар, но как бы на склад. Она еще принадлежит лично князю Бебутову, и только он сам может располагать ею. Если князь согласится на то, чтобы библиотека была передана Вам, т. е. русскому социалистическому архиву, Parteivorstand передаст ее с большим удовольствием. Ныне она не может быть передана никому, и никто не может пользоваться ею, чтобы работать. Но — вы видите — мы в этом вопросе несвободны. Решать его может только князь Бебутов» (АГ).

⁵ Горький, А. А. и Н. А. Золотаревы.

⁶ Упоминаемое п. Пресансе не разыскано.

10. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 6/19 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

В первом Вашем письме Вы не дали адреса, во втором — дали, но я думаю, что мое письмо уже не застанет Вас в Париже и пишу в Петербург.

Мартова¹ следует привлечь к журналу, это человек полезный. Лучначарский — талантлив, хотя очень часто пишет поверхностно, всегда — многословно и никогда не думает о читателе. Он тоже может быть весьма полезен.

Посылаю две вещицы Ник. Иванова, мне они не кажутся удачными: одна — под Горбунова², другая скучновата. От него можно требовать большего. Я извещил его, что мне обе вещи не понравились и что я отправил их на Ваш суд³.

Очень прошу Вас: тревожьте Черного и Амфитеатрова для октябрьской книги — будет весьма хорошо, если мы с октября же введем этот отдел⁴.

Сообщите Ваше мнение о Хронике. Если ее мало для книжки — телеграфируйте, я дошлю несколько страниц.

Желаю всего доброго, жду писем, книг. Это — третье мое письмо Вам⁵.

Жму руку.

А. Пешков

912/Х.6

¹ Л. Мартов в «Современнике» в 1912—1913 гг. не печатался.

² Иван Федорович Горбунов (1831—1895) — актер, рассказчик, писатель-юморист.

³ См. п. Горького Николаю Иванову до 6/19 октября 1912 г. (XXIX, 272). Н. Иванов в «Современнике» не публиковался.

⁴ В 1912—1913 гг. отдел сатиры в «Современнике» не был создан. См. п. 6, прим. 15. Печатались только сатиры Саши Черного.

⁵ Счет письмам Горький вел с момента своего вступления в «Современник», после посещения Капри Певиным и Ляцким. См. п. 6 и 9.

11. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Около 12/25 октября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Вернувшись из Парижа, нашел несколько рукописей от Вас и Ваше письмо. Между тем я еще не рассказал Вам о последних двух днях моего пребывания в Париже и о том, кого я там видел и что делал. Позвольте, для хронологии, начать с этого, тем более что последние дни прошли в такой суете, среди такой массы новых для меня и разнообраз-

разных людей, что я боюсь упустить что-либо, если отложу этот рассказ до конца письма.

Прежде всего я свиделся с Марьей Александровной Сундукьянц, которая познакомила меня с Алибеговым¹, обещавшим свою помощь в деле статей по армянскому вопросу вообще и армянской литературе в частности. Этим пока и закончено содействие Марии Александровны. Затем я обстоятельно беседовал с Циперовичем² относительно его дальнейших тем, и то, что он намечал, представляется мне в высшей степени интересным. С Павловичем я беседовал весьма долго, и, хотя он неохотно отстал от своей мысли проводить через журнал свои «книжные» статьи, тем не менее на этот год в виде опыта он согласился дать ряд небольших очерков по важнейшим вопросам европейской жизни³. Я познакомился с Луначарским, который произвел на меня впечатление несколько странного, но в высшей степени живого, остроумного и образованного человека. Не зная, как Вы к нему относитесь, я говорил с ним о его сотрудничестве очень осторожно; но во всяком случае сказал ему, что было бы интересно получить от него несколько заметок и небольших статей преимущественно по вопросам европейского искусства. Он выражал согласие работать в «Современнике», и мне кажется, что из него может выйти для нас дельный и в известном смысле разнообразный сотрудник. Познакомился я также с Хононом Липмановичем Раппопортом⁴, Вам, конечно, небезызвестным. Когда мы прощались с ним в кафе, он выразил желание на следующий день побывать у меня и переговорить о «деле». Я сказал: очень рад. На следующее утро он действительно пришел, и первой его фразой было: итак, какие же статьи вы просите у меня для «Современника»? В длинной беседе он выказал себя человеком разностороннего образования, широкой философской эрудиции. Обсуждая с ним темы его статей, я просил его написать общий очерк на тему о положении современной философии, европейской науки и общественной жизни. Если статья его окажется удачной, она послужит как бы введением к небольшим, время от времени помещаемым, очеркам на философские, или, точнее, культурно-философские темы. Наконец, я виделся с В. Я. Богучарским*, который обещал нам рецензии на переписку Стасюлевича с Тургеневым, Гончаровым и другими и статью к январской книжке⁵. Я оставил ему свои оба тома переписки Стасюлевича, и, если Вы будете иметь случай писать ему несколько строк, упомяните, что, по использовании этих томов, он прислал бы их Вам. Я перешлю ему и третий том, и вместо того, чтобы посылать его обратно в Россию, он пусть перешлет его в нашу будущую библиотеку, потому что посылать их отсюда было бы громоздко. В Париже Андрей Альбинович Мазон (Rue de Cille) дал мне последний номер *Revue de Synthèse historique*, сплошь посвященный России. Может быть, этот номер есть уже у Вас, если нет, постарайтесь поскорее его выписать, потому что он своим содержанием в некоторой степени идет к Вам на встречу.

В Петербурге я застал такую массу дел, что не мог сразу приняться за то, о чем мы с Вами говорили. Думаю, что в этих делах, в страшной суете пройдет два, три, самое большое четыре дня, после чего я примусь за дела, связанные с библиотекой, музеем и т. д. Пишу о Ваших рукописях. Вашу статью и стихотворения я уже сегодня сдал в печать⁶, и в последних оказался листок, к ним, очевидно, не относящийся, посылаю его обратно. Хронику, которой таким украшением явилось письмо Пресансе, прочтем завтра с Водовозовым и тоже сдадим в печать. Заметки Алексея Алексеевича⁷ мне очень понравились, и я пожалел лишь о том, что их было мало. Из редакции Вам завтра будет отправлен пер-

* Подчеркнуто Горьким.

А. А. И Н. А. ЗОЛОТАРЕВЫ

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1912

Музей Горького, Москва

вый пакет с книгами, среди которых нет, к сожалению, ничего замечательного, но тем не менее кое-чем можно будет воспользоваться⁸. Потом подумаю, что бы послать еще. Даманская предлагает перевод. По-сылаю Вам ее письмо, из которого Вы можете увидеть общий характер ее предложения⁹. Я написал ей об этом и сообщил, что в случае Вашего положительного ответа она получит от Вас письмо в течение четырнадцати дней, принимая во внимание, что письмо из Петербурга к Вам приходит день на шестой или седьмой.

В числе книг, полученных мною за время моего отсутствия, оказался личный экземпляр книги об Александре I вел<икого> князя Николая Михайловича¹⁰. На днях зайду к нему поблагодарить его и, если будет удобно, попрошу дать мне еще один экземпляр для Вас. Воспользуюсь также случаем разжечь его аппетит относительно миниатюры Боровиковского¹¹. Из новинок для ноябрьской книги с удовольствием отмечаю имеющую поступить к нам статью Пиксанова о Грибоедове¹². Статья по тому, как намечал ее автор, обещает быть очень интересной.

Вы сетуете на то, что сентябрьская книжка «Современника» выходит слишком поздно? Я удивляюсь, как вообще она выходит в этом году. Амфитеатров нас совершенно зарезал: можете себе представить — он прислал романа не два или два с половиной листа, а около пяти листов. Пришлось отставить целый ряд других статей, нарушить всю архитектуру книжки и дать произведение, которое многие находят скучным¹³. Буду писать ему по этому поводу, отчего его настроение по отношению к «Современнику» станет еще более, вероятно, кислым, но ничего не поделаешь. В то время, как мы строим литературную хижину с большими усилиями и всяческими лишениями, он хочет явиться тем сказочным медведем, который пришел, сел и раздавил все труды своих товарищей по общежитию. Не скрываю, что я имею еще особый зуб против него. Просмотрев так называемый портфель редакции, я вижу, что едва ли в этом году мы освободимся от всего того хлама по беллетристике, который был заведен им и продолжался трудами и усердием

его последователей. Было бы самое лучшее, если бы с января он сосредоточил свою деятельность исключительно на сатирическом отделе.

Пока все. Многого не договорил, многого сейчас не могу вспомнить за поздним временем и усталостью. Буду писать на днях опять, но заранее прошу извинения за разбросанность и непоследовательность моего эпистолярного изложения. Дело в том, что за недосугом я не пишу, а диктую в машину, от которой за летнее время порядочно отвык, и теперь диктование идет не так гладко, как прежде.

Низко кланяюсь Марии Федоровне и нашим дорогим товарищам по работе. Радуюсь, что в лице Алексея Алексеевича мы приобрели не только ценного сотрудника, но и душевного человека.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

Датируется по сопоставлению с п. 12.

¹ Можно предположить, что речь идет об Иване Григорьевиче Алибегове, авторе брошюр: «Елисаветпольские кровавые дни перед судом общества. Завравшийся публицист и его общественные сподвижники» (Тифлис, 1906); «Жилищные условия рабочих черного города» (Баку, 1905); «Народное образование на Кавказе» (Тифлис, 1903). В журн. «Современник» Алибегов не печатался.

² Циперович был постоянным сотрудником «Современника». В 1912—1913 гг. в журнале были опубликованы его ст.: «Угольный голод» (1913, кн. 2), «Борьба гигантов» (1912, кн. 5), «Успехи карательного движения в России» (1913, кн. 4 и 5), «Шнейдер и Путилов» (1912, кн. 6), «Индустриальный абсолютизм» (1912, кн. 10).

³ М. Павлович печатал в 1912—1913 гг. в «Современнике» цикл статей под общим названием «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (Современник. 1912. Кн. 5, 6, 8; 1913. Кн. 1, 3). Из напечатанных в журнале статей позже составила кн.: Павлович М. Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., тип. Б. М. Вольфа, 1913.

Первоначально Горький предполагал издать книгу статей Павловича в «Знании», но не смог осуществить своего намерения. Он писал М. П. Павловичу: «Лично я был бы очень доволен и рад видеть изданным сборник Ваших статей, ибо — не примите это за комплимент — читаю Ваши работы всегда с глубоким интересом и ценю их как самое значительное, что сейчас явится в русской литературе по вопросам международной политики» (Новый восток. 1928. № 20/21. С. XXIV).

⁴ Шарль Хонор Раппопорт (1865—?) — французский социалист, публицист, доктор философии. Автор ряда работ по философии и социологии. С 1883 г. принимал участие в революционном движении России. В 1887 г. участвовал в подготовке покушения на Александра III, после чего был вынужден эмигрировать из России. В 1902 г. примкнул к социал-демократическому движению. В 1910—1911 гг. выступал на страницах «Социал-демократа» (центрального органа РСДРП).

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Раппопорт был парижским корреспондентом газ. «Известия». В «Современнике» не печатался.

⁵ Инициатива привлечения Богучарского в журнал принадлежала Ляцкому. 12/25 декабря 1912 г. он писал Богучарскому: «О получении Вашего письма я уже Вам писал, подробно сообщил Вам весь ход образования нашей новой редакции, в которой большие надежды мы возлагали на Вас, и то, при каких условиях мы решили, не дожидаясь Вашего согласия, поставить Вас в числе ближайших сотрудников. Хотя это право Вы и дали, мы не хотели пользоваться им формально, и я подробно выяснил Вам надежды, полагаемые нами на Ваше сотрудничество» (ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1). В «Проспекте на 1913 г.» имя Богучарского было указано по «отделу истории» (Современник. 1912. Кн. 12).

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) — русский историк, журналист, публицист. Общественный деятель либерального направления. В 1866—1909 гг. — редактор журн. «Вестник Европы». Речь идет об изд.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. Т. 1. СПб., 1911; Т. II. СПб., 1912; Т. III. СПб., 1912. Всего в 1911—1913 гг. вышло 5 томов. Предполагаемая рецензия в «Современнике» не появилась. Статья В. Богучарского «Конституционный проект гр. П. П. Шувалова (политическая программа общества Земский Союз 1882)» была напечатана в кн. 3 «Современника» за 1913 г.

⁶ Ст. «Издадека» и стихотворения Л. Н. Старка.

⁷ А. А. Золотарева.

⁸ Речь идет о книгах, предназначенных для рецензирования в «Современнике».

⁹ Августа Филипповна Даманская (псевдоним Арсений Мерич) — писательница и переводчица. В п. к Ляцкому от 17/30 сентября 1912 г. предлагала перевести для «Современника» один из романов швейцарского писателя Федерера (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 27).

¹⁰ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I—II. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Хранится в ЛБГ (*Описание*).

¹¹ Имеется в виду миниатюра, принадлежавшая Горькому (приписывалась В. Л. Боровиковскому). Особенно нуждаясь в этот период в деньгах (М. Ф. Андреева сообщала К. С. Станиславскому 30 сентября 1912 г. об «отсутствии каких бы то ни было средств к жизни» у Горького. — М. Ф. Андреева. С. 224), Горький передал эту миниатюру Ляцкому для продажи. Миниатюра не была продана. Ляцкий переслал ее в сентябре 1913 г. И. П. Ладыжникову для передачи Горькому (п. И. П. Ладыжникова Ляцкому от 8/21 сент. 1913 г. — *ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 278).

¹² Николай Кирьякович Пиксанов (1878—1969) — литературовед, автор работ по истории русской литературы и общественной мысли. Подготовил Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова (Т. 1—3, 1911—1917). Ст. Н. К. Пиксанова «Душевная драма А. С. Грибоедова» была напечатана в кн. 11 «Современника» за 1912 г.

¹³ В кн. 9 «Современника» роман Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь» занял 79 страниц.

12. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

Каменноостровский пр., 65, кв. 31
С.-Петербург, 12/25 окт. 1912 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Дела по журналу такая уйма, что не могу ни для чего оторваться от вороха рукописей и корректур.

1. Вещицы Ник. Иванова и мне не нравятся. Куда отослать ему?

2. Посылаю выписку из письма Ю. Делевского (Юделевский Яков Лазаревич — 24 rue Bertollet, 24, Paris) с его предложениями. Что Вы о них думаете? Не хотите ли написать ему сами, — в таком случае сообщите мне темы, на которых Вы остановитесь¹.

3. Книги накапливаются. Скоро отправлю еще.

Осколков прислал письмо с изображением горестного состояния нервов Моревны². Мы с П. И. Певиным, в равных долях, переводим на имя Марии Федоровны для Моревны, как просил Осколков, 200 fr. Мои 500 скоро вышли. Радуюсь успеху.

Напишу еще. Добрый привет.

Ваш Евг. Ляцкий

P.S. Долг свой Моревна отдаст нам впоследствии — рисунками!! Это — аванс.

Письмо на бланке журн. «Современник».

¹ Ю. Делевский писал Ляцкому из Парижа 15 октября 1912 г., что готов участвовать в журнале в «следующих трех областях»: «1. Обсуждение национального вопроса в связи этого вопроса с социально-политической и идейной эволюцией нашего времени (...). 2. В области естественнонаучной — я мог бы предложить популярные статьи, посвященные изложению успехов как точного знания, так и техники». Далее Делевский предложил множество тем: «а) современное научное понимание принципа сохранения энергии (...); б) современные космогонические теории (...) с) вопрос о пространстве четырех измерений в современной науке; д) современное научное понимание принципов механики; е) принципы механики и вопрос о свободе воли, и т. п. (...) 3. В области социальной философии и обществоведения я мог бы предложить статьи, посвященные истории и критике социальных, в особенности социалистических, идей в Западной Европе» (АГ). См. также п. 16.

² Анатолий Осколков — художник. В п. к Ляцкому от 19 октября 1912 г. просил прислать 200 франков для художницы М. В. Воробьевой-Стебельской (Маревны), которой необходимо было переехать с Капри в Париж (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 373). См. о Воробьевой-Стебельской в кн.: *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 136.

13. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 13/26 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Со дня, когда я отправил Вам третье письмо, и до сего дня сделано следующее:

1. Получена статья профессора Кристева «Болгарская литература». Так как рукопись была небрежна — грязна и исчеркана, — статья же — по форме — написана плохо, я исправил ее и, напечатав на машине, послал автору для корректуры. На днях ожидаю ее обратно. Было бы хорошо напечатать половину ее в октябрьской же книге — Вы, конечно, понимаете, почему. Половина — лист, не более. К этой статье я напишу послесловие, оно необходимо, как Вы увидите¹.

2. Получен перевод пьесы Петко Тодорова «Строители» — вещь интересная. Я еще не проредактировал ее.

3. Написано индусу Кришнаварме, дабы он дал «Современнику» статью на тему о современном положении Индии, об отношении ее к России и Англии².

4. Написано индуске Кама, чтобы она дала статью «Индусская женщина и ее современное положение и ее роль в борьбе за освобождение Индии»³.

5. Написано Сунь-Ят-сену, дабы он дал статью на тему «Современное положение Китая»⁴.

Послана куча писем во многие города русской земли, а также земель иностранных; к январю мы будем иметь интереснейший материал.

Кто это принял стихи Зинаиды Ц.⁵ Это, знаете, очень плохого тона стихи. «Оригинально, ново», но — совершенно разывает с прочной традицией русской литературы. Проклятия — из гостиной, где плюшевая мебель «новейшего рисунка», пуризм из башки, где «новейшие» веяния скисли и распространяют запах английского романа, полустгнившего в библиотеке от старости. Необходимо быть более осторожным в выборе материала — к нам будут присматриваться зорко и ошибки наши подчеркнут со злорадством особенно ярким.

Пишите, очень жду!

Получили стихи Черемнова?⁶

Сашу Черного — видели? Сообщите мне его адрес.

Посылаю к Хронике письмо Сунь-Ят-сена⁷ и заметку индуски Кама о Вальтер Безант⁸.

Выкиньте вон из «Хроники» письмо Пресансе, ответ Биссолати Жоресу — все это уже устарело!⁹ Замените посылаемым мною вместе с этим письмом, — это значительнее. Верно?

Будьте здоровы!

А. Пешков

Датируется по упоминанию п. Горького к Сунь Ятсену от 12/25 октября (см. прим. 5) и по фразе из п. Ляцкого Горькому от 17/30 октября: «...только что получил ваше письмо».

¹ Ст. К. Кристева-Миролюбова «Новая болгарская литература» напечатана в «Современнике» (1912, кн. 11 и 12).

Петко Тодорову Горький писал 10/23 октября 1912 г., что «ввиду событий, развернувшихся на Балканах (войны стран Балканского союза против Турции. — И. Д.), было бы очень полезно поместить статью Кристева в русской прессе возможно скорее, — она может повысить внимание русского общества к судьбе Болгарии» (XXIX, 273).

О Кристева-Миролюбова и молодой болгарской литературе Горький написал в ст. «Издалека», 2(VIII), напечатанной в кн. 11 «Современника». Горький особенно выделил мысль К. Кристева о значении революционной идеи, которой «болгары обязаны не только своим быстрым политическим и духовным развитием, но и вообще своим существованием как свободной нации».

Это признание Кристевым огромной исторической заслуги, совершенной писателями осмеиваемого у нас «гражданского направления», — очень ценно, ибо оно исхо-

дит из уст человека, который рассматривает близость писателя к жизни, его активное участие в судьбах народа как помеху „свободной художественной деятельности“.

Таким образом, возможность „свободной деятельности“ для всех болгар — и в том числе и для художников-модернистов — была создана трудом „тенденциозных“ писателей, силой тех людей, которые явились выразителями мысли большинства своего народа, организаторами его воли» (с. 52).

² Шьямаджи Кришнаварма (Shyamaji Krishnavarma) — известный индийский публицист и общественный деятель, один из руководителей индийского национального движения за освобождение Индии от господства Англии. Редактор газ. «Indian Sociologist» («Индийский социолог»), запрещенной в Индии (издавалась сначала в Англии, затем в Париже). Горький написал ему 7/20 октября 1912 г. См. Приложение к переписке.

³ Б. Р. Кама — индийская журналистка и общественная деятельница. Горький писал Каме: «Не можете ли Вы написать для русской прессы статью на тему: „Индусская женщина, ее современное положение и ее роль в борьбе Индии за свободу?“» (Арх. Г. Т. VIII. С. 221). См. Приложение к переписке.

⁴ Сун Ятсен (1866—1925) — китайский революционер-демократ. Вождь Синхайской революции 1911—1913 гг., первый президент Китайской республики (1 янв. — 1 апр. 1912 г.). Горький писал 12/25 октября 1912 г. Сун Ятсену: «Я знаю Вашу статью в „Le mouvement Sozialist“, читал Ваши записки, глубоко уважаю Вас и уверен, что Вы охотно откликнетесь на мой призыв» (XXIX, 276).

⁵ Речь идет о стихах «Пусть будут чистыми и мысли, и сердца!», опубликованных за подписью Зинаида Ц. (Цесаренко-Быковой) в кн. 9.

⁶ Черемнов прислал в журнал стихотворение «Ведьма» (Современник, 1913. Кн. 1).

⁷ В «Хронике заграничной жизни» (Современник. 1912. Кн. 10) опубликовано напечатанное в журн. «Le Mouvement Sozialist» (июнь—авг. 1912 г.) открытое письмо Сун Ятсена, а также письмо к нему Ш. Кришнавармы с поздравлением по поводу учреждения Китайской республики.

⁸ Заметка Б. Р. Камы «Индийская сирена» в «Хронике» была посвящена деятельности в Индии Ании Безант (Горький ошибочно назвал ее имя). См. Приложение к переписке.

⁹ Упоминаемое п. Прессансе (см. п. 9, прим. 6) в «Хронике» напечатано не было. Горький считал «устаревшим» ответ Биссолати Жоресу (см. п. 6, прим. 2) в связи с тем, что во второй половине октября началась первая Балканская война; 9 октября Черногория открыла боевые действия, а 17 и 18 октября Сербия, Босния и Греция также объявили войну Турции. Тем не менее «Ответ Биссолати Жоресу» остался в «Хронике» (Современник. 1912. Кн. 10).

14. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 17/30 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю выдержку из письма Кауцкого, присланного им мне, в ответ на мое обращение, по поводу библиотеки князя Бебутова, и ответ Ленина по тому же поводу¹. Действуйте!

Если найдете необходимым, чтобы я написал князю, — телеграфируйте.

Мне стало известно, что Анатолий Осколков послал Вам письмо, в котором просит денег для девицы Маревны. Мне известно также, что сия девица не уполномочивала его на такой поступок. За такую гуманность на чужой счет нужно уши драть, и я Вас очень прошу — денег для девицы Маревны не посылайте.

Имею письмо от Муравьева, посланное из Москвы 10-го октября, он пишет, что еще не видал Вас².

Раппопорта — не знаю как писателя; вообще же необходимо быть очень осторожным с приглашением сотрудников зарубежных, в большинстве это народ изжеванный тощей коровой — русской историей — и уже отгрынутый ею.

Воспитывать общественное мнение Вятки, Херсона и Астрахани, сидя в Париже или на Капри, это, конечно, очень смело, но — свидетельствует прежде всего о великом самомнении зарубежных педагогов, все же остальное — знание, талант и прочие пустяки — должно быть доказано ими на деле.

Мое мнение об остальных лицах, которых вы видели в Париже, известно вам. Душа Луначарского подобна светлomu ручью: очень блестяща и красиво журчит, но, должно быть, поэтому статьи его весьма водянисты.

Будьте здоровы. Жду известий.

А. Пешков

30—16 октября 1912 г.

Капри

Дата уточнена: Горький ошибся на один день в переводе нового стиля на старый.

¹ См. п. 9, прим. 2 и 3.

² Горький рекомендовал Ляцкому привлечь Н. К. Муравьева «по вопросу о реорганизации отделов политики и общественной жизни» журн. «Современник» (Г—М, п. 5).

15. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 17/30 октября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Едва успел разобраться несколько в Авгиевых конюшнях редакционных залежей, как приходит время ехать в Москву. Буду там у Н. К. Муравьева и В. В. Вересаева. Им, вероятно, Вы написали¹ и тем облегчили мне технику первого свидания.

Все усилия употреблял на то, чтобы октябрьская книжка вышла прилична. Она вообще была бы весьма недурна, если бы не пятно — размазня Амфитеатрова. Хочу написать ему, что его роман слишком растянут, дал бы только бог добраться с ним до конца года.

Что бы Вы подумали, если бы я попытался организовать такой же отдел относительно культурной русской жизни, как Вы относительно заграничной? Такая хроника, имеющая целью группировать более крупные культурные явления, могла бы, может быть, пригодиться читателю.

Ноябрь уже набирается. Идут: вторая часть присланной Амфитеатовым рукописи, т. е. он прислал ее только для одного октябрьского номера, а я ее разделил на две части²; затем продолжение статьи Павловича³; затем будет статья Сакулина «К истории крестьянского вопроса», статья Пиксанова и продолжение моей работы о Чернышевском⁴. Обещал статью о Раевском Щеголев, но я думаю отложить ее для декабря⁵. Ждем с нетерпением Вашу статью, та, что идет в октябрьской, — превосходна и отлично вводит в будущее здание наших замыслов⁶.

Петр Иванович⁷ волнуется относительно проспектов. Будьте добры, если возможно, напишите для его успокоения название той повести или рассказа, который Вы предполагали нам дать для января. Если бы Вас затруднило заглавие, позвольте определить глухо. На декабрь также ждем Вашего рассказа⁸. Затем, выяснилось ли положение Ивана Вольного в «Заветах» и будем ли мы иметь от него продолжение его повести?⁹ Это было бы нам крайне важно знать именно теперь, так как, в надежде на Вас и его, весьма храбро отказываемся от предложений Федорова, Ремизова и других¹⁰.

Между тем знаете ли Вы, что Тихонов рядом со своим именем в объявлениях «Кругозора» печатает жирным шрифтом и Ваше¹¹. Припоминаю Ваш отзыв об этом предприятии, думаю, что здесь кроется какое-нибудь недоразумение. Если найду номер газеты с этим объявлением, pošлю Вам. Книги для нашей библиотеки ползут. Накоплю их достаточное количество и pošлю сразу большим ящиком. Буду по поводу берлинской библиотеки у кн. Бебутова завтра в два часа дня и тотчас сообщу Вам о результате. Дошла ли до Вас первая посылка книг из редакции?

Шолом-Алейхем будет закончен в декабре, «Брак» тоже¹². Иностранного романа еще не имеем в виду. Проспекты имеют быть озаглавлены так: «„Современник“, издаваемый П. И. Певиним при участии А. В. Амфитеатрова (сатирический отдел), В. Я. Богучарского, В. В. Водовозова, Максима Горького, М. П. Павловича и Г. В. Плеханова»; включил, было, сюда и А. А. Золотарева, но Петр Ив. затруднялся объявлять его в числе ближайших сотрудников, так как его сотрудничество пока еще заметным образом не проявилось, и он находит, что для новых «подписчиков» это имя не связывается ни с каким определенным представлением. С января мы вводим сюда и это имя. Если Москва даст возможность ввести также имена Муравьева и Вересаева, это будет только хорошо. Как только список сотрудников будет набран, тотчас же пошлю его Вам для возможных дополнений, что Вы можете сделать по телеграфу¹³.

Набегает материал и по архиву. Но о нем особо. Низко кланяюсь Марии Федоровне и нашим товарищам. Радуюсь, что Алексею Силовичу удалось пристроить свой рассказ.

Ваш Евг. Ляцкий

17.X.912

Р. С. Только что получил Ваше письмо. «Зинаида Ц» — жена Быкова¹⁴ — не мой вкус, конечно и не вкус В. В. Водовозова, но прискорбная уступка «страху иудейску», испытанному Быковым по поводу конфискации июльской книжки¹⁵.

Адрес Саши Черного: Надеждинская, 5. Александр Михайлович Глибберг.

¹ П. Н. К. Муравьеву с сообщением о сотрудничестве в «Современнике» Горький послал 9/22 сентября 1912 г. (Г—М, п. 5). В. В. Вересаеву Горький написал 25 сентября/8 октября 1912 г.: «Если увидите Н. К. Муравьева, — между вами — вероятно — возникнет разговор о возможности реорганизовать один из существующих журналов. Был бы глубоко рад, если бы Вы согласились принять участие в этом деле» (Арх. Г. Т. VII. С. 114).

² В 10 и 11 кн. «Современника» печатались V, VI и VII главы романа «Дрогнувшая ночь» Амфитеатрова.

³ Ляцкий предполагал, что в 11 кн. «Современника» будет напечатано продолжение ст. М. Павловича «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (Современник, кн. 5, 6, 8). Но в этой книге была напечатана его ст. «Вокруг войны».

⁴ Перечисленные ст. «К истории крестьянского вопроса» П. Сакулина, «Душевная драма Грибоедова» Н. Пиксанова, «Любовь и запросы личного счастья в жизни Н. Г. Чернышевского. (Из биографических очерков по неизданным материалам)» Ляцкого (продолжение) были напечатаны в кн. 11 «Современника».

⁵ Ст. П. Е. Щёголева «Возвращение декабриста (1858)» напечатана в «Современнике» (1912, кн. 12). В этой статье впервые приводились записки декабриста В. Ф. Раевского «О своей поездке в Россию, о своем возвращении».

⁶ В 10 кн. «Современника» была напечатана ст. Горького «Издалека», 1 (VII). В 11 (январьской) кн. — ст. «Издалека», 2.

⁷ П. И. Певин.

⁸ См. п. 21, прим. 2.

⁹ Вторая кн. «Повести о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях» — «Отрочество» была напечатана в журн. «Заветы» (1913, кн. 8, 9).

¹⁰ Александр Митрофанович Федоров (1868—1949) — прозаик, поэт, драматург. Горький относился к творчеству Федорова скептически. В 1905 г. он отказался издать произведения Федорова в «Знании». В «Современнике» Федоров не печатался. И Федоров, и Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) были указаны в списке авторов в кн. 8 «Современника», принимающих участие в журнале. Но уже в проспекте на 1913 г. (Современник, кн. 11 и 12) имя Федорова указано не было.

¹¹ Г—Т, п. 7, прим. 1.

¹² В кн. 12 «Современника» за 1912 г. были закончены публикации романов Шолом-Алейхемы «Блуждающие звезды» и Г. Уэллса «Брак».

¹³ В объявлении о подписке на журн. «Современник» на 1913 г. сообщалось: «„Современник“, ежемесячный, внепартийный, прогрессивный журнал литературы, истории литературы, науки, истории искусства, общественной жизни и политики, издаваемый при постоянном участии А. В. Амфитеатрова (общественная сатира), В. Я. Богучарского (история), В. В. Водовозова (социально-политический отдел),

Максима Горького (художественная литература), Е. А. Ляцкого и П. Е. Щеголева (история литературы), М. П. Павловича (иностранный отдел)». Имя Г. В. Плеханова было объявлено на 1913 г. только по отделу социально-политическому. Имя А. А. Золотарева — по отделу критико-библиографическому. В. В. Вересаев был указан в списке «состава сотрудников „Современника“». Н. К. Муравьев в этот список не вошел. Участие Горького было объявлено «для первых книжек „Современника“ в 1913 году» по трем разделам: художественной литературы, социально-политическому и областному (Современник. 1912. Кн. 12). В составе сотрудников журнала названы: Д. Я. Айзман, К. С. Баранцевич, А. А. Блок, И. А. Бунин, Ив. Вольнов, М. О. Гершензон, С. И. Гусев-Оренбургский, М. М. Коцюбинский, Е. Д. Кускова, А. В. Луначарский, В. В. Муйжель, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Н. К. Пиксанов, Г. В. Плеханов, А. М. Ремизов, Б. А. Садовской, П. Н. Сакулин, И. С. Шмелев, П. Е. Щеголев, Т. Л. Щепкина-Куперник, Шолом-Алейхем и др. (Современник. 1912. Кн. 12).

¹⁴ Жена официального редактора «Современника» П. В. Быкова.

¹⁵ В кн. 9 «Современника» за 1912 г. было помещено сообщение: «На июльскую книгу „Современника“ за 1912 г. был наложен арест за статью Ю. Смирнова „Из старых воспоминаний“ (памяти Л. Э. Шипко)» и Ю. Стеклова „Герцен и Чернышевский“».

16. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 18/31 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Делевский до такой степени универсален, что это уже опасно!

Помилуйте — он дает в трех, совершенно различных областях знания семнадцать тем¹, причем некоторые, как, например, «О принципах механики и свободе воли» или «О пространстве четырех измерений в современной науке», меня, профана, весьма смущают, ибо всего меньше можно фантазировать именно в области точных наук. Нет, с ним нужно подождать; для научной хроники потребен человек менее гениальный и более скромный, и мы его найдем².

Посланные Вами книги еще не получил; посылки идут очень долго, бандероли приходят в одно время с письмами.

Двести руб., посылаемые Вами Маревне, запишите в мой счет. Ей пока денег не нужно.

Необходимо, чтобы Вы возможно скорее переговорили с Муравьевым, мне нужно знать, чем кончатся переговоры. Муравьев организует новый журнал, как я Вам говорил, было бы во всех отношениях лучше, если бы это предприятие слилось с «Современником».

Имею немало различных предложений, но существенного пока ничего еще нет.

Весьма занят. Крепко жму руку.

Поклон П. И. Певину.

А. Пешков

31—18 окт. 1912 г.

Капри

¹ См. п. 12, прим. 1. В кн. 12 «Современника» Ю. Делевский был назван в числе сотрудников журнала.

² Составление научной хроники журнала Горький предполагал поручить большевику М. Ф. Владимирскому. См.: Г—Вл, п. 1, 2.

17. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 21 октября/3 ноября 1912 г.)

Дорогой Е. А.!

Если эта заметка, — очень важная для старообрядцев, — опоздала для ноябрьской книги — поместите в декабрь¹. Завтра вышлю хронику², заболел я, а потому и опаздываю.

Всего доброго!

А. Пешков

¹ Речь идет о заметке А. А. Золотарева «Запоздалое признание. По поводу труда Н. Ф. Каптерева „Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович“. Т. I—1909 г., т. II — 1912 г.». Напечатана в «Современнике» (1912, кн. 12). Книга Н. Ф. Каптерева с пометами Горького хранится в ЛБГ (Описание).

² «Хронику заграничной жизни» для ноябрьского номера журнала Горький выслал 23 октября/5 ноября 1912 г. См. п. 20.

18. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 22 октября/4 ноября 1912 г.⟩
22.X.912

Дорогой Алексей Максимович.

Запоздалая присылка Амфитеатровым Провинциального фельетона¹ задержала меня в Петербурге, и я до сих пор еще не выбрался в Москву. Мой коллега по журналу, Водовозов, так занят предвыборной агитацией², своими «Столичными откликами»³, что я не решаюсь, после моего долговременного отсутствия, из Петербурга, наваливать на него техническую сторону журнальной работы. Надеюсь выехать завтра или самое позднее послезавтра, когда уже все до последней статьи будет подписано к печати. Снова запаздывая с октябрьской книжкой, мы выигрываем в том отношении, что начали уже печатать ноябрьскую, и порядочная часть листов уже отпечатана, поэтому материала от Вас ожидаем с двойным нетерпением.

Я познакомился с кн. Бебутовым, и он произвел на меня прекрасное впечатление. Конечно, такого сложного вопроса, как передачу берлинской библиотеки другому учреждению, он сразу решить не мог, но во всяком случае я подметил в нем желание основательно познакомиться с проектом нашего предприятия, принять участие в течение зимы в его осуществлении. Он сказал, что, если он будет уверен, что судьба его библиотеки находится не в руках смертных людей, но в учреждении, которое обеспечит ему и в будущем устойчивость и сохранность, лично ничего не имел бы против такой передачи. Долгое время уговаривал он нас примкнуть и устроить это дело в Берлине. Но и он сказал, что за Берлин он твердо не держится и что дело таким образом откладывается до нашего совместного свидания. Противоречие между письмами Л<енина> и К<аутского> находит свое объяснение в самом же Бебутове, который в начале нашей беседы сказал, что судьба его библиотеки зависит не от него, а затем совершенно твердо и положительно установил тот факт, что окончательное распоряжение ее судьбами зависит от него, и от него только.

Березин⁴ до 25-го октября, т. е. до исхода выборов, очень занят, но после этого времени мы поговорим с ним обстоятельно об его участии в журнале.

Совершенно согласен с Вашими отзывами о парижских сотрудниках и вообще об эмигрантском сотрудничестве, за блестящими исключениями, что Вы легко подразумеваете. Раппопорт в качестве правоверного социалиста величина, бесспорно, крупная, но я ни с ним, ни с Луначарским не заключал никаких соглашений, которые исключали бы возможность редакции наложить на ту или другую статью свое veto, когда это окажется необходимым.

Было у меня Гребенников и чрезвычайно мне понравился. Не сомневаюсь, что из него выйдет крупная литературная величина. Как человек он умен, застенчив и положителен в одно и то же время. Но с его обращением к нам вышла маленькая путаница. Ссылаясь на Вашу рекомендацию, очевидно старую, он искал для издания своих рассказов товарищество писателей, которое и полагал найти при журнале «Современник», я же вначале думал, что Вы направили его в «Огни», и только, когда узнал, что он опирается на Ваш давнишний совет, понял, что речь

идет не об «Огнях»⁵, но об Аверьянове. По-видимому, его дело и сладится с Аверьяновым⁶, что для «Огней» было бы жаль, так как хорошо было бы начать беллетристическую секцию именно писателем такого рода.

Ваше обращение к индусам и к Сунь-Ят-сену сулят нам интересные статьи⁷. Здесь наша идея была встречена многими очень восторженно, и я не сомневаюсь, что мы будем иметь в этом направлении успех. Петр Иванович в своих целях требует от нас возможно скорого заявления к читателям, где мы наметили бы нашу физиономию, и я боюсь, что в силу его поспешности я не успею послать Вам корректурный оттиск этого заявления, по существу не сомневаюсь, что Вы его разделите, оно не представляет ничего иного, кроме того, о чем мы много раз говорили с Вами⁸. Двести франков высланы по тому адресу, который был дан Осколковым. Да не смущает Вас это обстоятельство. Сто франков я верну Петру Ивановичу, а двести, если на них не претендует Моревна, пусть останутся у Вас от моего имени в счет тех пятисот, которые больше за недосугом, чем за безденежьем, я еще не перевожу Вам.

Сообщите, получили ли какие-нибудь книги.

Скажите Ваш взгляд на открытие беллетристической секции в «Огнях», последние, несколько приутигасшие во время моего отъезда, вновь разгорелись, и я на следующей неделе буду иметь возможность выслать Вам Франциска Ассизского, а несколько позже второй выпуск «Писем» Чернышевского⁹.

Крепко жму Вашу руку и шлю низкий поклон Марии Федоровне.

Ваш Евг. Ляцкий

Только что получил Ваше письмо от 31/18.X. Делевским нельзя, конечно, пользоваться универсально, но упускать его не следует, мне думается. Для научного отдела одного лица вообще мало.

А. В. Амфитеатров прислал сердитую телеграмму. Недоволен тем, что я отказываюсь преподносить его читателям по 4—5 листов на книжку. Ну, и пусть!

¹ Очевидно, первоначальное название фельетона Амфитеатрова — «Благодетственное житие». См. п. 28, прим. 6. Фельетон был закончен Амфитеатовым 12 октября (ст. ст.) (Современник. 1912. Кн. 10. С. 336).

² В связи с предстоящими выборами в IV Государственную думу В. Водовозов агитировал за представителей партии трудовиков.

³ «Столичные оглики» — еженедельная политическая и литературная газета (выходила по понедельникам, с 27 авг. 1912 г.). Издатели В. Водовозов и Н. Кулябко-Корецкий.

⁴ Михаил Егорович Березин (1864—1933) — один из руководителей народнических кружков в Казани, «мой учитель по Казани», писал Горький (Арх. Г. Т. VII. С. 157), товарищ председателя II Государственной думы, баллотировался в IV Государственную думу от партии трудовиков. Ляцкий должен был говорить с Березиным по поводу участия его в «Современнике», поскольку Горький считал, что Ляцкий «может быть недурным редактором литературного и литературно-критического отделов», но не редактором «фундаментальной политической части журнала (...) Мне кажется, что для последней роли был бы более уместен Михаил Егорович Березин», — писал Горький Ладыжникову 11/24 сентября 1912 г. (Арх. Г. Т. VII. С. 205). В «Современнике» Березин не участвовал.

⁵ «Огни» — изд-во в Петербурге (1911—1913 гг.), в работе которого Ляцкий принимал близкое участие.

⁶ Михаил Васильевич Аверьянов — один из организаторов Издательского товарищества писателей в Петербурге (1911—1914).

⁷ Ожидаемые статьи в «Современник» присланы не были.

⁸ Программа журнала напечатана в «Современнике» (1912, кн. 10). Ее характер отличала общая «левизна» и отсутствие строго выдержанного направления. В программе было заявлено, что «Современник», «как и в первые два года своего существования», остается «внепартийным» органом, целью которого является объединение всех партий и вместе с ними «широких кругов нашего общества на ближайших общих задачах», главнейшая из которых — «демократизация нашего общественного строя».

Несомненно под воздействием Горького в программу журнала был внесен вопрос о «культурно-национальном самоопределении племен и народностей, образующих Россию в полноте своего состава». В связи с этим в журнале был объявлен специальный «областной отдел», одним из участников которого был назван Горький.

⁹ Речь идет об изд.: Книга о святом Франциске Ассизском. Celano. Speculum. Fioretti / Предисл. и пер. В. Конради. СПб.: Огни, 1912, ЛБГ (Описание); Чернышевский в Сибири: Переписка с родными 1865—1875. Вып. II. СПб.: Огни, 1913.

19. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 23 октября/5 ноября 1912 г.⟩

Статью Кристева отослал сегодня¹. Размером один лист. Оставьте место октябрю.

Пешков

Текст на телеграфном бланке, на фр. яз.

Датируется по помете: «Принята 23/X».

¹ См. п. 13, прим. 1.

20. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 23 октября/5 ноября 1912 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю «хронику»; может быть, завтра, послезавтра дошлю к ней небольшую заметку о современном состоянии Греции¹.

Чрезвычайно любопытные вещи пишет мне из Сибири Анучин², сегодня сообщаю одно из его предложений П. И. Певину³. Речь идет о газете в Томске. Поддержите это предложение: если у «Совр⟨еменника⟩» будет две газеты — это очень поможет ему и морально, и материально.

Посылаю расписку на 200 лир.

Жду ваших сообщений.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Какую рукопись дал Гребенщиков?⁴ У него есть повесть «Сельская знать» — ее очень одобряют, попросите его послать мне рукопись скорее. Он, в письме ко мне, обещал послать ее, но — медлит.

5/XI
912

¹ «Хронику заграничной жизни» для ноябрьской кн. «Современника».

² В п. от 12/25 октября 1912 г. Анучин советовался с Горьким по поводу издания в Сибири газеты демократического направления в противовес издающейся реакционной газ. «Сибирская жизнь» (АГ).

³ П. Горького к П. И. Певину не разысканы. Певин был издателем газ. «Голос современника».

⁴ Вероятно, Гребенщиков передал Ляцкому рукопись повести «Бахтурминское царство» (публиковалась под названием «Ханство Батырбека»). См. п. 40.

21. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 26 октября/8 ноября 1912 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович!

По поводу отдела «Хроника русской культуры» — ничего не могу сказать: не вижу, из какого материала можно бы построить подобный отдел?

Относительно проспекта: печатайте — Горький «Мой хозяин»¹. На декабрь и январь дам два очерка «Губин», «Калинин»².

Ко второй части статьи Кристева дам послесловие, в связи с книгой Наживина «Моя исповедь», под тем же заголовком «Издали»³.

Положение Вольного еще не выяснилось.

С Федоровым и другим, его типа, подождите. Пусть Даманская дает рукопись перевода — не читая вещи, полагаясь исключительно на ее вкус, — нельзя принять роман. Даже сапог не покупают заочно, не примерив — по ноге ли?

Книги — только что получены. Я уже писал, что посылки идут чрезмерно долго, нужно отправлять бандеролью.

На январь мы имеем очерки Изюмского, Василия — «Гимназия»⁴, вещь интересная, недурно написана, отправил автору для поправок.

Очерки Саяпина⁵ — внука одного из основателей секты «общих» — «Взыскующие града» — тоже весьма интересная работа.

Гребенщиков прислал рассказ⁶, — возвратил, прошу переделать.

Все это в проспект не ставьте, преждевременно будет.

Кристев просит 100—150 оттисков статьи, я тоже очень прошу Вас: распорядитесь, чтобы это было сделано и послано по адресу: Болгария, София, редакция журнала «Мысль», профессору Кристеву. Стоимость оттисков можно включить в счет гонорара.

Свои рукописи на декабрь, январь — вышлю на днях.

Будьте здоровы! Очень занят.

А. Пешков

8—XI 1912.

Капри

¹ О работе над рассказом под таким названием Горький сообщал Е. П. Пешковой 24...27 февраля/8... 11 марта 1912 г.: «...пишу рассказ „Мой хозяин“ — о булочнике Семенове...» (Арх. Г. Т. IX. С. 136). Позже в «Современнике» была напечатана повесть Горького под названием «Хозяин» (1913, кн. 3, 4, 5).

² Рассказ «Губин» был напечатан в 12 кн. «Современника» за 1912 г. с подзаголовком «Очерк»; рассказ «Калинин» — в 1 кн. «Современника» за 1913 г., с тем же подзаголовком. Рассказы вошли в цикл «По Руси».

³ «Моя исповедь» И. Ф. Наживина была напечатана в V томе его Собр. соч. (М.: Зеленая палочка, 1912). Горький писал об этой книге в ст. «Издали», 2.

⁴ Василий Иванович Изюмский в своем п. к Горькому от 22 сентября/5 октября 1912 г. из Царицына просил его прочесть и оценить его рукопись. «Тема рукописи — беллетристические очерки о средней школе во время освободительного движения» (АГ).

⁵ Михаил Спиридонович Саяпин (1884 — ?) — внук Ивана Антоновича Успенского, одного из основателей секты «Общих», описанной в очерке Г. Успенского «Несколько часов среди сектантов». Рукопись очерков была отослана Горьким автору вместе с письмом, в котором предлагалось доработать очерки и выслать их Ляцкому (XXIX, 280—282). В «Современнике» очерки Саяпина не публиковались.

⁶ В п. Гребенщикову от 7 ноября 1912 г. Горький, сделав ряд замечаний по рукописи «Ханство Батырбека», писал: «Исправив рассказ, передайте рукопись в „Современник“, Е. А. Ляцкому» (М. Т. I. С. 270).

22. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

28.X/10 ноября 912
Москва, «Лоскутная»

Дорогой Алексей Максимович, попал я сюда in medias res* отчитывания и отпевания юбилейного страстотерпца Бунина, — и на третий день¹ еле перевожу дух. Но об этом при свидании, да если и не расскажу, потеря невелика.

Итоги моего первого свидания с Н. К. Муравьевым. Состоялось оно в первый же день моего приезда в Москву, т. е. позавчера. Я умышленно не написал Вам вчера, чтобы дать впечатлению отстояться и тем облегчить мне задачу — дать Вам краткий, схематизированный и объективный отчет.

1. Принял он меня с таким высокомерием, с каким и директора департамента не принимают столоначальников. Сначала распек за то, что

* в самую суть (лат.).

я не явился к нему раньше. Объяснение, что нужно было выпускать октябрь, готовить ноябрь, а сил редакционных немного, — не уважил. Потом повел настоящий допрос с пристрастием, при котором доминирующей нотой было то, что Вы, Алексей Максимович, поставили до известной степени условием своего участия в «Современности» *передачу* редакции в руки Потресова, Вересаева, Муравьева и с производными — Мартовым, Масловым, Неведомским (редактор литер(атурного) отд(ела)). На это я отвечал, что 1) Алексей Максимович не выражал неуважения к нынешним работникам журнала, такого условия ставить мне не мог и не ставил; 2) Если бы Ал. Макс. такое условие поставил, то я его не принял бы, ибо это означало бы, что вместо выполнения намеченного им и мною плана нам пришлось бы заняться решением уравнения со многими неизвестными. Я объяснил Муравьеву, что Ал. Макс. предлагал *войти в соглашение, координировать силы*, но ничего не навязывал².

Дальше передаю диалогом.

— Позвольте, а вот тут, в письме Ал. Макс., сказано, что Вы готовы были бы и редакцию передать другому лицу, стало быть, устраняли даже себя...³

Я понял, что в руках опытного юриста я очутился в положении го-голевской свахи. И мне стало только обидно за капризные звезды, под лучами которых мы мечтали найти молодую силу, которой вверили бы ведение журнала в *нашем* духе, в целях наилучшего осуществления *наших* идей.

И я отвечал с живостью, не лишенной, так сказать, некоторого достоинства:

— Уходить из журнала сейчас я не собираюсь, ибо уход мой *теперь* был бы позорным бегством и неисполнением взятых на себя перед Ал. Макс. и издателем обязательств. Передать общее руководство журналом я согласился бы другому лицу лишь в том случае, если бы я *уверовал* в это лицо, что оно лучше меня выполнит задачу развития журнала в определенном нами направлении.

После этого Муравьев стал говорить о том, что у Вас, т. е. в «Совр.», *ничего* нет, нет ядра, нет экономических статей. Я спросил у него, видел ли он последние номера. Оказалось: он их не видел и говорит только понаслышке.

Наконец, я должен был дать ему понять, что так или иначе, но «Современник» идет вперед, что симпатии к нему и со стороны литературной публики, и со стороны читателей растут, и что на него, еще не рожденного литературного младенца с Потресовым и Вересаевым, я не склонен смотреть как на варягов, коим надлежит поклониться в ноги и сказать: «приидите княжити и владети нами». Если они желают говорить о *сотрудничестве, о редакционном участии*, я к их услугам, а нет — так и не о чем и толковать.

И мне неожиданно стало ясно: он, вернее, они, раздражены, я сказал бы — возбуждены до скрежета зубного Вашим участием в «Совр.» и вообще нашим с Вами союзом. И Муравьев *срывает* на мне досаду.

Должно быть, это сказалося в моем тоне большей решительностью, потому что до того, утомленный суетным днем и бессонной ночью в вагоне, я вел себя порядочным тельцом, т. е. говорил недостаточно определенно, подчас смущенно, словно бы оправдывался в чем-то, вообще — гадко... Тут же я начал ставить точки над *i* и почувствовал, что г. юрист, «все толочший воду в ступе „формальных оснований возможных соглашений“», начал говорить со мной в тоне, приличествующем джентльмену, разглядевшему наконец, что перед ним — не истец с просроченными векселями. На этом основании я счел возможным продолжить разговор и с своей стороны поставить ряд вопросов о направлении, способах ведения, распределении редакционных портфелей и т. д.

Впечатление мое таково: они исходят не от плана, не от идей, но от *лиц*. Желают насадить меньшевистскую скуку, к истории и истории литературы имеют легкое, пренебрежительное отношение: «конечно, это, может быть, интересно», «весьма возможно, что этот отдел и важен в каком-либо смысле» и т. д. Конечно, Муравьев не ответствен за отношение Вересаева и Потресова, но таково именно отношение Муравьева. И для меня стало ясно: в их руках «Совр.» не станет тем, чем он должен стать в наших, и что самое большое, что мы могли бы предложить им, — это такое участие, которое обогатило бы нас силами, но ни на йоту не изменило бы характера и направления «Совр.».

Мы расстались, чтобы обдумать взаимно сказанное. Сегодня после 3-х он будет у меня. Пока что у меня доформулировались следующие основные соглашения (в которые мало верю):

1. Направление — внепартийное, объединяющее оппозицию различных толков.

2. Редакционн^{ое} участие Потресова в экономическом и социальном отделе.

3. Участие Муравьева в роли редактора судебно-общественного отдела.

4. Сотрудничество Неведомского в роли литературного критика при Вашем на то согласи^и.

О Вересаеве не говорю, потому что его желания мне неизвестны. В 2 ч. дня.

Познакомился на чествовании с В. В. Вересаевым, который зашел ко мне и провел у меня минут 20. Выразил общее сочувствие, дал имя для списка сотрудников, сказал, что «близкого» участия принять не может по двум соображениям: 1) дать ему нечего, потому что он чувствует себя больным и почти ничего не работает, 2) общая программа «Совр.», без уклона в сторону меньшевизма, кажется ему несколько неопределенной. Был вообще сосредоточенно кисловат и вял.

В 4½ ч. приехал Муравьев. Вел себя как джентльмен, сидел на ручке кресла и вертел этикетку от боржома. Говорил как человек и потому беседа шла ладно. Он пошел на всяческие примирительные уступки. Договорились: он вызовет Потресова телеграммой, и мы побеседуем сообща.

На чем станем, о том сообщу.

Теперь же посылаю Вам это письмо, потому что многократно был прерываем поэтами и поэтессами, жаждавшими читать мне свои вирши.

До завтра, если не умру под юбилейным колесом.

Марии Федоровне и товарищам нашим — сердечный привет.

Ваш Евг. Ляцкий

P. S. Прилагаю только что переданные мне стихи. Я их не читал. Если не понравятся, пришлите мне оригинал.

¹ Речь идет о торжествах в Москве в связи с 25-летием литературной деятельности Ив. Бунина. Утром 28 октября в большом зале «Поскутной» гостиницы, где остановился И. Бунин (и где жил в то время Ляцкий) собрались представители различных учреждений и обществ.

² См.: Г—М, п. 5.

³ По поводу этого письма Ляцкого Горький писал И. П. Ладыхникову: «Ляцкий писал мне, что Муравьев встретил его сурово и враждебно, это — напрасно! Конечно, Ляцкий неясно представляет, что нужно делать, но — яснее ли его представляет это Муравьев? Во всяком случае у Ляцкого есть преимущество: он отходит от идеи, а не от лиц. Г. г. Мартовы — Масловы желали бы взвалить на мою спину свой все более дряхлеющий меньшевизм — благодарю!» (Арх. Г. Т. VII. С. 209—210).

⁴ М. Неведомский (Михаил Петрович Миклашевский; 1866—1943) — литературный критик. С 90-х годов активно сотрудничал в русской журнальной периодике. Его общественно-литературные позиции во многом определялись близостью к меньшевизму.

23. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 28 октября/10 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Я уже писал вам о Михаиле Саяпине, внуке основателя секты «Общих», авторе очерков из современной жизни этой секты.

Как везде, в недрах сектантства идет борьба детей с отцами, и — как всегда — борцы увлекаются. Михайло Саяпин относится к сектантам критически и даже, пожалуй, отрицательно. Исходная точка его критики: — учите жить хорошо — живете — плохо, как все.

Теперь Саяпин прислал пьесу¹, кою я посылаю вам. Это вещь интересная, вы прочтаете ее без усилий, думается мне. Я не говорю, что ее надобно печатать в «Совр(еменнике)», — мне хотелось бы, чтоб вы ознакомились с автором, дабы, — когда он пришлет свои очерки², — вы знали уже, с кем имеете дело.

Эта пьеса послана Саяпиным Карпову³. Суворинский театр — вероятно — возьмет ее, он, конечно, подчеркнет отрицательные стороны сектантов, затушует положительное — оно дано автором очень скупо, — и создаст скандал, подобный скандалу с «Контрабандистами»⁴. «Вот они, враги православия!» — напишет какой-нибудь Меньшиков.

Нам необходимо предвидеть возможность такого случая. Саяпина я извещил о том, какой успех может иметь его пьеса⁵.

А парень он, видимо, интересный, много пережил и мог бы писать недурно, поучительно.

Будьте здоровы!

А. Пешков

10/XI
12

На всякий случай сообщаю адрес:

Михаил Спиридонович Саяпин.

Баку. Армянский поселок. 9-я Перевальная, 58

¹ Пьеса «Сектанты».² См. п. 21.³ Евтихий Павлович Карпов (1857—1926) — драматург. Главный режиссер Петербургского Малого театра (театра А. С. Суворина).⁴ «Контрабандисты» — под таким названием в Суворинском театре была поставлена пьеса Виктора Крылова и С. К. Литвин-Эфрон «Сыны Израиля». Премьера пьесы состоялась 23 ноября 1900 г. Труппа Суворинского театра публично протестовала против постановки в театре этой явно антисемитской пьесы. Премьера спектакля была сорвана учащейся молодежью. В этот день было арестовано около 500 студентов (Новое время. 1900. № 8889. 24 нояб.).⁵ В п. от 10 ноября 1912 г. Горький писал М. С. Саяпину: «Но — вообще — пьеса интересная. Очень жаль, если Карпов поставит ее на сцене Суворинского театра — это создаст пьесе позицию, которой вы едва ли желаете. Суворинский театр непременно подчеркнет ваше критическое отношение к сектантству, сделает его отрицательным. „Вот каковы-де враги православия, вот каковы люди, требующие свободы вероисповедания“ и т. д. „Новое время“, воспользовавшись случаем, поручит одному из поганых перьев написать какую-нибудь пакость. Вероятно, откликнется Меньшиков».

Пьесу надо бы поставить в хорошем — честном театре, который сумел бы отнестись к ней объективно, а не полемически» (АГ).

24. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 31 октября/13 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Вместе с этим письмом я послал заказной бандеролью с обратной распиской:

1. — два мои очерка, на декабрь и январь¹.2. — «Издалека», 2-ю статью, на декабрь².

М. Ф. АНДРЕЕВА И ПЕТКО ТОДОРОВ
 Фотография Ю. А. Желябужского. Мустамяки, 1914
 Музей Горького, Москва

3.— 2-ю часть статьи Кристева — на декабрь.

4.— Воспоминания о Михайлове — на ноябрь³.

5.— Стихи Старка⁴ — на ноябрь.

Если статью Кристева можно поместить всю сразу в ноябрьской книге, — в эту же книгу суште и мою статейку «Издалека»⁵. Не забудьте, пожалуйста, послать автору оттиски, — *сто*, — как он просит.

Мне прислап перевод трехактной пьесы Тодорова — «Самовила», вещь интересная, но — отчаянно переведена⁶.

С Юделевским не торопитесь; «Научную хронику» пужно поставить хорошо, а он — человек взбалмошный, любит эффекты, торолится с выводами.

Петр Иванович хотел дать приложение к «Общедоступному»⁷ — посоветуйте ему Брет-Гарта⁸. Это писатель, из которого вышел столь читаемый ныне Джек Лондон, — читаемый в России⁹, а не у себя дома, где его уже раскусили.

Брет-Гарт издан в 6-ти томах «Общественной пользой» в 95 году; его продают очень дешево.

«Заграничную хронику» на ноябрь вышла дня через два, три. Трудно мне, пока дело не налажилось. Очень много рукописей, все плохие. Простудился, сильно кашляю, болит голова.

Будьте здоровы, дорогой Евгений Александрович!

А. Пешков

31/ХІ
912

¹ Очерки «Губин» и «Калинин».

² Ст. «Издалека», 2 была напечатана в ноябрьской — 11 кн. «Современника» за 1912 г.

³ Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865) — поэт, публицист, переводчик, активный сотрудник и член редакции «Современника» 60-х годов. О какой рукописи идет речь — неизвестно.

Памяти М. Л. Михайлова были посвящены ст. В. Богучарского «Пятидесятилетний „юбилей“» (Современник. 1912. Кн. 1) и П. Быкова «Из переписки М. Л. Михайлова. К материалам для его биографии» (1912, кн. 9). В 11 кн. «Современника» за 1912 г. воспоминания о Михайлове помещены не были.

⁴ Посланные Горьким маленькие стихотворения Л. Старка были напечатаны в 12 кн. «Современника» за 1912 г.

⁵ Предложение Горького не было реализовано. Ст. К. Кристева «Новая болгарская литература» печаталась в двух книгах журнала (11 и 12).

⁶ Пьеса Н. Тодорова «Самовила» была написана в 1904 г.

⁷ «Общедоступный журнал» — литературно-художественный и общественно-политический журнал издавался П. И. Певиным в 1912 г. в Петербурге под редакцией К. С. Баранцевича. В объявлении о подписке на журнал говорилось, что, «желая сделать „Общедоступный журнал“ органом семьи, редакция часть его посвящает интересам подрастающего поколения». Было объявлено участие в журнале Д. Айзмана, И. А. Белоусова, А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, А. П. Чапыгина, Евг. Чирикова и др. (Современник. 1912. Кн. 8). Но большинство из объявленных его участников в нем не печатались.

Во время пребывания Ляцкого и Певина на Капри в сентябре 1912 г. (см. п. 5, прим. 2) было решено, что Горький станет редактировать также и этот журнал. Это намерение не было осуществлено.

⁸ Брет Гарт (Френсис Брет Гарт) (1836—1902) — американский писатель. Упоминается изд.: Брет-Гарт. Собр. соч. / Пер. с англ., вступ. ст. В. Чуйко. Т. 1—6. СПб., тип. т-ва «Общественная польза», 1895.

⁹ В 1910 г. было начато издание Полн. собр. соч. Джека Лондона в 22 т. (авторизов. пер. с англ. И. А. Маевского. М., 1940—1916); в 1912 г. было начато издание Собр. соч. Джека Лондона в 18 т. (предисл. Леонида Андреева, пер. с англ. под ред. А. Н. Кудрявцевой. СПб., книгоиз-во. «Прометей», 1912—1915).

25. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 1/14 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

В Москве обитает Николай Александрович Шахов¹ — брат историка литературы, автора книг: «Вольтер и его время», «Гете и его время», «Очерки литературного движения» в первую половину XIX века². Н. Шахов известен как широкий «благодетель» на дела просвещения: это он дал 50/т<ысяч> Румянцевскому музею на предмет расширения библиотеки, он дает деньги университету Шанявского, платит за учащуюся молодежь и т. д.

Недавно он был у меня, но я не успел обстоятельно поговорить с ним о нашем деле и вчера написал ему об этом³.

Адреса его я не знаю, писал на Мельгунова⁴, в ред. Рус<ских> вед<омостей>.

Если вы еще не ездили в Москву, — я бы предложил вам повидаться там с Шаховым и поговорить с ним о музее.

Кроме возможной — хотя бы и небольшой — материальной помощи делу, он, может быть, отдал бы унаследованные им бумаги брата?

Как вы смотрите на это дело?

Рецензий о книгах на ноябрь я, вероятно, не пришлю: не о чем писать. Будет рецензия Золотарева о книге Каптерева «Алексей и Никон»⁵ в связи с книгой о Джордано Бруно. Это довольно большая заметка, — стр. на 4.

О беллетристах Свирском, Криницком и т. д. дадим статейку на декабрь⁶.

Что думаете вы о приглашении Войтоловского из «Киевской мысли» на роль обозревателя журналов?⁷

Сегодня получил письмо от Юделевского⁸, предложу ему заняться вопросом о происхождении «славянофильства» из «германофильства». Вообще надо усиленно бороться с проклятым предрассудком, что-де мы, Русь, призваны осчастливить мир и что мы — изумительно оригинальны!

Читаете вы «Александра» Мережковского? Этот фокусник сделал основоположником славянофильства немца Пестеля! А декабристы у него рассуждают по трафарету Гиппиус—Мережковский. А императрица Елизавета — по Достоевскому мыслит?

За всем этим он употребляет такие речения, как, например: «от него пышало». Следовало бы для ноябрьской книги написать статейки о Мамине-Сибиряке и Бунине, по поводу их юбилеев. Вы не напишете?⁹

Будьте здоровы!

И желаю всего доброго!

А. Пешков

1/XI
1912

Дата Горького — по ст. ст. П. Ю. Делевского (Я. Л. Юделевского) от 12 ноября из Парижа было получено им 14 ноября н. ст. См. прим. 8.

¹ Николай Александрович *Шахов* был на Капри у Горького осенью 1912 г.

² Александр Александрович *Шахов* (1850—1877) — историк литературы.

³ Упоминаемое письмо не разыскано.

⁴ Сергей Петрович *Мельгунов* (1879—1956) — историк и публицист. Сотрудник газ. «Русские ведомости».

⁵ А. А. Золотарев готовил в то время к изданию перевод кн. Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя».

⁶ В «Современнике» (1912, кн. 12) была напечатана рецензия Горького (за подписью А. П.) на кн.: *Новиков И.* Рассказы. М., книгоизд-во писателей, 1912. Рецензия Горького (за той же подписью) на кн. М. Криницкого «Рассказы» (СПб., Шиповник, 1912. Т. III) была напечатана в «Современнике» (1913, кн. 1).

⁷ Лев Наумович *Войтоловский* (1876—1941) — писатель, литературный критик. Писал о Гоголе, Чехове, Андрееве, Горьком. Горький ценил ст. Войтоловского «В защиту толпы» и «Сумерки искусства», напечатанные в 1908—1909 гг. в I и II сборниках «Литературный распад» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 45, 59). В первой части его «Очерков психологии коллективизма» (Современный мир. 1912, № 9) Горький сочувственно отметил толкование сцены исцеления в повести «Исповедь» (*Арх. Г.* Т. XI. С. 204). В «Современнике» не печатался.

⁸ П. от 30 октября/12 ноября 1912 г., в котором Ю. Делевский спрашивал о причинах задержки ответа из редакции «Современника» по поводу его сотрудничества в журнале (АГ).

⁹ Шестидесятилетие Д. Н. Мамина-Сибиряка и двадцатипятилетие литературной деятельности Ив. Бунина отмечалось в октябре 1912 г.

26. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 5/18 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Тяжело мне было читать ваше письмо-дневник из Москвы! Не ожидал я, что Муравьев поведет себя так странно с вами и очень виню себя за то, что — кажется — написал ему лишнее¹. Не нужно было сообщать, что вы не смотрите на пост редактора «Современника» как на «вечный» пост, хотя я и сообщил это в целях дать более точную характеристику вашего отношения к делу.

Я, конечно, отнюдь не желаю, чтоб из-за моего плеча пропагандировался «меньшевизм»; Муравьев не говорил со мною о «группе», а только о лицах: Потресове, Базарове, Циперовиче, Павловиче. Ему известно мое отрицательное отношение к зарубежным литераторам, и мне странно, что он заговорил с Вами о «группе»². Думаю, что его тон с Вами объясняется литературным невежеством, столь свойственным «хорошему русскому интеллигенту».

Вероятно — теперь, когда я пишу, вы уже установили какие-нибудь условия. Будет очень хорошо, если вы не отступили с позиции, занятой вами в первой беседе.

Я, конечно, ничего не имею против сотрудничества Неведомского, хотя я предпочел бы критика с более ясными взглядами.

Посылаю вам письмо Василия Иванова Анучина³; об этом человеке я писал Петру Ивановичу⁴; на мой взгляд, Анучина следовало бы привлечь к журналу поближе. Поговорите об этом с издателем.

Заметку о Греции не ждите, пришлю на декабрь.

Сообщите мне, пожалуйста, обо всем, что услышите по поводу «Издадека» и «Хроники», особенно — по поводу последней.

В октябрьской книге статья Аничкова разноречит несколько с моей статьей⁵. У этого человека какой-то «пильский» тон, — знаете, есть провинциальный словотек Петр Пильский.

Скоро ли кончится Гершензон? ⁶ Заноза это в сердце моем!

Станкевич и Водовозов напрашиваются на возражения, могут вызвать полемику, чего нам следовало бы избегать⁷. Хорошо, если бы они переехали в «Кругозор» Тихонова. Я очень уговариваю Тихонова пригласить редактором общественно-политического отдела М. Е. Березина, случись это — образуется недурной трудовический журнал.

Будьте здоровы, желаю всего хорошего!

А. Пешков

5/XI.

912

Мне нужно бы иметь роман Реймонта «Мужики»⁸ — не распорядитесь ли, чтоб купили эти книги и выслали мне? Пожалуйста!

¹ См. п. Горького Н. К. Муравьеву от 9/21 сентября 1912 г.

² Ладыжникову Горький писал по тому же поводу 19 октября/1 ноября 1912 г.: «Муравьев ведет себя странно: разговаривая со мною, он ничего не говорил о „группе“, напротив: мы с ним согласились на том, что „группу“ создает журнал, т. е. она организуется в процессе работы. И затем: совершенно необходимо, чтобы она — эта группа — слагалась не из зарубежных людей, а из пребывающих в атмосфере русской действительности» (Арх. Г. Т. VII. С. 208).

³ Имеется в виду п. В. И. Анучина Горькому из Томска от 2/15 октября 1912 г. (АГ). К письму Горького Ляцкому приложена машинописная копия той части этого письма, которая касалась «Современника». Анучин писал: «Не стану скрывать, что мне лично убийственно хочется стать в рядах авангарда, организуемого вами для „Современника“».

⁴ Упомянутое п. Горького П. И. Певину неизвестно.

⁵ В очерке Е. Аничкова «Коллективизм, сверхчеловечество и сверхлюбовь» утверждалось, что на смену идеям коллективизма приходят идеи «сверхчеловеческие», нищенские, с которыми автор связывал и творчество Горького. Такое утверждение резко противоречило основному пафосу ст. Горького «Издадека» и «Хро-

ники заграничной жизни», опубликованных в той же 10 кн. «Социализм же — последняя и наивысшая ступень общественных концепций», — утверждал он в «Хронике» (1912, кн. 11, с. 397).

⁶ Публикация труда М. Гершензона «Братья Кривцовы. Дворянская хроника по неизданным материалам» началась в кн. 7 и завершилась в кн. 12 «Современника» за 1912 г.

⁷ В 10 кн. «Современника» были напечатаны ст. В. Станкевича «Мнимые победы и действительные поражения» и В. Водовозова «Итоги и факты. Война. Государственная дума», посвященные выборам в IV Государственную думу. В редакционном примечании к ст. В. Станкевича говорилось о спорности ряда положений статьи, в частности оценки автором политических партий и партийной борьбы. В ст. В. Водовозова содержались идеи, подвергшиеся ранее критике Лениным и вызвавшие между ними полемику (см.: *Водовозов В. Избирательная программа Трудовой группы; Он же. Трудовая группа и рабочая партия // Запросы жизни. 1912. № 13, 17; Ленин В. И. Либерализм и демократия // Звезда. 1912. № 27 (63) и 32 (68) 8 и 19 апр.; Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии // Социал-Демократ. 1912. № 26. 8 мая/25 апр.; Трудовики и рабочая демократия // Правда. 1912. № 13 и 14, 8 и 9 мая; В. И. Ленин. Т. 21. С. 237—246, 247—251, 267—274).*

В. И. Ленин полемизировал с утверждением В. Водовозова о необходимости создания в России одной «надклассовой» партии, которая обслуживала бы «интересы трех классов»: крестьянства, рабочего класса и «трудовой интеллигенции». «Всякие попытки созидания „надклассовой“ партии, попытки объединить крестьян и рабочих в одну партию, — писал В. И. Ленин, — попытки выставить какую-то несуществующую „трудовую интеллигенцию“ особым классом — крайне вредны, губительны для русской свободы...» (В. И. Ленин. Т. 21. С. 271).

⁸ Владислав Станислав Реймонт (1867—1925) — польский писатель. Имеется в виду изд.: *Реймонт В. Мужики / Пер. с пол. В. Ходасевича. Т. 1—4. М.: Польза, <1910—1912>.*

27. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Напр. 7/20 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю письмо Ефремова, — будьте добры ответить на его вопросы. Это очень хорошо, что именно он даст статью по украинскому вопросу¹.

Хорошо бы ее иметь на январь, а в феврале — статья Анучина о Сибири!²

И так, в каждой книжке, а?

Сообщите, как решили со статьей Крестева — в одной книге всю или разделите на две?

Лучше бы сразу, мне кажется.

Крепко жму руку.

А. Пешков

7/XI.
912

¹ Сергей Александрович Ефремов (1876 — ?) — украинский буржуазный политический деятель, публицист и историк литературы. В п. Горькому от 19 октября/1 ноября 1912 г. он писал: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, М. М. Коцюбинский передал мне от Вашего имени приглашение написать статью для „Современника“ — „Культурные запросы Украины“. С удовольствием возьмусь за эту работу. Мне только нужно выяснить некоторые условия, а именно: 1) размер статьи, 2) срок доставки и 3) адрес, по которому ее направить» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 5, № 58, подчеркивания, вероятно, принадлежат Горькому). Статья Ефремова в «Современнике» не появилась.

² В. Анучин в 1912—1913 гг. в «Современнике» не печатался.

28. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Около 9/22 ноября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

В тот же день, когда я виделся с Потресовым и Вересаевым — свидание это произвело на меня самое благоприятное впечатление, — я выехал в Петербург. Здесь я застал такой кавардак, что только сегодня, т. е. через четыре дня, могу писать Вам. Потресов, с которым я ранее знаком не был, показался мне человеком в высшей степени пригодным для роли руководителя большим журналом. Он мне очень понравился, как своей положительностью, так своим образованием и в особенности культурностью. Первые моменты трения, неизбежного при первом знакомстве, очень быстро прошли с ним, и, кажется, он понял меня в той же мере, как я его. Вересаев также был гораздо разговорчивее, и в общем дело подвинулось настолько быстро, что почти изгладило во мне первые неприятные впечатления знакомства с Н. К. Муравьевым. Те отрицательные стороны, которые выдвигал Муравьев в вопросе о сближении этой группы людей с нами, значительно смягчились при общей беседе, и вопрос коалиции в теории приблизился весьма к своему благополучному разрешению. Дело представилось таким образом, что Потресов станет во главе журнала; привлечение беллетристики примете на себя Вы и В. В. Вересаев; я буду к Вашим услугам постольку, поскольку я буду в Петербурге руководить историко-литературным отделом; экономика будет реализована при помощи Мартова, Маслова¹ и Дана²; критический отдел я бы желал сделать, как и все, коллективным. Неведомскому можно было бы предоставить в отдельных случаях право совещательного голоса. Но вообще участие его как сотрудника, по зрелом размышлении, я признавал бы желательным. Что же касается до Амфитеатрова, то вопрос этот остался невыясненным. Потресов задумывается вообще о возможности его участия в редакционной коллегии, хотя бы и в форме заведования сатирическим отделом. В чем, собственно, практически будет состоять это заведование, я сам себе еще не выясняю, и этот вопрос, таким образом, остается еще в сфере разработки.

В Петербурге я говорил об этом с П. И. Певиным, с которым у меня в последнее время происходили частые споры из-за ликвидации старого материала, не подлежащего, по моему мнению, печатанию, но оплаченному нередко весьма крупными авансами. Донимал я его и скверной типографией и вообще всей технической стороной дела, которая не удовлетворяет моему стремлению сделать внешность журнала изящной. Певин чрезвычайно внимательно отнесся к возможности коалиции с Потресовым и др. Вчера он провел у меня вечер вместе с ним, заинтересовался планом расширения и углубления журнала и обещал окончательно определить свое отношение — к пятнице или субботе. Когда это совершится, я телеграфирую Вам, а Вы, конечно, получив телеграмму раньше этого письма, установите сами хронологическую канву событий.

Чувствую только, что вести дело большого журнала вдвоем, как это мы делали до сих пор с Водовозовым, который, кстати сказать, скоро будет изъят из обращения, невозможно, и в этом отношении я поставлю Певину некоторый ультиматум. Просмотр рукописей, переписка, приемы, телефоны поглощают у меня не только весь день, но и значительную часть ночи; все мои дела «огневые»³, так и относящиеся к моим заветным мечтам о наших предприятиях остались в забросе. Все это ждет своего разрешения от той комбинации, которую я, вслед за Вами, начинаю признавать наилучшею. Будем надеяться, что она уладится превосходно. Вижу, что и Вы безумно заняты, но думаю, что скоро все должно образоваться и войти в нормальную колею, при которой работа распределится на большее количество ячеек. Окончательный вид наше-

му проспекту⁴ придавали Певин и Водовозов, когда я был в Москве. Увидев его, я содрогнулся от ужаса, в такой степени он безобразен и вообще как-то невыработан. Что касается опечаток, то сделать что-нибудь мы бессильны. Корректуры вычитываются великолепно, но благодаря тому, что при выправке хотя бы одной запятой необходимо переливать, при машинном наборе, всю строку, наборщики то и дело производят новые ошибки, а Певин из меркантильного расчета колеблется переходить в другую типографию.

Хорошо было бы, если бы Вы повлияли на него возможно более решительным способом.

К сведению Вашему сообщаю, что, по слухам довольно достоверным, постигший нас штраф в 500 руб. наложен вовсе не за статью Водовозова, и особенно не за малиновую водичку Станкевича⁵, но за «благоденственное житие» Амфитеатрова⁶. Я чистил весьма основательно и достиг того, что привлечение к суду обосновать комитету не удалось, и дело обошлось одним штрафом, который, говорят, явился следствием жалобы Саблера. Певин был несколько удручен, но затем успокоился, когда половину этого штрафа я взял на себя.

Низко кланяюсь Марии Федоровне и товарищам.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

Датируется по сопоставлению с п. 30, в котором Ляцкий сообщал Горькому: «...больше недели не писал».

¹ Петр Павлович Маслов (1867—1946) — экономист, социал-демократ. После Великой Октябрьской революции вел научную и педагогическую работу. В 1929 г. был избран действительным членом Академии наук СССР.

² Ф. И. Дан (Гурвич, 1871—1947) — один из лидеров меньшевиков, по профессии врач.

³ Т. е. дела изд-ва «Огни».

⁴ Речь идет о проспекте на 1913 г. См. п. 18, прим. 8.

⁵ См. п. 26, прим. 7.

⁶ В фельетоне «Благоденственное житие» Амфитеатров писал о падении «этического влияния» духовенства на население России, несмотря на численный рост церквей и монастырей, и осмеивал активность некоторых духовных лиц, боровшихся за место в Государственной думе. Несколько раз в ироническом плане упоминалась в фельетоне деятельность обер-прокурора синода Владимира Карловича Саблера (1847—?).

29. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю рукопись Ф. Ласковой¹, — прочитайте, пожалуйста. Мне нравится эта вещь, — в манере рассказывать есть что-то очень искреннее и — свое. Автору — 22 г. В «Жатве» № 2-й² помещен ее рассказ «Хризантемы». Если рассказ понравится и вам — пустите его в январскую книжку.

Посылаю рассказ Силыча³. Не бог весть что, но — берет за душу своей суровой правдой.

Приложена рецензия о книге Криницкого⁴, стихи Старка и Семена Астрова. Последний — рабочий. Обратите внимание на тон стихов. Этому парню 25 лет, он усердно работает над собою, и я жду от него немало⁵.

В другом пакете — материал по делу Зайчневского. Н. А. Золотарев написал небольшую заметку, прилагаемую мною⁶. Вообще материал ваш использован уже в сборнике «О минувшем», не было напечатано лишь мнение Ховена и кое-какие подробности. Золотарев просмотрел и «Ми-

нувшее» — этот сборник издан в 900 г. — и статью Лемке — в «Былом» январь 906 г. — о Михайлове¹.

По скорости пришлю еще материалы.

Будьте здоровы!

А. Пешков

9.XI.12

Стихи Астрова — отложил, пошлю автору для некоторых исправлений. Речь в них идет о «счастье жить» — каково?

¹ Фанни Григорьевна Ласковая (1890—?) — писательница. Начала переписываться с Горьким в 1911 г. (см.: ЛН. Т. 70. С. 231—238). Речь идет о рукописи рассказа Ласковой «Лицом к лицу» (напечатан в 6 кн. «Современника» за 1913 г.).

² «Жатва» — журнал литературы. Выходил четыре раза в год. № 2 — СПб., 1912.

³ Речь идет о рассказе Новикова-Прибоя «Порченный», написанном в 1912 г. на Капри. Рассказ не был принят в «Современник». Он был передан Горьким М. К. Куприной-Иорданской в журн. «Современный мир», но в то время по цензурным условиям не мог быть напечатан. См. п. 44, прим. 2.

⁴ Рецензия Горького на III том «Рассказов» М. Криницкого.

⁵ Семен Астров — рабочий, поэт. Жил в Париже, откуда написал Горькому о своем бедственном положении. По предложению Горького переехал на Капри. См. в наст. томе сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор журнала „Просвещение“».

⁶ В «Современнике» (1913, кн. 2), в разделе «Новое о прошлом», помещена заметка «К истории процесса П. Г. Зайчневского» за подписью «Н.» (Н. А. Золотарев).

Петр Григорьевич Зайчневский (1842—1896) — революционер, организатор кружка революционного демократического студенчества в Московском университете. Был арестован в 1861 г. и осужден на каторгу по обвинению в распространении запрещенных изданий и в произнесении «речей возмутительного содержания». Материалы по обвинению студентов Московского университета Зайчневского, Аргиропуло, отставного корнета Костомарова и других лиц, а также воспоминания о Зайчневском печатались в сборнике «О минувшем» (СПб., 1909). В дополнение к этим материалам в «Современнике» было напечатано ранее неизвестное особое мнение по этому делу сенатора барона Ховена.

⁷ Лемке М. К. Дело М. Л. Михайлова (по неизданным материалам) // Былое. СПб., 1906. № 1.

30. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 18/31 ноября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Больше недели не писал я Вам, и это меня и заботило, и тяготило. Что Вы можете думать о моем молчании?

Все эти две недели мы занимались не столько выработкой условий общежития с Потресовым и комп(анией)¹, сколько толчением воды в ступе, т. е. определением формальных правовых норм, в которые должно отлиться еще весьма зыбкое существо совместной литературной работы. Эту формальную струю, с непостижимой для меня резкостью, вносил в наше обсуждение Н. К. Муравьев. Он находил, что без юридического договора невозможно группе начинать, несмотря на упускаемое время, общую работу, тогда как я находил, что важнее договориться о принципиальных точках зрения и общем характере ведения журнала. О последнем мы и договорились довольно скоро с А. Н. Потресовым, человеком, по моему убеждению, в высшей степени ценным и необходимым для журнала, хотя несколько нетерпимым. Этот дух некоторой нетерпимости, в связи с формализмом Н. К. Муравьева, и проводит известную внутреннюю грань между стремлениями этой группы и тем идеалом, который мы с Вами намечали. Но то, что должен принести с собой Потресов и его связи, слишком серьезно, чтобы не взять на себя труд попытаться смягчить те возможные затруднения, которые представляются моему мнительному прогнозу².

Я, действительно, до такой степени устал, до такой степени измучился, неся почти один на себе все бремя внутренней редакционной работы и переписки, что перестаю видеть предметы в их настоящем свете и сгущаю краски там, где они, может быть, более невинны.

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Фотография Ю. А. Желибужского. Капри, май 1912

Музей Горького

Жажду хорошо организованной работы и, когда она хорошо налажится, обращусь ко всем другим делам, для которых теперь нет ни одной минуты времени.

И. П. Ладыжников мне чрезвычайно понравился своей обстоятельностью и той теплотой, с которой он говорил о Вас. Как было бы хорошо, если бы он взял на себя управление «Огнями», дела которых очень хороши, которые, как мы убедились, правильно задуманы и внутренне организованы, но которым необходим кормчий-практик³.

Письмо Ефремову написал, Анучину также.

«Болгарскую литературу» пришлось разделить: и без того не знаю, как быть с двумя последними книжками.

Амфитеатров все ворчит. Причиной этого ворчания является больше всего то, что я отказался преподнести его читателям в количестве 5-ти листов.

С Плехановым отношения прекрасные⁴. Он присылает новую статью «Искусство и действительность»⁵.

Обо многом я Вам не пишу, потому что в январе надеюсь Вас видеть. Буду писать лишь о деловом.

Да, я забыл Вам сказать, что Шахова не было в Москве, когда я был там, и побываю у него особо.

Статья Ваша «Издадека» имеет большой успех⁶.

О «Хронике заграничной жизни» отзывы различны. Одни говорят: хорошо, если выдержите; другие: нужно больше фактов, сжимая их изложение; третьи: не вытанцовалось; рядовой читатель: интересно. Есть еще мнение, что эту хронику нужно слить как подотдел с другим подотделом — материалы текущей культурной жизни России.

Сердечно кланяюсь Марии Федоровне и товарищам.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий.

Р. С. Наживину досталось поделом. Невежество претерпеть можно, если оно не нагло, а у него черт знает что такое. Статья Ваша (вторая) возбуждает желание, чтоб Вы рассмотрели наглое невежество и богоискательский блуд на ряде других примеров. Ах, как это нужно! Вы сделаете это?

На первом листе в правом углу помета Ляцкого: «18—XI—912» (возможно, дата отправления письма).

¹ В переговорах с Ляцким участвовали, по-видимому, помимо А. Н. Потресова и Н. К. Муравьева, П. П. Маслов и Ф. И. Дан. В АГ сохранились три недатированных п. П. П. Маслова Горькому. Все они касаются участия в «Современнике» группы литераторов-меньшевиков.

² По поводу этого письма Горький писал Ладыжникову 25 ноября/8 декабря 1912 г.: «Ляцкий излагает мне ход переговоров с Пре (Потресовым) и К° довольно объективно. Маслов — покойник. Мартон — скандалист. Я боюсь их» (Арх. Г. Т. VII. С. 211).

³ Выдержку из этого письма (от слов «И. П. Ладыжников мне чрезвычайно понравился» до «кормчий-практик») Горький дважды приводил в п. к Ладыжникову от 22 ноября/5 декабря 1912 г. и 25 ноября/8 декабря 1912 г. (Там же. С. 210—211).

⁴ Еще в сентябре 1912 г. Ляцкий информировал Г. В. Плеханова о своих переговорах с Горьким по поводу «Современника». 7/20 сентября 1912 г. он писал Плеханову: «Горького я застал бодрим, успешно работающим. Он прочел одну из своих сказок на тему „Проходящие в жизни“, которая мне показалась великолепной. К „Современнику“ отнесся очень ласково, можно сказать, сердечно. Обещал принять в ближайшем же будущем самое непосредственное участие. Что меня особенно порадовало в нем, так это его преклонение перед европейской культурой, и мы долго говорили с ним о том, как бы Вы могли помочь нам, знакома русскую публику с новейшими течениями в европейской науке. Особенно в философии» (Дом Плеханова, ф. 1093, ед. хр. В 272. 4).

⁵ 22 ноября/5 декабря 1912 г. Г. В. Плеханов писал Ляцкому: «Посылаю Вам статью „Искусство и общественная жизнь“. Это — первая. Вторая не замедлит. Вы получите ее недели через две (...) Скоро пришлю также и рецензию. Высылайте книги главным образом по истории литературы и общественной жизни» (Знамя. 1956. № 12. С. 188).

Первая и вторая части ст. «Искусство и общественная жизнь» были напечатаны в 11 и 12 кн. «Современника» за 1912 г. Третья часть — в 1 кн. «Современника» за 1913 г. В том же журнале появились рецензии Плеханова на кн.: Сперанский В. Н. Общественная роль философии. СПб.: Шиповник, 1913. Кн. 1; Целлер Э. Очерки истории греческой философии / Пер. С. Л. Франка. М., 1912. Кн. 2.

⁶ Имеется в виду раздел ст. Горького «Издадека», 2, посвященный книге Наживина «Моя исповедь». Горький писал: «В книге истерически-крикливо развивается автором оригинальная мысль: „Реформа общественной должна предшествовать реформа личности“ (...) В чем задача жизни по Наживину? Очистить душу от „временного“, приблизить ее к „вечному“, а „потом душа будет безмолвно далее очищать и освещать других“ — как учил Л. Н. Толстой. „В борьбе обрешь ты свое право“ — нет! — кричит Наживин, — „борьба есть лучшее средство не обрести, а потерять свое право и право другого“. И далее Горький пишет о невежестве Наживина: «Вообще в суждениях своих он строг и точен: высчитал, например, что ровно „0,99 всего, о чем говорит наука“, для него — Наживина — „неинтересно и не нужно и просто глупо“ (Современник. 1912. Кн. 11).

31. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Напри. 20 ноября/3 декабря 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Прилагаю проект воззвания «Комиссии по устройству музея»¹, прочитайте его, сделайте поправки, какие найдете нужными и возвратите. Мы напечатаем 1000 экз. в Париже — это будет стоить фр(анков) 15, 20 — и потихоньку будем рассылать интересным для нас людям².

Пишете вы не щедро, и я очень беспокоюсь о судьбе «Современника», не имея вестей о нем.

Нужна бы статья о Бунине, другая — о Мамине³, — устройте это! Я не знаю, к кому обратиться. Вот хорошо бы Неведомскому дебютировать в журнале этими двумя статьями! Как думаете?

Весь Кривостен идет в ноябрь или первая часть?

Имею немало сообщений и вопросов, но отложу все это до следующего письма. Очень уж некогда!

Крепко жму руку.

А. Пешков

3/XII.12

¹ К письму был приложен текст воззвания комиссии по устройству Музея-библиотеки русского освободительного движения. В АГ хранится машинописная копия воззвания с незначительной правкой Горького и его пометами на полях, поступившая от А. В. Десницкой.

Приводим текст воззвания: «Общественно-политическая жизнь России захватывает все более и более широкие слои населения. В настоящее время в самых отдаленных уголках нашей обширной страны творятся политические фракции, создаются документы общественного значения. Будущий историк, не стесненный цензурными рамками, чтобы составить себе ясное и объективное представление об общественном развитии России, должен будет обратиться ко всем этим материалам, „подпольным листкам“, конфискованным изданиям, заграничной литературе.

Неудивительно поэтому, что даже официальные учреждения, преследующие задачи научного исследования России (Академия наук, Публичная библиотека, моск(овский) Истор(ический) музей), ставят себе целью собирание так называемой нелегальной литературы. Этим они лишь подчеркивают необходимость создания свободного, не зависящего ни от каких влияний, кроме научного исследования, учреждения, где бы собирались, хранились и были доступны для работ все материалы русского освободительного движения.

Эту задачу и поставил себе Кругок лиц, образовав временную комиссию по устройству Музея-библиотеки русского освободительного движения.

Комиссия располагает уже небольшой суммой денег, достаточной для годичной оплаты труда заведующего и собственного помещения.

Комиссия понимает, что основным условием успешного развития Музея явится его крепость, и к обеспечению этого приложит все усилия.

Приглашения принять участие в этом деле посылаются и будут посланы многим видным и безупречным общественным деятелям, имена которых должны внушать каждому доверие к серьезной и внепартийной, и внеклубковой цели предприятия. К(омис)сия же постарается об увеличении средств музея, чтобы в самом ближайшем будущем обеспечить ему собственное помещение.

Настоящим воззванием Ком(ис)сия обращается ко всем сочувствующим этой идее лицам с просьбой прийти на помощь как денежными средствами, так и присылкой всякого рода материалов.

На первый план Комиссия выдвигает собирание материалов русского освободительного движения в самом широком смысле этого слова — для характеристики как русской «революции», так и «реакции», — которые не могут храниться в России без опасности конфискации или уничтожения. Музей этот будет собирать как всякого рода литературные произведения (книги, брошюры, газеты, листки, воззвания и т. д.), так и предметы (портреты, фотографические снимки, картины, костюмы, оружие и т. д.).

С другой стороны, К(омис)сия ставит себе задачей подбор политической литературы заграничного происхождения, равно как и собирание всех материалов о жизни русской эмиграции.

Затем Комиссия считает необходимым собирать все материалы об отношении заграничных стран к России, в частности к русскому освободительному движению, и, наконец, К(омисс)ия полагает чрезвычайно важным собирание всех материалов

о жизни и деятельности русских общественных деятелей за границей, как-то: писателей, ученых, художников, а также и России в лице ее официальных представителей (въезд Александра I-го в Париж, Суворовский поход, Путешествия Петра I-го, Флорентийск(ий) дух(овный) собор и т. д.).

Ставя себе самые широкие задачи, К(омисс)ия думает, что более определенные рамки деятельности музея установятся в зависимости от отношения к созданию такого учреждения широких слоев русского общества, к сочувствию которого К(омисс)ия и обращается.

В Комиссию по устройству Музея-библиотеки входили, помимо Горького и Ляцкого, братья А. А. и Н. А. Золотаревы. В создании Музея принимали также участие член финансовой группы Московского комитета РСДРП Е. К. Малиновская, Е. П. Пешкова, В. Н. Кольберг (*Арх. Г. Т. XIV. С. 334—337*).

В 1913 г. вопрос о Музее был поставлен на съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Съезд утвердил Проект устава Исторического музея русского освободительного движения, в основу которого легло публикуемое воззвание Горького (см.: Труды первого съезда русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Рим, 27—30 марта 1913. С. 6—7). Музей создан не был. Подробнее см.: *Мурадова. С. 60—64*.

² Сведениями о реализации этого намерения не располагаем.

³ Предложением Горького написать ст. о Бунине и Мамине-Сибиряке осуществлено не было.

32. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 23 ноября/6 декабря 1912 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович,—

посылаю «хронику» на декабрь, но должен сознаться, что ничего интересного не вижу в ней, за исключением прокламации итальянских республиканцев ¹.

Отдел этот и можно, и следует поставить очень интересно, но здесь и мне — очень трудно сделать это: не зная иностранных языков, я невольно должен подчиняться чужому выбору фактов; не всегда умелому и свежему.

Найдите для этого дела какого-нибудь студента, знающего языки, укажите ему линии поисков, редактировать мог бы и я, и вы, вам, конечно, сподручнее.

Нетерпеливо жду вашего письма.

Книжка ноябрьская запоздала — это очень печально!

Декабрь нужно составить поинтересней, нельзя ли пустить в него свежий рассказик Ласковой?

На январь будет Вольный ².

Списываюсь с грузинами ³.

Всего доброго, крепко жму руку. Хочется видеть вас.

А. Пешков

6/XII.

912

¹ В «Хронике заграничной жизни» на декабрь (Современник. 1912. Кн. 12) сообщалось о книге Шустера Моргана, посвященной вопросу о вмешательстве Англии и России в финансовые дела Персии; печаталось письмо Кришнавармы американскому президенту Тафту по поводу предполагаемого союза с Англией, который усилит позицию Англии в ее борьбе за мировое господство; приводилось мнение японского профессора Танимото о японском генерале Ноги, провозглашенном после самоубийства национальным героем; публиковалась прокламация итальянской республиканской партии «За союз Балканский против тройственного соглашения».

В прокламации содержался призыв отстоять право балканских народов на самоопределение, от посягательств империалистических держав: «Народ! — говорилось в прокламации, — скажи свое решительное слово симпатии к балканским народностям, безо всяких ограничений, провозглашая их права на разрешение ими самими их вопросов о свободе и внутреннем порядке неприкосновенными. Пусть сами они производят туркам условия».

² Ив. Вольнов в 1913 г. в «Современнике» не публиковался. См. п. 39, прим. 4.

³ Горький писал Николаю Васильевичу *Канделаки* — грузинскому писателю и переводчику: «...если у Вас уже имеются произведения грузинских авторов в пере-

водах на русский язык, я прошу Вас немедленно прислать мне рукописи. Часть их, вероятно, можно будет напечатать в журнале „Современник“, который с 1913 года ставит себе целью посильную разработку вопросов племенных и областных. Засим: я просил бы Вас дать для „Современника“ очерк по истории грузинской литературы, а также статью на тему: „Современное положение Грузии, ее потребности и нужды“ (XXIX, 287).

33. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

〈Капри. 25 ноября/8 декабря 1912 г.〉

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю повесть Тимофеева «Сухие сучки». Мне кажется, что ее следует напечатать — написана она недурно и должна вызвать в «уездной России» сочувственный отзыв. Надо, чтоб телеграфисты, дьякона, доктора знали, что они не забыты, о них думают, пишут, и не одиноки они на обширной русской земле¹.

«Задача — служебная» — да, но — журнал не должен уклоняться от выполнения этой задачи. А впрочем, я предоставляю решение печатать — не печатать усмотрению редакции.

Читаю письма ваши не без уныния, как говорил уже. Так известны мне эти многословные «переговоры» о модусах, о конституциях, которые, будучи установлены, — через месяц превращаются чудесно в аристократии и деспотии. Скажу по совести — жалко мне вашего времени, хотя я и верю, что вы затрачиваете его с несомненной пользой: журнал мы наладим и затем — отойдем от него к новым делам и задачам.

Г. г. меньшевики и меня одолевают. Это — племя «дипломатическое» и безмерно скучное. Если они захватят журнал целиком в свои руки, — то т^о его будет температурой трупa. Но — этого не случится, я уверен².

Вы очень обрадовали меня обещанием приехать в январе, это хорошо!³

На днях, отвечая Л. Андрееву на его письмо, я предложил ему поделиться сокровищами своими с нашим музеем и указал ваш адрес. Так что, если б вы получили от него некий взнос, — не удивляйтесь⁴.

Я думаю, что о таких книгах, каковы «Красная» Беликовича, «Поздно» Драгеим и т. п., — не следует давать рецензии: да погибают без шума!⁵ Изумительно пошел этот Беликович; имена его фигур: Иануарий Иувенальевич, Вевей, Фива, Фавета — мужское имя, кажется? — Сюжеты рассказов: человек пьет кровь живых гусей и даже детей! Автор колотит его по затылку и этим излечивает от болезни. Другой герой — «фетишист», тоже психиатрия, и — все безграмотно! Меня немного пугает обилие бездарных книг, и я, м. б., слишком внимательно относясь к ним, переоцениваю это явление. Тут есть одна черта: все бездарное всегда злобно, у нас, на Руси, — особенно злобно!

Узнайте мне адрес Ценского, я попрошу его дать рассказ для «Современника»⁶, а м. б., вы сами сделаете это? И — хорошо бы привлечь к журналу В. Арефина⁷, он теперь секретарем у Тихонова в «Кругозоре», но, очевидно, не очень занят, ибо пишет в скучнейшей газете «День».

На днях вышло рецензии о Будищеве, Вагнере, поэтах⁸, вышло хронику⁹. Мне кажется, — более того — я считаю необходимым, чтоб этот отдел составлялся на месте в России, чтоб заметки были менее громоздки и — я согласен с вами: необходимо помещать их параллельно данным текущей культурной жизни России.

Таким образом: не «Заграничная», а «Хроника культурной жизни»¹⁰.

Ни Муравьев, ни Потресов до сего дня не написали мне ни слова о ходе переговоров; я не претендую на них за это, но все же — надо бы! В интересах дела, а не личности.

Дописываю повесть¹¹. Денежные дела мои очень плохи, и я думаю продать какие-нибудь книги¹².

Погода здесь стоит — удивительная!

Приехал Бунин¹³. Просить у него стихов? Есть прекрасные! Он, вероятно, проживет здесь всю зиму, будет работать. Хорошо бы взять у него рассказ в «Совр.», но — это дорогой автор!

Крепко жму руку и очень жду вас!

А. Пешков

«Огни» издали стихи Садовского? Пришлите!¹⁴

Чудесная вещь «Книга о св. Франциске»!

8/12—12

¹ Повесть Б. Тимофеева «Сучки» была напечатана не в «Современнике», а в первом сб. «Энергия». Речь идет о персонажах повести — телеграфисте Афанасии Петровиче Мелешине, дьяконе Ионе и др.

² И. П. Ладыжникову Горький сообщил 25 ноября/8 декабря 1912 г.: «Сейчас получил очень „дипломатическое“ письмо от Маслова, — сколько в этих Данах и данайцев „политики“, и как она угнетает своей ненужностью» (Арх. Г. Т. VII. С. 211).

³ На Капри Ляцкий приехал 18 февраля/3 марта 1913 г. (Дн. Пятницкого).

⁴ Горький писал Л. Андрееву 20... 23 ноября/3... 6 декабря 1912 г.: «Но вот что, Леонид: хорошая компания затеяла доброе и нужное дело — организовать музей по истории борьбы России за освобождение в XIX веке, начиная с А(лекса)ндра I-го и даже — раньше. В России такое дело — частью — выполняет Академия наук, но целиком, широко поставить его — невозможно; при наших политических общественно-партийных условиях. — Решили делать дело — пока — за границей. Кое-какие вещи есть, кое-что поступает. Средств — мало, а нужно платить за помещение и т. д. Я очень прошу тебя — помоги, дай денег! А если есть какие-либо документы, письма, книги — давай и это. Деньги пошли по адресу Евгения Александровича Ляцкого, Каменноостровский, 65, 31 или на редакцию „Современника“ ему же.

Будь здоров!

Нет ли богатых знакомых? Собирай у них деньги, сколько дадут! Дело — очень нужное» (ЛН. Т. 72. С. 350).

⁵ Книжки И. Ф. Драгеем-Сретенской «Поздно. Повести и рассказы» (Т. II. СПб., 1912) и В. Ц. Беликович «Красная книга. Новеллы» (СПб., 1912) значились в списке поступивших в редакцию «Современника» (кн. 10, с. 382; кн. 11, с. 398).

⁶ Сергеев-Ценский в «Современнике» не печатался.

⁷ Горький имеет в виду журналиста Сергея Яковлевича Арефина.

⁸ Алексей Николаевич Будисев (1867—1916) — писатель. Речь идет о рецензии на его роман «Степь грезит» (СПб.: Освобождение, 1913; см. п. 36, прим. 4). Рецензия на кн. Рихарда Вагнера «Моя жизнь» (т. I—IV. Мемуары. Письма. Дневники. Обращение к друзьям. М., 1911—1912) была написана А. Золотаревым (Современник. 1913. Кн. 3).

⁹ Речь идет о «Хронике заграничной жизни» для 12 кн. «Современника» за 1912 г.

¹⁰ Это предложение не было осуществлено. См. п. 37.

¹¹ Повесть «Хозяин».

¹² Несколько позже, 11/24 декабря 1912 г., Горький писал И. П. Ладыжникову: «Мои желания в сущности очень скромны: развязаться со „Знанием“, взять оттуда книги, издать их где-либо в другом месте и — подешевле, вот и все!» (Арх. Г. Т. VII. С. 213).

¹³ Бунин приехал на Капри вместе с женой 16/29 ноября 1912 г. и прожил на Капри несколько месяцев. За этот период им было написано около тринадцати рассказов — два из них для «Современника».

¹⁴ Садовской Б. Пятьдесят лебедей: Стихотворения. 1909—1911 гг. СПб.: Огни, 1913. Книга хранится в ЛБГ (Описание).

34. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 27/XI (10 декабря) 1912

Дорогой Алексей Максимович.

Итак, Вы уже знаете из моего дневника, как шли и как ничем не кончились наши переговоры с Муравьевым и К^о. Чем более вдумываюсь в причины, помешавшие соединению, тем более вижу, что они — органического, а не только практического характера. Разногласия дают-ся моему сознанию в такой окончательной форме:

1. Они — меньшевики, иными быть не могут, и «внепартийность» для них зарез. Мы — социалисты-федералисты, для которых, на почве федерализма, сглаживаются все партийные (в известном смысле) разногласия.

2. Они говорили о полной «реорганизации» журнала и, со своей точки зрения, были последовательны и правы, причем для осуществления своего плана располагали и полным редакционным составом: экономика — в Париже, политика и публицистика — Петерб^{ург}, беллетристика — Вы и Вересаев (взаимоотношения не выяснены). Областные вопросы приравнивались к этнографии, на ист^{орию} литературы — 1½ — 2 листа. Словом — улучшенный «Соврем^{енный} мир». — Мы, имея 5000 подписчиков и впятеро больше читателей (по сведениям библиотек — «Современ^{ник}») — наиболее читаемый журнал), коренных реформ и решительных выступлений боялись, как и гильотинизирования сразу десятка сотрудников. Предвидели, кроме того, и внутренние трения — при отстаивании областных статей и литературной физиономии, причем мы оставались бы в меньшинстве.

В итоге — лучше, что мы не сошлись, но жаль, что потеряли *месяц* (!) времени.

Мое положение было очень трудное: не имея возможности выяснить наше с Вами отношение к Потресовской группе, я должен был участвовать в ней, поскольку дело касалось договора, против Певина.

Результаты положительные.

1. Опыт принципиального обсуждения «культурного» дела группой интеллигентов, не считающихся с суровой действительностью.

2. Жестокая (отчасти заслуженная) критика «Совр^{еменника}» в его настоящем виде.

3. Ряд ценных указаний для будущего.

Независимо от всего: интерес (и не платонический только) к журналу растет. Путь, намеченный *нами*, по моему глубокому убеждению, верен. Брать мы должны *не* полнотой и остротой социально-политических статей (этого нельзя достигнуть при «внепартийности», да и не нужно!), а широкой постановкой общекультурных задач областным отделом, литературой, историей, искусством, сатирой. Бояться упреков в «альманахности», бросаемых сюда из Феццано, нам нечего: пусть каждая книжка будет идеальным альманахом, — дело не в ярлыке.

Что поглощало у меня массу времени — это убийственная типография. Удалось добиться улучшений для будущего.

Бунин? Мамин-Сибиряк? Душа болит об этих темах, но — куда! — спать приходилось временами 3—5 часов в сутки. Ведь при всех этих переговорах, возня с корректурами и типографией, уродовавшей уже подписанные листы, шла огромная, а помощи почти не было.

Водовозов — не сахар, но ему до кутузки остались недели³. Для технической помощи взял Станкевича, благо корреспондентов и корректуру знает. А там, как наладить дело дальше, подумаем сообща. Свиданию с Вами *теперь* придаю громадное значение. Приеду к Вам, м. б., на наши святки, как только соберу январскую книжку.

К истории литературы приспосаблию Щеголева⁴: у него любопытные материалы и планы. Обо всех прочих наших делах пишу особо. Пока шлю сердечный привет Вам.

Е. Ляцкий

¹ См. п. 22, 30.

² Ответ на предложение Горького отклониться на юбилей Д. С. Мамина-Сибиряка и И. А. Бунина. См. п. 25 и 31.

³ В 1912 г. В. В. Водовозов, приговоренный ранее, в 1908—1910 гг., к заключению в крепость на один год по делам издания ряда книг, был вновь привлечен к судебной ответственности как автор брошюры «Проект избирательных законов в учредительное собрание и парламент». В связи с этим фактическое исполнение приговора было отложено до решения вопроса «по совокупности» (ЦГАОР, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 1215). Водовозов так и не был заключен в крепость. Дело его было прекращено манифестом об амнистии от 21 февраля 1913 г. (Там же, ед. хр. 1213).

⁴ Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения. В 1906—1907 гг. вместе с Бурцевым издавал в России историко-революционный журн. «Былое». Автор исследований о Пушкине, Грибоедове, Радищеве и других, написанных на основе архивных разысканий. 12/25 декабря 1912 г. Ляцкий писал Богучарскому: «В декабре к нам вступил П. Е. Щеголев, и редакция наша таким образом конструировалась из лиц, Вам хорошо известных» (ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 133, л. 2). Имя П. Е. Щеголева было указано в проспекте на 1913 г. по отделу «истории литературы и истории».

35. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 30 ноября/13 декабря 1912 г.)

Комбинация не удалась. Письмо следует¹, дела в хорошем состоянии.

Ляцкий

Телеграмма на бланке. На фр. яз.

Датируется по почт. шт.

¹ Имеется в виду п. 34.

36. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 30 ноября/13 декабря 1912 г.)

Сейчас, дорогой Е. А., получил Вашу телеграмму о том, что переговоры с Мур^авьевым¹ и К^о — прерваны; — вчера меня об этом же известил очень неуклюжей открыткой Вересаев¹.

Я — не огорчен.

Я очень предлагаю Вам перечитать письмо Анучина и подумать: не следует ли пригласить Василия Ивановича на ампула ближайшего сотрудника?² Предупреждаю: лично я с ним не знаком, знаю его лишь как беллетриста и автора хороших, толковых статей о Сибири. Его письмо, известное Вам, кажется мне тоже очень дельным.

Затем: попросите Ладыжникова познакомить Вас с Ал-дром Ник. Тихоновым, о коем я Вам говорил уже³. У этого Тихонова есть знакомства в среде пишущей молодежи, да и сам он может быть весьма полезен Вам.

Анучин мог бы снять с Вас часть работы по редакции, Тихонов — указать новых сотрудников.

Посылаю рецензии на декабрь⁴, — было бы очень хорошо, если б контора ежемесячно присылала гонорары за весь материал, который идет от меня.

Посылаю стихи Астрова, это рабочий. Будьте добры поместить их в декабрь, тотчас же вслед за моим рассказом, если это можно⁵.

К сожалению, рецензии не имеют того вида, какой хотелось бы придать им, ибо — мало материала, нет книг.

Мне и Вам придется весьма сильно увеличить почтовые доходы России и других государств, но я уверен, что мы сделаем — то, чего хотим.

Дела музея подвигаются тихо.

Говорили Вы с Ладыхниковым о переводном романе?

Хорошо бы взять «Последнюю радость» Гамсуна⁶, но, вероятно, он уже продал рукопись за цену выше Казбека и Эльбруса.

Сильно страдаю от безденежья, тороплюсь работать,— до свиданья!

Будьте здоровы.

А. Пешков

XII/13.

912

¹ В открытке от 24 ноября/7 декабря 1912 г. Вересаев писал: «Дело с „Современником“ расстроилось. Издательство условий Н. К-ча М(уравье)ва не приняло. Л(я)цкий произвел на меня впечатление человека, совершенно лишенного лица, эта же бездейственность, по-видимому, станет достоянием и „Современника“» (АГ).

29 ноября/12 декабря 1912 г. Горький писал Ладыхникову по поводу переговоров с Н. К. Муравьевым: «Дело с „Современником“ расстроилось? Не огорчен. Значит, „Совр.“ не будет меньшевистским журналом, и Н. К. затеет другой. И — чудесно! Я бы очень желал, чтоб Вы и Тихонов А. Н. подобрали для „Совр.“ способных молодых людей. Я много говорил с Ляцким о Вас и Тихонове, так что Вы для него не незнакомцы» (Арх. Г. Т. VII. С. 211—212).

² Агучин участия в работе редакции «Современника» не принимал.

³ А. Н. Тихонов вместе с Ляцким был в феврале 1913 г. на Капри у Горького и принимал участие в беседах по «Современнику». См. п. 49, прим. 10.

⁴ Горький выслал Ляцкому следующие рецензии: свою рецензию, подписанную А. П., на кн. Ивана Новикова «Рассказы» (М., 1912); Г. Гребенщикова (за подписью Г. Гр-ковъ) на журн. «Сибирские вопросы», издающийся в Петербурге; Л. Старка (за подписью П. Рябовский) на кн. А. Н. Будищева «Степь грезит». Все эти рецензии были напечатаны в 12 кн. «Современника» 1912 г.

⁵ Стихотворение Астрова «В ночной стране зажегся факел...» было напечатано в «Современнике» (1913, кн. 1) после рассказа Горького «Калинин».

⁶ Роман К. Гамсуна «Последняя радость» на русском языке не был издан.

37. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 8/21 декабря 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Ваше письмо очень обрадовало и успокоило меня. То, что Вы не чувствуете себя огорченным разрывом с Муравьевым и компанией, показывает мне, что разрыв полезнее для журнала, чем соединение несоединимых элементов. Как Вы пишете, журнал мы наладим, а потом отойдем от него, чтобы заняться другими делами. Другие дела я подвинул довольно значительно. Не вполне удобно писать об этом по почте. До конца января осталось уже не так много, и тогда все расскажу Вам при нашем свидании.

Письмо сейчас в Екатеринбурге, вернется дней через семь или восемь. По его возвращении, тотчас же выясню денежный вопрос. Скажу, что кроме этих двух рассказов¹, которые Вы отдали нам по 300 руб. с листа, следующие Вам не имеет смысла отдавать менее пятисот, а в особенности повесть, которую Вы пишете. Позвольте так и сказать ему, потому что нет никакого основания затрачивать такой громадный труд, который затрачиваете Вы, и получать за это меньше, чем Вы получили бы в другом месте. Что можно сделать, то сделаем не за страх, а за совесть, а чего нельзя сделать, того и не следует*. Из Вашего вопроса о романе Гамсуна вижу, что Вы не получили моего письма, где я Вам писал об одном норвежском романе, который взялась переводить г-жа Жихарева, романе из лопарской жизни². Имя автора выскочило у меня из головы, но, по собранным мною справкам, автор этот интересен, и ро-

* Подчеркнуто Горьким (красный карандаш).

ман прочтется, вероятно, с большим вниманием. Январь уже на носу, и перевод надо было заказывать, так что я решил этот вопрос, не дождавись Вашего ответа. Ладыжников в последний свой приезд говорил со мной только по телефону, так как он должен был в тот же день ехать в Берлин; вернется, как он сказал мне, дней через десять, т. е. я ожидаю его уже на днях.

Анучину написано приветственное и пригласительное письмо. Не думаю, чтобы из-за работы в «Современнике» он согласился переехать в Петербург. В Сибири он, кажется, связан довольно серьезными интересами. В качестве корреспондента он будет, несомненно, нам очень полезен.

Идущий в декабрьской книжке Губин произвел на меня громадное впечатление. Вы стали осторожнее в выборе красок и тоньше в отделке деталей, но то новое, что Вы приобрели в Италии, представляется мне громадным шагом вперед в Вашей писательской технике. Это — необыкновенная задушевность, с которой Вы говорите о природе, и любовное сочувствие, я бы сказал, сочувствие причастное, с каким Вы вкрапливаете в природу нелепые куски человеческой жизни. Мне показалось, но я не отвечаю всецело за свое впечатление, что люди, изображенные Вами, живая ткань коренной русской жизни, раскинувшейся над Окой и далеко вокруг нее, а в природе, где все русское, и лес, и река, и купеческая усадба, все верно себе, — есть что-то каприйское, каприйский воздух, какая-то упоительная теплота, но без русской дремы.

С величайшим нетерпением ожидаю узнать, какую повесть Вы пишете и куда ее готовите³. Не минуйте только «Современника», а денежный вопрос давайте устроим так, как я предлагаю. Сентиментальностей с Певиным не нужно, да он и не стоит сентиментальностей. Человек он недурной, но в денежных вопросах иногда бывает с ним трудно.

С Хроникой русской жизни у нас ничего не вышло. Все, кого я ни привлекал, высказывают, что не стоит перепечатывать того, что обошло все газеты, напротив, с величайшим интересом читают то, что никому не известно, т. е. приходящее из-за границы; поэтому в итоге наша общая просьба только вести заграничную хронику так, как Вы давали ее раньше. Сообщите только, по какому масштабу ее расценивать.

Относительно Боровиковского Вас должно постигнуть разочарование. Это оказался не Боровиковский, а довольно заурядный художник-миниатюрист. Фалилеев⁴ ездил с ней к нескольким знатокам, и все в один голос сказали, что она больше 35-ти—40 руб. не стоит. Поэтому я решил, что продавать ее жалко, и привезу Вам обратно эту вещь: она очень хорошая и должна украсить Ваш кабинет. С рисунком Брюллова он еще не решил, ценность и эта будет небольшая, потому что на Брюллова теперь не мода и рисунков его великое множество.

Амфитеатров продолжает дуться.

Станкевич начал мне помогать и пока помогает недурно, так что значительная часть скучной и берущей большое количество времени работы с меня свалилось. Я имею некоторый досуг и обращаюсь к тем рукописям, которые Вы прислали. Начал читать рассказ Ласковой, и он мне нравится. Гребенщиков доставил только ту вещь, которую он передал согласно Вашим указаниям, другая его вещь — повесть — еще не поступала. Как только он передаст ее мне, я тотчас же перешлю ее Вам⁵.

Щеголев с приездом Богучарского, вместе с последним, будет редактировать отдел: «Новое о старом», в котором будут помещаться мемуары, любопытные письма и т. п.⁶

Все мечтаю о поездке к Вам. Страшно необходим отдых и личная работа.

Рад, что Вам понравилась книжка наша о Франциске. Не торопитесь продавать издания Ваши без моего ведома. Во всяком случае сообщите мне условия. Может быть, по истечении некоторого времени, буду иметь возможность быть Вам полезным в материальном отношении.

Сердечное спасибо за сказки и дружеское надписание¹. Кланяюсь усердно Марии Федоровне и товарищам иже с Вами. У Бунина просите, пожалуйста, стихов и рассказ. Что же делать, если не хочет за дешево, пускай дает за ту цену, которую ему платят в других журналах. Скажу по совести, что более 400 платить ему не следует, за стихи его готовы платить по два рубля за строчку.

Мы с Певиным выработали договор, над которым он «думает». Как только что надумает, пришлю Вам копию.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш душевно

Евг. Ляцкий

8.XII.912

Р. S. Лист с Вашим рассказом был уже отпечатан, когда Вы прислали стихи — для помещения рядом. Сделаем так в январе?

На первом листе п. вверху слева помета Горького: «8-го декабря 912 г.».

¹ Имеются в виду рассказы «Губин» и «Калинин».

² Речь идет о романе Бенгта Берга «Геннисарет». Напечатан в переводе на русский язык К. Жихаревой в 1—4 кн. «Современника» за 1913 г.

³ Повесть «Хозяин».

⁴ Вадим Дмитриевич *Фалилеев* (1879—1950) — художник, мастер цветной гравюры и офорта. См. о нем: *Чесноков В. В. Д. Фалилеев*. М., 1975. Фалилеев был на Капри летом 1911 г. и летом 1912 г. Им был исполнен портрет Горького (офорт) и несколько рисунков, изображающих Горького и его родных. Оттиск с офорта Фалилеева Горький подарил Ляцкому, с надписью: «Евгению Александровичу Ляцкому. М. Горький. 1912. Сargi». См.: *Желтова Н. И. М. Горький и изобразительное искусство*. М.; Л., 1965. С. 109. См. также в наст. томе, с. 487.

⁵ «Бахтурминское царство» («Ханство Батырбека»). См. п. 20, прим. 4. Упоминаемая повесть — «Сельская знать». См. п. 40.

⁶ Раздел под названием «Новое о прошлом» впервые появился в 1 кн. «Современника» за 1913 г.

«Под этим заглавием, — сообщалось в редакционном примечании, — вводится в „Современник“ новый отдел, который будет состояться из неизданных материалов: документов по истории и истории литературы, писем замечательных людей, небольших, не бывших в печати произведений в стихах и прозе русских писателей» (с. 228).

В 1913 г. в этом разделе были опубликованы материалы о Некрасове, Гоголе, Тургеневе, Герцене и др.

⁷ Можно предположить, что Горький послал Ляцкому «Сказки» («Сказки об Италии») (М.: книгоизд-во писателей, 1913).

38. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. Декабрь, не ранее 13/26, 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Очень обрадован вашим отзывом о «Губине», в очерках этого типа я хочу изобразить именно нечто «коренное русской жизни» — русской психики, и даже имел дерзкое намерение дать очеркам общий заголовок «Русь»¹. Три из них отданы мною в «Вес<тник> Евр<опы>», еще до соглашения с «Совр<еменником>»².

Повесть — окончена, скоро я ее пришлю, называется она «Хозяин». На осень дам большую вещь³. Сердечно буду благодарен вам, если вы устроите повышение гонорара до 500 — как платит мне «В. Е.» — очень неловко и тяжело говорить об этом, но — обстоятельства понуждают, и, пока, они неодолимы.

На днях пошлю вам рукопись Изюмского «Гимназия»⁴. Литературные достоинства этой вещи невысоки, но тон — хорош, и я уверен, что она привлечет внимание учащейся молодежи. Автор — царицынец, бывший учитель, как видно.

Рад, что вам нравится Ласковая, кажется, из нее толк будет. Бунин ответит вам лично, стихи и рассказ от него получим⁵. Я бы думал, что январскую книжку надо составить так: Ласковая, начало очерков Изюмского, мой «Рябинин»⁶ и еще какой-нибудь небольшой рассказец, хорошо бы с именем, да не вижу никого, пока.

Рукописей у меня лежит — масса, но последние дни не могу читать, будучи занят повестью. Относительно хроники — очень затрудняюсь: с отъездом М. Ф. нет у меня достаточно толкового и знающего языки помощника. Написал ей⁷, мы это дело поставим, если только «Хроника» имеет значение.

Вы пишете «приеду в конце января» — это не описка? Вы хотели — на праздниках?

Видеться нам — необходимо⁸.

Восхищаюсь изяществом изданий «Огней», хотя «Лебеди» Садовского — просто щеглята и поют с чужого голоса.

Рецензии о Криницком и Новикове пойдут в декабрь?⁹

Занят, — как архиерей во дни выборов в Думу!

Чудесная зима стоит здесь!

Будьте здоровы!

А. Пешков

Недурной роман написал Богданов, — вот бы нам что-нибудь в этом роде! Роман — «Инженер Мэнни» — вышел отдельным изданием у Чарушников — Дороватовского¹⁰.

Крепко жму руку.

А. П.

Передайте, пожалуйста, г. Пиксанову искреннюю мою благодарность за книгу, любезно присланную им¹¹.

Датируется по сопоставлению с п. 37.

¹ Общий заголовок «По Руси» был дан очеркам позже — в Собр. соч., вышедшем в 1914—1916 гг. изд-вом «Жизнь и знание» (т. XIX).

² В «Вестнике Европы» были напечатаны очерки: «Из впечатлений „проходящего“» (более позднее название — «Ледоход») (кн. 12, 1912); «По Руси. Из впечатлений „проходящего“» (более позднее название — «Женщина») (кн. 1, 1913), «По Руси. Из впечатлений „проходящего“» (более позднее название — «Покойник») (кн. 2, 1913). Горький писал редактору журн. «Вестник Европы» Овсяннику-Куликовскому: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным, — мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их» (XXIX, 252).

³ По-видимому, подразумевается автобиографическая повесть «Детство». Публикация повести началась 25 августа / 7 сентября 1913 г. в газ. «Русское слово».

⁴ См. п. 39, прим. 1.

⁵ 14/27 декабря 1912 г. Бунин спрашивал Горького: «...что именно говорит Е. А. Ляцкий по моему адресу...» (Горьк. чт. 1961. С. 71). Горький процитировал в своем ответном письме Бунину слова Ляцкого из его п. от 8/21 декабря 1912 г. и добавил: «А „Современник“ надобно поддержать!» (Там же). В тот же день, 14/27 декабря, Бунин написал Ляцкому: Горький «передал мне Вашу просьбу о стихах и рассказе» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 88).

⁶ Имеется в виду рассказ «Калинин».

⁷ М. Ф. Андреева уехала с Капри 29 октября / 11 ноября 1912 г. Упомянуем п. к М. Ф. Андреевой неизвестно. С просьбой вести отдел «Хроники заграничной жизни» в «Современнике» Горький обратился 12/25 декабря к А. Н. Тихонову (Горьк. чт. 1959. С. 27).

⁸ Ладьяжников Горький писал 26 декабря 1912 г.: «Ляцкий нужен мне во всю мочь по журналу и еще по целому ряду вопросов». Среди этих вопросов — совместная работа с Ляцким в издательстве «Огни». Горький предполагал «в первую же голову издать „Кожемякина“ и, если разошлась „Исповедь“ — IX-й том, — ее. Затем — книгу очерков „Русь“, эти очерки частью написаны, частью же — в работе. К осени

мы могли бы дать „Огням“ две, три книги Горького, книгу Вольнова, „Сибирский сборник“, „Грузинский“» (Арх. Г. Т. VII. С. 214). План Горького не осуществился.

⁹ См. п. 25, прим. 6.

¹⁰ Богданов А. Инженер Мэнни: Фантастический роман. М.: изд-во А. Чарушникова и С. Дороватовского, 1913. В. И. Ленин увидел в новом романе А. А. Богданова «тот же махизм = идеализм» (В. И. Ленин. Т. 48. С. 161).

¹¹ Пиксанов Н. А. С. Грибоедов: Биографический очерк. СПб., 1911. На книге дарственная надпись: «Алексею Максимовичу Пешкову — поздняя благодарность за ранние художественные наслаждения. Н. Пиксанов. 11—X—1912». Книга с пометами Горького хранится в ЛБГ (Описание).

39. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 18/31 декабря 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю вторую половину рукописи Изюмского ¹.

Как я уже говорил, — литературные достоинства ее невелики, но — служебное, социальное значение — на мой взгляд — несомненно, и, если вы с этим взглядом согласитесь, я попрошу вас начать печатание этих очерков с январской книги. Впечатление, произведенное арестами гимназистов в СпБурге, еще не успеет остыть, и мы этими очерками недурно ответим настроению и детей, и отцов ².

Я полагал бы:

выбросить всю X-ю главу с характеристикой учителей;

XIV-я тоже, по моему мнению, излишняя; очерки надобно закончить на XXI гл. — сцена объяснения Дыбина с матерью — т. е. исключив две главы, мы закончим повесть на 19-й. Разговор с автором по поводу сокращений я беру на себя.

Прошу вас, — когда вы прочитаете рукопись и возьмете нужное для январской книги, — пришлите мне все остальное для повторного просмотра вместе с вашими замечаниями. Последняя глава должна быть дописана, в ней не хватает «последнего слова», это уж я сам сделаю.

Засим: посылаю вам рукопись А. Семенова «Белый бурхан» ³. Это весьма интересная вещь, и ее следует напечатать.

Но — автор перепутал поэму с обличительной корреспонденцией. Все, что относится к обличительному жанру, должно быть переделано в том серьезном тоне, как написана сцена поцелуя архиерейского нищему, и сообразно тем указаниям, которые даны на первых страницах рукописи. Если автор не может сделать этого сам — пусть он поручит мне.

Я пишу вам об этом потому, что адрес автора мне неизвестен, и я прошу вас узнать через Гребенщикова, кто Семенов и где он?

Было бы хорошо иметь эту вещь на февр<аль> готовой, т. е. — исправленной. Интересны в ней песни, печатать их следовало бы другим шрифтом.

Вольный кончает рассказ, кажется, успеет к январю ⁴.

Будьте здоровы, будьте бодры, остальное все приложится!

Беллетристика у нас будет пока не ахти какая, но — свежая, молодая, и мы ею возьмем читателя, увидите!

Крепко жму руку.

А. Пешков

31/XII
912

Скажите Гребенщикову, чтоб он прислал мне «Деревенскую знать» ⁵.

¹ В п. от 5/18 ноября 1912 г. Изюмский благодарил Горького: «Указания Ваши ценны и верны. Некоторые из них я и сам предвидел, но колебался сделать изменения и поправки, которые без постороннего давления становятся для самих ав-

торов очевидными и необходимыми только с течением времени (...) Через неделю или несколько позже вышла еще кое-что для музея» (АГ).

Повесть Изюмского «Гимназия» в «Современнике» не была опубликована.

² Вероятно, речь идет об аресте 9/22 декабря 34 учащихся средних учебных заведений Петербурга, собравшихся в частной гимназии Вигмер. Учащиеся были заподозрены охранным отделением в принадлежности к нелегальному кружку. 14/27 декабря 1912 г. 44 депутата IV Думы обратились с запросом к правительству по поводу этих арестов. Объяснения по запросу давал министр народного просвещения Л. А. Кассо.

³ Поэма А. Семенова «Белый бурхан» в «Современнике» не была опубликована. Напечатана в «Алтайском альманахе» (под ред. Г. Д. Гребенщикова. СПб., 1914).

⁴ См. п. 32. Возможно, речь идет о рассказе Ив. Вольнова «На рубеже. Этюд». Напечатан не в «Современнике», а в «Северных записках» (1913, № 1).

⁵ Рукопись повести Гребенщикова «Сельская знать» (у Горького — «Деревенская знать») была подвергнута Горьким суровой критике: «Ну, вот, — писал Горький Гребенщикову 14/27 марта 1913 г. — разнес я Вас жестоко, как Вы это и заслужили. Но не следует заключать, что повесть непоправимо плоха, нет, просто ее надобно переделать. Лучше всего — отложить ее на год, на два, пусть полежит до поры, пока Вы сами ясно не увидите ее недостатков...» (АГ). Гребенщиков воспринял критику Горького болезненно: в п. к Ляцкому от 27 марта/8 апреля 1913 г. он писал: «Алексей Максимович сурово осудил большую мою работу „Сельская знать“ (...) У меня там все типы, только не главное, лицо. Это просто средний человек — интеллигент, обезличенный условиями сельской жизни. А А. М. требует, чтобы я ему дал индивидуальности, „хоть бородавку на нос посадил“. А я как раз никакой меты, никакого клейма этому человеку и не хотел дать. Цели, судя по отзыву А. М., я достиг, а результаты плачевны: повесть осуждена на коренную переделку, на которую не подымается рука, пока я сам не стану во всем согласен с А. М. А буду ли согласен — как можно ручаться? Хоть и дерзко, а иногда своего мнения или мысли не хочется переменить ни за что» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 160).

40. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 23 декабря 1912/5 января 1913 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

С величайшими затруднениями, после необычайной типографской суеты, выпущена наконец декабрьская книжка и является возможность на несколько дней вздохнуть свободнее. Вы увидите из ее содержания, что пришлось поместить для окончания огромные порции Шолом-Алейхема и Брака, чтобы только разделаться с этими произведениями. Вообразите, что Амфитеатров желал, чтобы мы поместили его романа не менее пяти листов. Можете себе представить, что было бы, если бы мы исполнили его требование. С ним мы обменялись довольно резкими письмами, причем обнаружилось, что он представляет собой господина, на обещания которого нельзя положиться. Рукопись «Сатирикона» Петрония, о которой он говорил еще в августе как о направленной в редакцию, мы до сих пор не получили: по его объяснению, она затерялась в дороге, и только 10 января он собирается ее выслать¹. Что же касается его романа, то он чувствует наше к нему кислое отношение и тем не менее предлагает от 10 до 12 листов для будущего года. Не знаю, как Вы на это смотрите, но я отказался бы от него с большой охотой. Для этого не надо было бы искать предлога, заплатить ему свыше трех тысяч за вещь, столь трудно перевариваемую, журнал положительно не может, и мы охотно предложили бы ему получить не по триста, а каких-нибудь сто пятьдесят рублей с листа, чтобы хоть этим соответствием оценки романа с его достоинствами примирить себя с необходимостью его печатания. Это тем более было бы хорошо, что сатиры от Амф(итеатрова) мы все равно не получим, и таким образом лучше всего было бы свести с ним счет. Что Вы думаете по этому поводу?

Январская книжка, предполагаю, выйдет около пятнадцатого числа. Ее содержание таково: в начале идет Ваш рассказ, потом стихотворе-

ние, затем отрывок из дневника Валуева, доставленный Щеголевым, потом стихотворение Ивана Алексеевича, затем половина рассказа, вернее повести, Гребенщикова «Бахтурминское царство», потом переводной роман, затем статья Плеханова, продолжение его статьи «Искусство и общественная жизнь», затем рассказ Ласковой, потом моя статья, затем обещанная статья Щеголева и т. д. Из небольших статей войдут воспоминания о Михайлове, кое-какие материалы о Некрасове. Было бы очень хорошо, если бы Иван Алексеевич дал рассказ на февраль либо на март. Да, я забыл, из более крупных вещей в январе пойдет повесть Дмитриевой «Сухари», добродетельная, как все, что пишет Дмитриева. Повесть эта была принята нами еще в июле прошлого года². [Александр Николаевич Тихонов мне очень понравился, я жду от него значительного толка для журнала. Он человек не только талантливый, но, мне кажется, и образованный и в случае ухода Водовозова может некоторое время вести, при нашем общем содействии, социально-политический отдел, как мы его понимаем. Я обстоятельно беседовал с ним и теперь хочу начать с ним работать по вечерам, чтобы сообщить ему наши взгляды на ведение беллетристики и на общий дух журнала и вместе с тем ближе познакомиться с его миропониманием. Но видно по всему, что из него может выйти хороший работник для журнала. Я в высшей степени этому рад, потому что это развяжет мне руки и даст возможность перейти к другим назревшим нашим вопросам³.] *

Об «Огнях» и об отношении их к сотрудничеству с Вами не пишу, потому что, вероятно, об этом подробно сообщают Вам Мария Федоровна и Иван Павлович. Скажу только, что я глубоко верю в целесообразность того основного принципа, по которому каждый автор в нашем коллективном предприятии остается собственником созданной им книги, и мы будем очень счастливы оказать Вам всякое содействие и помощь в том смысле, чтобы выпустить книгу Вашу как можно изящнее, дешевле и спасти ее от всевозможных акул книжного рынка⁴.

Вообще говорить хочется много и долго. Но я надеюсь на скорое свидание с Вами, потому что есть много вопросов, о которых не расскажешь в письме. С Иваном Павловичем мы строим различные планы относительно января. Хотелось бы в начале, но не знаю, удастся ли вырваться. Январскую книжку и отчасти февральскую надо подготовить как следует.

Завтра еду с Тихоновым в Финляндию.

Берегите себя, пожалуйста, и не тревожьтесь мрачными мыслями. Верю, что все образуется очень хорошо, и Вы, столько наработавши в жизни, не будете испытывать необходимости разбрасывать свой ум и сердце на столбцах газетных листов. Еще раз прошу Вас, берегите себя, пожалуйста, и гоните прочь мрачные мысли.

Ваш Евг. Ляцкий

23.XII.1912

¹ «Первый полный русский перевод знаменитого юмористического романа „Сатирикон“ Г. Петрония» был объявлен на 1912 г. в 11 кн. «Современника» за 1911 г. 14 мая 1912 г. Амфитеатров писал Ляцкому: «Относительно „Сатирикона“. Перевод, сделанный моим сыном и К. А. Лигским, давно готов и лежит у меня. Он очень недурен, но требует, чтобы его кто-нибудь проредактировал, оцензурил непристойные места и комментировал. Я рассчитывал сделать все это сам между работой по „Зверю из бездны“. Но сейчас, когда я отошел от журнала, не знаю, достанет ли у меня на то времени» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 45).

² Из перечисленных Ляцким произведений в 1 кн. «Современника» за 1913 г. вошли: рассказ Горького «Калинин», стихотворение С. Астрова, «Отрывки из дневника» гр. П. А. Валуева, начало повести Г. Гребенщикова «Ханство Батырбека», начало

* Квадратные скобки принадлежат Горькому.

романа Б. Берга «Геннисарет», ст. Г. Плеханова «Искусство и общественная жизнь», Ляцкого «Н. Г. Чернышевский на пороге семейной жизни», П. Е. Щеголева «Гр. М. Н. Муравьев-заговорщик», повесть В. Дмитриевой «Сухари», материалы о Некрасове в разделе «Новое о прошлом».

Вместо стихотворения И. Бунина печатался его рассказ «Преступление» (см. п. 45). Присланным для 1 кн. стихотворением «Ноябрьская ночь» открывалась 2 кн. журнала.

Рассказ Ф. Ласковой и воспоминания о Михайлове не печатались.

Кроме указанных Ляцким произведений, в 1 кн. были опубликованы стихотворения А. Черемнова и Ю. Верховского, рассказ И. Сургучева «Следы вчерашнего».

³ «Я сообщил М(арии) Ф(едоровне), — писал Горький А. Н. Тихонову, — выдержку из письма Ляцкого ко мне, выдержка эта касается Вас и указывает, что Вы вызвали у автора ее серьезную симпатию, уважение к Вам. Я этому весьма рад; мне кажется, что дело, построенное на взаимной симпатии работающих в нем, хорошо пойдет! А хочется хорошее сделать!» (Горьк. чт. 1959. С. 29).

⁴ Возможно, в этом письме речь идет об издании «Сказок об Италии» Горького.

41. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

Капри. (23 декабря) 5/1 913

Дорогой Евгений Александрович!

Если только имеется хоть какая-нибудь возможность, — включите рассказ Бунина в январскую книгу! Пусть книжка будет немного дорога, — необходимо, чтоб она была ярче! Миниатюра Сургучева тоже будет на месте рядом с рассказом Ласковой ².

Если же, к великому огорчению, рассказ Бунина запоздал, — в феврале ставьте его первым, а за ним — начало моей повести ³, рукопись которой я задержал, было, в чаянии Вашего приезда, но сегодня высылаю.

Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую ⁴.

Ваш приезд столь же, кажется, гадателен, как австро-русская война? Жду Вас с великим нетерпением.

О книгоиздательстве пока не говорю; нам прежде всего необходимо поставить на ноги журнал, дать ему ясное лицо. Шесть первых книг мы должны выпустить на славу! Я принимаю к этому все меры, зависящие от меня, но еще раз скажу — а и труден же на подъем российский человек! Мучитель.

Вы получили заявление об устройстве Музея? ⁵ Если оно проредактировано Вами, — его нужно печатать.

В «Современнике» очень слаба корректура. Книжки плохо брошюруются — надо бы это исправить.

Очень может быть, что к февральской книге я дам небольшой очерк ⁶, весьма сенсационный по теме, и «Хозяина» придется отложить до марта. Этот вопрос будет решен на протяжении недели, я очень прошу Вас, Е. А., иметь в виду возможность такой замены.

На днях здесь будет Л. Андреев.

Пишу я — скучно, сам чувствую это, но — устал отчаянно.

Будьте здоровы.

А. Пешков

¹ Рассказ «Преступление».

² Рассказ И. Сургучева «Следы вчерашнего». Рассказ Ф. Ласковой «Лицом к лицу» напечатан в 6 кн. «Современника» за 1913 г.

³ Повесть «Хозяин».

⁴ Рассказ А. Семенова «Белый бурхан» в «Современнике» напечатан не был.

⁵ См. п. 31, прим. 1.

⁶ Рассказ «Кладбище». См. следующее письмо.

42. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 24 декабря 1912 г./6 января 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович,

посылаю повесть, хорошо бы поместить ее в двух книгах: февраль — март¹.

Беспокоит меня, что в декабре, очевидно, не будет «Хроники»². Это такая досада!

Пожалуйста, прочитайте прилагаемое письмо Саяпина³, вторую его страницу, строки, подчеркнутые красным.

Малый любит жаловаться — противное свойство «широкой русской души!» — но у него есть достоинства: есть дарование — очень необработанное, и знания — в большом беспорядке. Необработанность и беспорядок — устранимы, материал же у него — преинтересный и, будучи взят нами, очень продвинет журнал в массу читателя-демократа, — в этом я уверен. Да и для «богоискателей» материал весьма поучителен.

По силе этих соображений я полагал бы: желание Саяпина удовлетворить и дать ему — авансом — по 50 р. в м^есяц, как он этого хочет. Если случилось бы, что он этих денег трудом своим не оправдает, — скажите П. И. Певину, что я возьму убыток на себя. Как вы нашли Изюмского?

Где 12-я книга «Современника»? Какова подписка?

Ой, сколько накопилось вопросов, планов! Скоро ли вы приедете?

Поздравляю с Новым годом, который идет на вас, а мною уже пережит, т. е. — встречен.

Встречен — скучно. От русских людей все более густо припахивает кладбищем и тлением. Пишу очерк на тему — чем должно быть кладбище в жизни?⁴

Вот такая тема! Европейцу — это в голову не придет: они свои кладбища прячут, а у нас — пожалуйста! В центре города красуются могилки предков, совершенно неуважаемых нами. Хорошо водку пить на кладбище, закусывая калеными яйцами. Не дурно также целовать — на Пасхе — толстеньких мещанок: — «Христос воскрес!» — а она, вытянув губы вперед вершка на два, скромненько отвечает: «Ах, я не христосуюсь». На русских кладбищах — в провинции — растут чудесные березы, всегда — почему-то — очень пышные, веселые и наивные, как институтки. Хоть вы и послали Сухомлина⁵ к немцам уговаривать их, чтоб они не воевали, — немцы воевать будут! Очень им хочется побить нас! Здесь уже начали жалеть Русь.

Как видите — настроение у меня — старогоднее: кладбище, война. Это — ничего! Все будет пережито, все!

Будьте здоровы! Сердечно желаю всего доброго.

А. Пешков

6(25)1.1913

Горький ошибся на один день в переводе даты с нового на старый стиль.

¹ Повесть «Хозяин» была напечатана в кн. 3—5 «Современника» за 1913 г.

² Опасения Горького не подтвердились. В 12 кн. «Современника» была помещена «Хроника заграничной жизни». В АГ сохранились материалы этой «Хроники»; часть из них — рукою М. Ф. Андреевой, которая в то время вернулась в Россию (АГ).

³ П. М. С. Саяпина не разыскано.

⁴ Рассказ «Кладбище».

⁵ Имеется в виду Владимир Александрович Сухомлинов (1848—1926). В 1909—1915 гг. — военный министр.

43. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 26 декабря 1912/8 января 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович,

поместите, пожалуйста, прилагаемый рассказ Сургучева¹ в январскую книгу *вслед* за рассказом Ласковой.

Вещица маленькая, но — милая, написана умно.

Прошу его дать еще такую миниатюру, — было бы лучше?

Всех благ!

А. Пешков

8/1.1913

¹ Рассказ «Следы вчерашнего» Сургучев выслал Горькому 21 декабря 1912 г. (3 янв. 1913 г.) (АГ).

44. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 1/14 января 1913 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Певин снова в отлете, кажется, не продолжительном. После его возвращения устроим финальное заседание по поводу разных формальных пунктов, бюджета на беллетристику и т. п. вопросов, обсудим дело Саяпина и, надеюсь, удовлетворим Ваше желание. Второе дело: январская книжка уже на мази, исключая лежащих на мне статей¹. Пишу их во все лопатки; как только кончу, буду считать себя подъявшим одно крыло для поездки на Капри. Вследствие всех этих обстоятельств очерки Изюмского отдал читать Александру Николаевичу Тихонову. Он вернет мне их завтра — послезавтра. Маленький рассказ Сургучева попадет еще в январскую книжку. Пришлось его почистить кое в каких отношениях: я думаю, что Вы против этого ничего не будете иметь. Писатель он, по-видимому, содержательный, но стиль дается ему нелегко*.

Рассказ нашего Алексея Силыча нравится не везде. Есть страницы сильные, мастерски сделанные, но в общем он наполовину лубок, наполовину художественное произведение. Очень унтер у него размалеван. Не знаю, как с ним быть еще и в другом отношении. Дело в том, что он не вполне цензурен. Печатать его в неизменном виде — сейчас же увидят оскорбление армии и администрации². Силыча Вы пока не огорчайте, а подумайте: как быть?

Вы спрашиваете о подписке — могу судить по настроению Певина. Оно твердое. Он говорит: «радоваться особенно нечему, но и огорчаться нет основания». Стало быть, третье, т. е. не худо.

Итак, около пятнадцатого буду считать себя свободным сняться с якоря. Радуюсь предстоящему свиданию несказанно. В Академии отвоевал порядочно материалу. Такие почтенные лица, как Срезневский, не отказываются делиться дубликатами³. Книги также растут, и с весны начну переправлять их партиями, как будет удобно.

Ваш новый год пришелся в самую разруху нашего старого. Было так скверно, что я и представить себе не мог, чтобы где-нибудь новый год был хорош. Вот почему своевременно Вас не поздравил. Исправляю теперь мою оплошность и с надеждой на лучшее будущее душевно Вас обнимаю.

Ваш Евг. Ляцкий

1.1.1913

* Подчеркнуто Горьким.

Р. S. Список приготовленного к печати в «Огнях»⁴.

1. Переписка Белинского с друзьями. 2 тома.
2. Сибирские письма Чернышевского. Вып. III.
3. Родэн. Искусство.
4. Сказки.
5. Масоны. Исторические очерки Пыпина, дополненные.
6. Джордано Бруно.
7. Сочинения С. Т. Аксакова — 2 т.
8. Дневник Веры Серг. Аксаковой (1854—1855).
9. О Герцене.

Готовятся:

1. Исторические песни.
2. Москва 40—60 годов XIX в. — рисунки Дмитриева-Мамонова.
3. Чернышевский. Биография (труды Вашего покорного слуги).
4. Гончаров. 3-ье изд., вновь перерабатываемое.

На все это уходит тоже бездна времени, но все это нужно — для нашей истории литературы. План у меня зреет, — так, как мы с Вами об этом говорили⁵.

Экземпляр книги вел(икого) кн(язя) Ник(олая) Мих(айловича) об Александре привезу.

¹ В 1 кн. «Современника» за 1913 г. печаталось продолжение ст. Ляцкого «Н. Г. Чернышевский на пороге семейной жизни. Из биографических очерков по неизданным материалам».

² Речь идет о рассказе А. С. Новикова-Прибоя «Порченный». См. п. 29, прим. 3.

³ Вероятно, речь идет о Вячеславе Измайловиче Срезневском (1849—1937) — сыне И. И. Срезневского. В. И. Срезневский занимался проблемами научно-технического фотографирования.

⁴ Были осуществлены изд.: Белинский В. Письма. Т. 1—3. СПб., 1914; Чернышевский в Сибири: Переписка с родными (1865—1875). СПб., 1913. Вып. III; Родэн. Искусство. С иллюстрациями / Авториз. пер. Л. М.; СПб., <1913>; Сказки утех и досужие / Сказки избрал Е. А. Ляцкий, при участии М. Н. Чернышевского. Вступ. ст. Е. А. Ляцкого. Обл(ожка) и рамка вокруг текста работы Д. И. Митрохина, им же указаны виньетки и заставки. Пг., <1915>; Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. / Ред. и прим. Г. В. Вернадского. Пг., 1916; Сочинения Константина Сергеевича Аксакова. Пг., 1915. Т. 1; Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1845—1855). С портретами и факсимиле / Под ред. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913; Из московской жизни 40-х годов: Дневник Е. И. Поповой / Под ред. кн. Н. В. Голицына. СПб., 1911.

⁵ В Дн. Пятницкого запись от 6 апреля 1913 г.: «История рус(ской) литературы. В связи с историей. Взялся Ляцкий. Ему мешают „Огни“» (АГ).

45. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 2/15 января 1913 г.)

Оставьте лист январю для Бунина. Посылаю рукопись¹.

Телеграмма на бланке. На франц. яз. Датируется по пометам.

¹ Рукопись рассказа Бунина «Преступление». В авторизованной машинописной копии рассказа поставлена дата его написания: «26—27 декабря 1912 г. Капри» (Бунин И. А. Собр. соч. М., 1966. Т. 4. С. 471).

46. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 4/17 или 5/18 января 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Мне кажется, что рассказ Туркина¹ можно напечатать, рукопись же Дермана нужно возвратить, — это совершенно не годится². Хотя и Туркин писал вещи более интересные.

Рукописей присылают массу, но — ничего значительного!

Следовало бы Хронику и библиографию печатать в два столбца, как в «Заветах» и «Русской мысли», это опрятнее, красивее.

Хорошо бы мне иметь список всего материала, который принят старой редакцией, т. е. — до вашего вступления в журнал.

Послал перевод пьесы Тодорова, она очень на тему нам, но — я от нее не в восторге в противность Кристеву.

Имею чешский роман — перевод невозможен! Предлагают роман Рони-старшего³, написанный на парижском аргю, — прошу показать рукописи.

Работы — без конца!

Будьте здоровы!

Адрес Туркина — при сем.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с письмом редакции «Современника» А. Б. Дерману. См. прим. 2.

¹ Рассказ А. Туркина «На вечное владение» опубликован в «Современнике» (1913, кн. 3).

² *Абрам Борисович Дерман* (1880—1952) — литературовед. Начал печататься как беллетрист. Редакция «Современника» 9/22 января 1913 г. направила А. Б. Дерману следующее письмо: «Милостивый государь Абрам Борисович. Редакция „Современника“ весьма извиняется за запоздание с ответом. Причина этому — посылка рукописей Ваших Ал. Макс. Пешкову. Алексей Максимович и вся редакция весьма ценят ваше сотрудничество и были бы весьма рады, если бы вы не отказали в дальнейшей присылке ваших произведений. Что же касается уже присланных вами рассказа и статьи о Блоке, то они, к сожалению, не подошли, и редакция не может ими воспользоваться» (копия письма сохранилась в жандармском деле — АГ).

³ *Рони-старший* (псевдоним Жозефа Анри Бёкса, 1856—1940) — французский писатель. Можно предположить, что речь идет о его романе «Красная волна» (1910). В русском переводе появился только в 1924 г. *Рони Ж.* Красный вал: Роман / Пер. под ред. Ф. Н. Латернера. Л., 1924).

47. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

«Петербург. 9/22 января 1913 г.»

Дорогой Алексей Максимович.

Рукопись Бунина и Ваша повесть «Хозяин» мною получены. Рассказ Ивана Алексеевича успеем поместить в январе¹. Половину Вашей повести я прочел с захватывающим интересом. Беллетристкой, стало быть, в первую половину этого года мы очень богаты, надо налаживать другие отделы. Когда кончу свои несколько затянувшиеся очерки о Чернышевском, что случится в февральской книжке, перейду к налаживанию других отделов. Предполагаю, что Щеголев и Богучарский создадут очень интересный исторический и историко-литературный отдел². В провинции отзываются слабо. Не удастся добраться еще как следует и к отделу библиографическому. Все это в ближайшем будущем. В общем же работать можно, чувствуется, что журнал крепнет, крепнет и отношение к нему. С целью создания внутреннего ядра привлекаю усиленно А. Н. Тихонова, которому только сегодня устроил продолжительное свидание с Певниным, и, по-видимому, оба они остались довольны друг другом. Убивает меня необходимость фиксировать договорные отношения с последним. Но делать нечего: придется через это пройти³.

Ушел бы я давно к Вам всей душой, но, во-первых, работы такая уйма, что положительно спать некогда, во-вторых, слышал, что к Вам все приезжают и приезжают новые русские, и я боялся, как бы приезд мой не оказался некстати. Теперь я жду В. Я. Богучарского, который 19 числа или 20-го прибывает в Россию. Как только повидаясь с ним,

сейчас же еду к Вам, стало быть, это случится не позже как через две недели после писания мной этого письма.

О корректуре и отвратительной брошюровке я, помнится, писал Вам. Певин смотрит на это как на форму; «...давайте, говорит он, — хорошее существо, а там публика простит вам опечатки и скверный вид». Я держусь противоположного мнения, и на этой почве у меня с ним постоянно происходят споры. Надеюсь, однако, победить и эту трудность.

Я вижу, что я дурно был понят Вами по вопросу об издательстве. В данный момент меня интересует не новое издательство, но организация такая в лице, допустим, И. П. Ладыжникова для «Огней», которая сняла бы с меня практическую заботу и освободила значительную долю моего времени, чтобы я мог приблизиться к своей работе, к тем целям, которые мы считали с Вами важными. Теперь практическая забота и работа по печатанию новых изданий «Огней» берет у меня очень много сил. Ложится она на меня главным образом потому, что остальная наша компания⁴ люди не практики, чем и я не могу похвастаться, однако представляю в нашем кружке наиболее практического человека.

Бебутов уже уехал и, вероятно, снесется с Вами.

Печатаю в январской книжке рассказ Бунина, стихи его, конечно, отнесем на февраль. Не правда ли? По письмам Вашим вижу и чувствую, что Вы страшно устали. Пожалуйста, берегите Ваши силы. Я на днях видел сон: шагаем мы с Вами по пескам Африки и смотрим на пирамиды. Не превратится ли когда-нибудь этот сон в действительность? Что Вы об этом думаете? А с другой стороны — амнистия ... Надвигается сомнение, что-то она принесет в самом деле.

Передайте, пожалуйста, Алексею Алексеевичу, что мы сдаем Джордано Бруно в печать⁵.

Вот пока все. Душевно обнимаю Вас.

Ваш Евг. Ляцкий

9.1.1913

¹ Рассказ «Преступление».

² Отдел «Новое о прошлом».

³ Было несколько проектов договоров с Певиным: первый проект имел в виду, с одной стороны, Певина, с другой — Пешкова и Ляцкого (см.: *Муратова*. С. 49). Проекты, хранящиеся в АГ от ноября 1912 г., уже предполагали, с одной стороны, Певина, а с другой — «литературную группу» в составе Пешкова, Потресова, Ляцкого, Вересаева, Муравьева. См. п. 22. Ни один из них не был окончательно оформлен и подписан.

⁴ В работе изд-ва «Огни» принимали участие М. Н. Чернышевский, Б. Л. Модзалевский, Н. К. Пиксанов и др.

⁵ *Джордано Бруно*. Изгнание торжествующего зверя / Пер. и прим. Алексея Золотарева. СПб.: Огни, 1914. Книга с пометами Горького хранится в ЛБГ. Дарственная надпись А. А. Золотарева: «Любимому Алексею Максимовичу от Алексеяча. Рыбинск, 20 мая 1914 г. ... Ибо и мы — Звезды и Небо Луне и любой Звезде ничуть не меньше, нежели все оне нам... Речь Бруно в Париже в день Пятидесятницы 1586 года от Р. Х.» (*Описание*).

48. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 января 1913 г.)

Настоятельно прошу не заменять себя Щеголевым во время Вашего отсутствия¹.

Телеграмма на бланке. На фр. яз.

Датируется по пометам на телеграфном бланке.

¹ См. п. 49.

49. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 10/23 января 1913 г.⟩

Евгений Александрович, дорогой!

Основною задачей журнала мы ставим борьбу — широко говоря — с косностью, умственной ленью, восточным пассивизмом — со всяческим «кладбищенством», коему наша психика столь легко подчиняется. Задача, конечно, неовая, но — к ней и можно, и должно подойти с новых точек зрения, освещая дела жизни так, что все брошенные нами лучи будут указывать дорогу на Запад, в атмосферу культуры наиболее разработанной, наиболее ценной и дорогой нам.

Мало сказать, необходимо — доказать, мало возбудить физиологическое недовольство бытием, — как это делают наши доморожденные пессимисты и мистики Андреевы, Сологубы, Арцыбашевы, Мережковские и т. д., — необходимо зажечь интеллектуальный протест против условий бытия, с такою силой, чтоб он пережег ветхого Адама в нас и стал протестом органическим. Верно?

Этот взгляд на дело обязывает нас ставить все вопросы наиболее конкретно, так, напр., если нам говорят: жажду свободы! — мы должны всесторонне разобрать, от чего именно желает освободиться сей жаждущий!

⟨Господину⟩ Щеголеву кажется высокой степенью свободы стремление редакции «Заветов» устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений¹ — именно это свободолюбие заставило меня уйти из «Заветов»². Я не могу понимать свободу как безразличие, как право человека отрицать сегодня то, что он утверждал — да еще догматически — вчера. По этому пути мы быстро приходим к азиатскому хулиганству и цинизму Суворина, который, кстати, не умер и еще долго проживет, ибо он — не лицо, не человек, а — одно из типичнейших воплощений русской психики, которую мы желаем изничтожить, перевоспитать³.

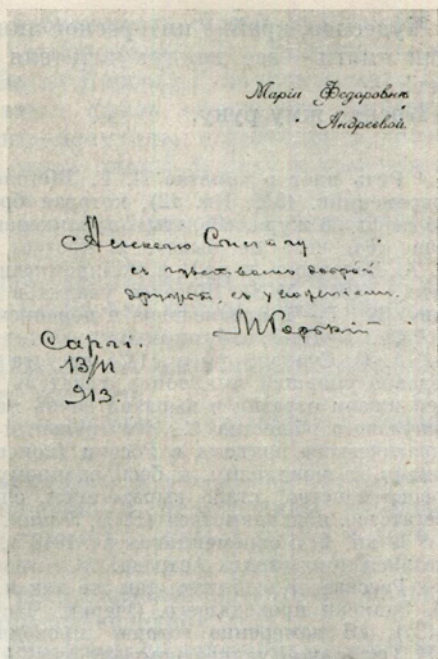
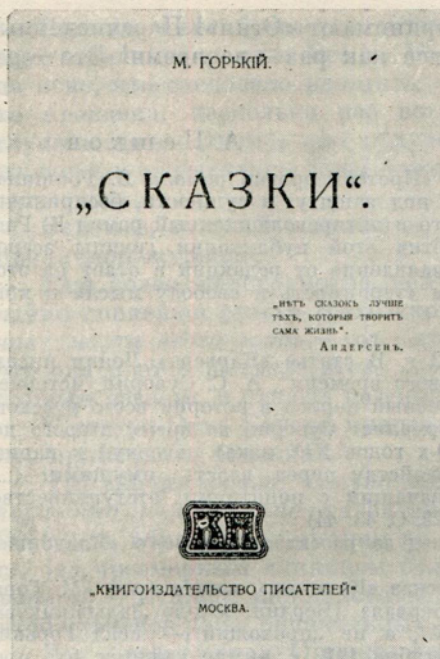
Заметка Щеголева — бестактна. И очень хорошо для нас, что он пишет так косноязычно, расплывчато и пусто, — иначе он нас очень сконфузил бы. А мы уже достаточно сконфужены целым рядом «волшебных изменений» журнала.

Мне известно также, что Щеголев говорил в Москве о вступлении в журнал Мережковского, Гиппиус и т. д. Эта болтовня не только должна отразиться на подписке, понижая ее, но она делает мое участие в журнале невозможным. Мережковский и прочие, иже с ним, мне не подкадриль. Глубоко уверен, что и Вам они чужие. Этим я объясняю мою телеграмму о Щеголеве.

Дорогой Е. А., очень понимаю, что Вам трудно разобраться в хаосе мелких мнений, мелких течений современности, слишком раздробленной и судорожной в ее поисках организующей идеи. Вероятно, и мое отношение к «Заветам» покажется Вам ригористичным, узким. Но — с моей стороны не бойтесь ни ригоризма, ни узости, к этому я не склонен; суть в том, что, если мы с Вами хотим строить здание в определенном стиле, — необходимо в интересах красоты, чтоб и детали были стильны. Всякое дело тогда хорошо, когда оно, как песня, как музыка, — ничего лишнего, ни одного слова, ни одной ноты, — все — необходимо.

Сказанное утверждает еще раз необходимость нашего свидания. Было бы чудесно, если б с Вами приехал А. Н. Тихонов, — тогда мы, вчетвером, сразу закончили бы дело, и я Вас очень прошу: настаивайте на его поездке сюда.

Засим: «Хозяина» отложите на март, апрель, а в феврале пускайте «Кладбище» — рукопись передаст Вам Ив(ан) Павлович. Я очень прошу Вас поместить вслед за этой вещичкой стихи Астрова, весь цикл⁴, — они,

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО НОВИКОВУ-ПРИБОЮ НА КНИГЕ:

М. ГОРЬКИЙ. СКАЗКИ

М. 1913

Архив Горького, Москва

по настроению сливаются с психологией «проходящего»⁵. В них ценно именно бодрое настроение, нам оно должно быть дорого. Я вижу, что автор слишком пленен Бальмонтом, но — он скоро уйдет из этого плена, мы ему поможем освободиться и найти свою форму.

Приехал сюда Андреев, о нем расскажет Вам И<ван> П<авлович>⁶. Ожидая еще кое-кого, но прежде всех и горячее — Вас.

Знакомы Вы с Ценским? Вот кого нам нужно, и хорошо было бы привезти его сюда.

Боюсь, что Сургучев обидится на поправки, ибо он считает себя писателем законченным⁷.

Силыч? Это мужик крепкий, он скоро даст нам хороший рассказ, вот увидите! А тот мы поправим⁸.

Сильно работают грузины, скоро у нас будет интересный материал⁹.

Сейчас получена ваша телеграмма «оставляю Тих<онова>», — вы уже знаете из предыдущего, что лучше будет, если Т. поедет с вами сюда, — и я, и Ив. Павлович считаем это положительно необходимым, дабы наладить дело!¹⁰

М. б., возможно ограничить Щ<еголева> в правах так, что он не испортит книгу? М. б. — его в состоянии заменить Водовозов? Наконец, взять сюда материал фев<ральской> книги и редактировать дорогою, здесь?

Вообще, — я думаю вы, дорогой Е. А., найдете исход из этого положения, а пока — крепко жму руку, радуясь скорому свиданию.

А. Пешков

Чудесное, крайне интересное лицо принимают «Огни»! Перечисленные вами книги — все найдут читателя и все как раз — во время! Это — радует!

Крепко жму руку.

А. Пешков

¹ Речь идет о заметке П. Е. Щеголева «Протест против романа В. Ропшина» (Современник. 1912. Кн. 12), которая брала под защиту, в сущности, беспринципную позицию журн. «Заветы», публиковавшего и антисоветский роман В. Ропшина «То, чего не было», и протест против этой публикации группы эсеров (М. А. Натансона и др.), и компромиссное заявление от редакции в ответ на этот протест (1912, № 8). Щеголев увидел в этом «терпимость и свободу мысли и критики». См.: Г—Ч, предисловие к переписке.

² См.: Г—Ив-Р, п. 7, прим. 1.

³ А. С. Суворин умер 11/24 августа 1912 г. В статье «Карьера» Ленин писал: «Недавно умерший миллионер, издатель „Нового времени“, А. С. Суворин, историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества (...) Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими (...) „Нововременство“ стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (В. И. Ленин. Т. 22. С. 43, 44).

⁴ В кн. 2 «Современника» за 1913 г. вслед за рассказом Горького «Кладбище» печатался цикл стихов Астрова.

⁵ Рассказ «Кладбище», так же как и рассказ «Калинин», вошел в кн. «М. Горький. Записки проходящего. Очерки. Часть первая» (Берлин, изд-во Ладыжников, <1913>). «Я намеренно говорю „проходящий“, а не „прохожий“, — писал Горький Д. Н. Овсянко-Куликовскому 23 или 24 сентября 1912 г.: — мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпывающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное» (XXIX, 251).

⁶ Л. Андреев и И. П. Ладыжников находились на Капри с 19 по 24 января 1913 г. (ЛЖТ. Вып. 2. С. 331).

⁷ Редакционная правка Ляцкого, как и предполагал Горький, вызвала возмущение Сургучева. Вторую миниатюру «Следы вчерашнего» он дал в «Кругозор», где она и была напечатана (Кругозор. 1913. Кн. 2).

⁸ Возможно, рассказ Новикова-Прибоя «Лишний». Напечатан в «Современнике» (1913, кн. 12). Горький упоминает далее рассказ «Порченный». См. п. 44, прим. 2.

⁹ 17/30 января 1912 г. Н. В. Канделаки сообщил Горькому о высылке материалов по грузинской литературе (АГ). В «Современнике» не публиковались.

¹⁰ Упоминаемая телеграмма Ляцкого не разыскана. А. Н. Тихонов и его жена В. В. Шайкевич приехали на Капри до 10/23 февраля 1913 г. Ляцкий приехал позже. К. П. Пятницкий записал в дневнике 10 февраля 1913 г.: «По дороге здороваюсь с Тихон(овым) и Варв(арой) Вас(ильевной)». 18 февраля: «Приходит Г(орький), Ек(атерина) П(авловна), Тихоновы, Ляцкий». 20 февраля: «Заговорились с Ляцким — волнуется, раздражен». 22 февраля: «Разговариваю с Ляцким — едет в Неаполь (...) Оказывается, в Неаполь едут Горький, Ек(атерина) П(авловна), Макс(им), Ляцкий и Тихоновы (...) Бунин рассказывает: Тихонов введен редактором в „Современник“. Основывается издательство, где будут он и М(ария) Ф(едоровна) (...) Ляцкий отказался взять Затертого. Ляцкий говорит, что не позволит превратить „Соврем.“ в большевистский орган» (АГ).

50. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 11/24 января 1913 г.)

Ладыжников будет Петербурге среду ¹.

Текст на телеграфном бланке. На фр. яз.

Датируется по пометам на телеграфном бланке.

¹ Среда — 16/29 января 1913 г.

51. ГОРЬКИЙ — РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОКА»

(Капри. 28 февраля/13 марта 1913 г.)

Мм. Гг.!

Просмотрев 2-ю книгу «Современника», считаю необходимым ознакомить Вас с тем впечатлением, которое она вызывает.

Прежде всего бросается в глаза небрежность общей редакции: на всех страницах романа Эса де Керос¹ напечатано: «Эса де Кероса», когда ясно, что следовало печатать — «Эс де Керос». Рукопись романа плохо правлена: несколько раз встречается фраза «глаза его засверкали глупым довольством», «по получении — получил». «Мальчишки *рвались* на волю и *порывались* даже бежать, строя планы бегства и измеряя соту окон».

Надеюсь, со мной согласятся, что это малограмотно и недопустимо в приличном журнале.

Еще более малограмотна ненужная, неинтересная и, очевидно, случайно попавшая статья Быховского². Ее первая фраза: «Дело было *в начале марта этого года*», — тот, кто сдавал статью, должен был помнить, что она идет *в феврале этого года*. Вся статья написана неумело, очень дурным языком, и отнюдь не украшает журнала.

К статье Отто Бауэра приделано совершенно бестолковое и непонятное примечание редакции³.

Что значит фраза: «Бауэр недооценивает, а *кое в чем оценивает совершенно неправильно* характер, значение и перспективы переворота 908 г., не обращает внимания на *династический смысл войны* и находится под чрезмерным влиянием *болгарских политиков*, среди которых, как раньше в Италии, шовинистический угар оказался достаточно сильным, чтоб охватить даже радикальных их представителей».

Это — явный бред. О каком «династическом смысле войны» идет речь? Каким образом болгарские политики попали в Италию? Неужели редакция видит в примечании этом некий смысл и полагает, что читателю будут понятны такие ее соображения, как «Бауэр недооценивает, а *кое в чем оценивает совершенно неправильно*»?

Подобного рода заявления — смехотворны и унижают журнал. Особенно неловко и стыдно встретить указание на «династический смысл войны» — это уж мысль политика из Чухломы, она уместна лишь в журнале юмористическом.

Наивная статья Делевского, так же как и статья Быховского, кажется мне случайной, помещенной лишь вследствие недостатка подходящего материала. То, что автор именует «антагонизм пролетариата», не существует в той форме и в том смысле, как ему угодно изображать это. Если б он был немецким каменщиком, матросом или рудничным рабочим, он сам понял бы, что ему нельзя работать с людьми, которым чужд его язык, которые не понимают его речь⁴.

Мне непонятно, чем руководствовалась редакция, помещая статьи Быховского и Делевского.

Необходимо было извлечь из статьи Бонча-Бруевича масло и патоку, коими он так обильно потеет. На 310 странице он слишком смел и, как Бауэр, — по мнению редакции, — «находится под чрезмерным влиянием болгарских политиков», так Бруевич, видимо, чрезмерно верит фантазиям г. Мережковского. Ему необходимо ознакомиться с исследованием Коновалова о религиозном экстазе в русском мистическом сектантстве, а также вспомнить, что религиозное возбуждение родственно половому. Уж не такой же солидный ученый Бруевич, чтоб позволять себе говорить о вопросе неясном и нерешенном столь решительно и догматически, как он это делает по легкомыслию, вообще и во всем свойственному его натуре⁵.

Статья Луначарского многословна и написана в стиле профессора Аничкова, которому ни в чем подражать не следует⁶.

Следует попросить автора писать проще, менее витиевато, более кратко. Рассуждения иногда бывают весьма забавны, но факты всегда поучительны. Побольше фактов, поменьше субъективных мнений.

В общем, вторая книжка «Современника» вызывает гнетущее впечатление небрежностью, с которой она составлена, бесчисленными обмолвками неприятнейшего характера и полным отсутствием какого-либо внутреннего единства.

Так нельзя вести журнал. Если «каждый молодец» будет писать «на свой образец», то редакция окончательно сведет с ума русского читателя, который все-таки смотрит на журнал серьезными глазами и ждет от него знаний, а не мнений, выводов, солидно построенных на фактах, а не субъективных фантазий.

И я принужден заявить, что, если книжкам «Современника» и впредь будет придаваться такой же эклектический-анархический характер, если редакция и в будущем останется равнодушной к вопросу внутреннего идейного единства, — я попрошу не считать меня более сотрудником «Современника».

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Горького А. Н. Тихонову от 28 февраля / 13 марта 1913 г., вместе с которым он переслал Ляцкому и другим членам редакции свои критические замечания. Горький писал Тихонову: «Посылаю несколько строк моих „Заметок читателя“ по поводу 2-ой книги „Современника“. Если найдете нужным, ознакомьте с ними „редакцию“ — черт бы ее побрал! Это же сумасшедший дом, а не редакция! Кто-нибудь из них читает всю-то книжку?» (Горьк. чт. 1959. С. 31). «Заметки читателя», по существу, явились п. Горького в редакцию «Современника».

¹ *Эса де Керос*. Преступление отца Амаро: Роман // Современник. 1913. Кн. 2—8. Современное написание имени португальского писателя — Эса ди Кейруш Жозе Мария (1845—1900).

² Н. Быховский «В успокоенной России. Из дорожных впечатлений». В тексте статьи автор-повествователь упоминает также начало июля этого года, что свидетельствует о том, что статья была написана не в 1913 г., а, по-видимому, в 1912 г.

³ *Отто Бауэр* (1882—1938) — один из лидеров правого крыла австрийской социал-демократии и II Интернационала.

В п. Горького цитируются строки примечания, относящиеся к характеристике недостатков ст. Бауэра.

⁴ Ю. Делевский «Внутренние антагонизмы пролетариата: Конкуренция иностранного труда» (Современник. 1913. Кн. 2 и 3). В статье конкуренция между местным населением и иностранными рабочими рассматривалась как проявление «внутреннеклассовых антагонизмов» самого пролетариата. «Подобные антагонизмы, — писал Делевский, — ведут к борьбе, принимающей по временам весьма острый характер. Внутренним антагонизмам пролетариата соответствуют на противоположном полюсе проявления относительной солидарности между рабочими и предпринимателями» (Современник. 1913. Кн. 2. С. 235).

⁵ В. Бонч-Бруевич «Московские трезвенники». Статья была помещена в разделе «Итоги и факты». В. Д. Бонч-Бруевич сообщал в ней о преследовании религиозной секты «трезвенников». В безусловно положительном отношении Бонч-Бруевича к секте «трезвенников» Горький увидел близость к «откровениям» Д. С. Мережковского, нашедшего в сектантах носителей истинной веры (Мережковский Д. С. Не мир, но меч (к будущей критике христианства) // Полн. собр. соч. М.: изд-во Сытина, 1914. Т. XIII. С. 108).

Упоминаются кн.: Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектанстве. Ч. I. Вып. 1. Сергиев-Посад, 1908; Он же. Психология сектантского экстаза. 2-е изд. Сергиев-Посад, 1909. Хранится в ЛБГ (Описание).

⁶ А. Луначарский «Князь поэтов в Народном университете». Письмо из Парижа. В статье рассказывается о Поле Форе (1872—1960) — французском поэте-символисте и его реферате «Поэт и газеты», прочитанном в Народном ун-те Парижа.

52. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 8(21) III 1913 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Еще раз душевно благодарю Вас за приветственную телеграмму¹, которая очень обрадовала меня. Но к именинам своим не припас я именинного настроения и провел этот день в скучных и утомительных раз-

говорах по «Современнику». [Настроение, которое я застал здесь*, таково².

1. Много сделано ценного для исторического и историко-литературного отдела.

2. Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой (левее кадетов), принимают марксизм как метод научного объяснения, но «большей определенности» в смысле уклона к большевизму боятся, как жульда. Мнение о Степанове³: «он, по слухам, пережил какую-то эволюцию. Если последняя не сделала его менее нетерпимым, работать с ним будет вряд ли возможно»*. Туманно выдвигается кандидатура Кусковой (без Прокоповича). Помнят Ваше отношение ко всякой фракционности и не допускают мысли, чтобы Вы изменились.

Водовозов считается неприемлемым ни в каком виде.

Подписчиков — 3 с чем-то тысячи. Возможность каких бы то ни было внутренних потрясений Певин оценивает как смертельный удар самому факту издания. Он верит в прогрессивное обогащение силами и объединение.

Ждут моих переговоров с Степановым, жалеют, что переговоры с Вами откладываются до половины апреля.]^{2*}

Но возникает новое обстоятельство, Н. И. Иорданский возбудил вопрос о соединении с «Современником». У них 7500 подписчиков — шанс, весьма утешающий бедного Певина. По-видимому, дешево он не отдаст и если пожелает войти — минимум в качестве члена редакции (желательно без портфеля). Но как вообще относитесь Вы к подобной возможности? Сегоднѣ вечером будет толковать с ним Певин, я же, во-первых, оставил за собой право высказаться последним из здесь присутствующих и, во-вторых, поставил вопрос о редакционном участии Иорданского в зависимость от Вашего согласия.

Вчера был Иван Павлович. Я убеждал его не отказываться от положения члена совета кредитного общества.

Сегодня звонил А. Н. Тихонов, только что вернувшийся. Он будет у меня завтра утром.

Итак, выйдем, как разрешатся новые обстоятельства. Соединение с «Современным миром» факт в издательском отношении очень крупный, и можно идти кое на какие жертвы, — но на какие? — тут требуется большая осмотрительность. Иорданский — не сахар в редакционной коллегии, ибо он по натуре своей людей не соединяет, но разъединяет. Лучше бы всего свести его на роль получающего редакционную ренту, если нельзя иначе.

И будем думать, друг дорогой и товарищ, что все образуется, не все, так то, о чем думаем горячо и во что верим.

Кланяюсь Екатерине Павловне и сердечно жму Вашу руку

Ваш Е. Ляцкий

Р. S. Пришлите рукопись Игоря Северянина.

¹ Поздравление с днем 45-летия (3/15 марта 1913 г.). Телеграмма не разыскана.

² Имеется в виду петербургская редакция «Современника», куда входили П. И. Певин, В. Я. Богучарский, П. Е. Щеголев и В. В. Водовозов.

³ Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870—1928) — старейший участник русского революционного движения, литератор-марксист, в РСДРП с 1896 г., с конца 1904 г. — большевик. Во время пребывания Ляцкого на Капри обсуждалось предложение Горького о введении в социально-политический отдел «Современника»

* Здесь и далее подчеркнуто Горьким. Против пункта 2 Горьким поставлен вопросительный знак (красный карандаш).

^{2*} Квадратные скобки принадлежат Горькому.

И. И. Скворцова-Степанова, А. Н. Тихонова и В. А. Базарова. 15/28 марта А. Н. Тихонов писал Горькому: «Положение дел в „Современнике“ по-прежнему не ясно. Во всяком случае несомненно одно, что предложение Е. А. ввести в редакцию Степанова встречено весьма недружелюбно: „скучный литератор“, „большевик“ и т. д.» (АГ).

«Переговоры с „Современным миром“, которые ведутся Певиным с помощью Щеголева, — писал Тихонов в упоминавшемся письме, — возможность участия Иорданского в журнале в качестве редактора настолько окрылили теперешний состав редакции, что она, по-видимому, готова идти даже на разрыв с Ляцким», если он очень станет настаивать на введении новых людей» (Там же). Предполагаемое соединение «Современного мира» с «Современником» осуществлено не было.

53. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 марта 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю стихи Бунина на апрель и март¹, а также просьбу библиотеки.

Прочитал я всю вторую книжку «Современника» и — в ужасе: если мы выпустим еще одну, две такие же бестолковые и малограмотные книги — журнал будет убит.

Мною послана А. Н. Тихонову довольно подробная рецензия на книгу, но в ней я забыл упомянуть, что статья Корнилова² тоже лишняя в журнале. Она решительно ничего не говорит об идейной позиции Мережковского, — позиции, которую мы должны осветить; «критика» Корнилова чисто внешняя, формальная, но — и с этой точки зрения даже коротенькая заметка Садовского³ — ценнее бесцветных рассуждений Корнилова.

Делевские, Быховские — все это не нужно. Б.-Бруевич должен прочитать какой-нибудь солидный труд по вопросу о половой психопатологии и затем уже рассуждать о мистиках-сектантах.

Все эти наполняющие книжку легкомысленные и противоречивые мнения каких-то скучных людей не могут создать журналу ясного лица и не сделают его нужным читателю.

Мне очень неприятно и тяжело писать Вам это, Евгений Александрович, но я должен сказать, что при данном составе редакции я едва ли стану долго работать, и если до июня мы не реорганизуемся, — буду принужден уйти.

Будьте здоровы, не сердитесь на меня.

Всего доброго!

А. Пешков

Помимо публикуемого текста, представляющего собой машинопись с приписками и подписью Горького, в АГ хранятся: а) машинописная копия письма (без приписки и подписи), но с датой — 9/22. 1913, проставленной Горьким в левом углу страницы чернилами, и б) черновой автограф с правкой синим карандашом и датой в правом углу страницы — 1/14 марта 1913.

Датируется по помете Горького на машинописной копии письма, направленной А. Н. Тихонову: «...передайте письмо Ляцкому. Никак не могу написать ему в форме более дружеской, что ли? Более мягкой» (Горьк. чт. 1959. С. 34).

¹ В кн. 3 «Современника» стихотворения И. А. Бунина не были напечатаны; в кн. 4 печатались два стихотворения Бунина «Уголь» и «Потомки пророка», объединенные общим заголовком «Мудрость», и рассказ «Худая трава». В п. от 6/19 марта 1913 г. Бунин писал Ляцкому: «Дорогой Евгений Александрович, вчера Алексей Максимович и от своего и от Вашего имени просил у меня стихов для апрельской кн. „Современника“. „Это, — сказал он, ничего, даже хорошо, что в одной книге будут и стихи Ваши и рассказ.“ — Посылаю Вам 32 строки — 3 маленьких стихотворения — и присовокупляю покорнейшую просьбу: сообщить о получении их; в рассказе, в „Худую траву“, в VII главу в начале 6-го абзаца вставить такие слова: в „полугубке и в соломенной шляпе“, — чтобы вышло так: „Заходил старик-пьясун, в полугубке и в соломенной шляпе, приносил яблоки...“ Говорят, нынче день Вашего рождения?

От души поздравляем, желаем всех благ земных. Ваш Ив. Бунин» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 88).

В текст «Современника» предлагаемая Буниным вставка не вошла, в последующие издания рассказа она включалась.

² Александр Александрович Корнилов (1862—1925) — историк, активный деятель кадетской партии. В ст. «Исторический роман Д. С. Мережковского „Александр I“» Корнилов рассматривал роман Мережковского «лишь с точки зрения исторической достоверности». При этом он пришел к «довольно отрицательному выводу. Новое произведение Д. С. Мережковского является, по моему мнению, не художественным воспроизведением общественной или народной жизни конца alexandrovskoy эпохи... а просто компиляцией, написанной прекрасным языком» (Современник. 1913. Кн. 2. С. 199). Но свои критические замечания автор статьи сопроводил множеством оговорок и комплиментов, заявив, что вообще не касается выяснения взглядов автора произведения.

³ В ст. «Оклеветанные тени» («О романе Д. С. Мережковского „Александр I“») Б. Садовский писал: «Мертвой теорией, общим методологическим приемом пытается Мережковский подменить то, в чем ему отказано от природы. Идея „Александра I“ все та же, давно известная: это развитие его учения об Антихристе (...) идея в корне погубила замысел романиста, и Александр вышел неубедительным и бледным». При этом автор статьи обвинял Мережковского в том, что он «строго и пристрастно судит знаменитых наших покойников» (Крылова, Карамзина, Жуковского, декабристов: Рылеева, Пестеля, Каховского и др.) и, «сажая их подсудимыми на скамью современности, как бы обвиняет в том, что не читали они „Грядущего Хама“» (Северные записки. 1913. № 1. С. 117—118).

54. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 14/27 марта 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Вы сообщаете: «Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой, принимают марксизм как метод научного объяснения, но „большой определенности“, в смысле уклонения к большевизму, боятся, как жупела»¹.

Хотя меня очень мало интересует позиция, на которой стоят Певин и Богучарский, однако не могут не заметить, что эта позиция мне не понятна. Что значит «блоковая», с кем предполагается блок? Все это — неясно, равно как неясно, почему названные Вами лица говорят о большевизме и что побудило их говорить о нем?

Далее — Вы сообщаете чье-то мнение о Степанове: «...если он не стал менее нетерпимым, работать с ним вряд ли будет возможно».

Мне опять-таки непонятно, о какой и к чему — терпимости идет речь?

Но всего более непонятно мне, почему г. г. Певин и Богучарский говорят в тоне столь решительном и кто дал им возможность говорить в этом тоне?

С Ваших слов мне известно, что Певин не имеет права вторгаться в дело идейной организации журнала². Вы, — совместно со мною и Тихоновым, — признали необходимость ввести в журнал Базарова и Степанова, как людей политически грамотных. Остается Богучарский, очевидно, это он находит, что со Степановым «вряд ли можно работать».

Позвольте, Евгений Александрович, напомнить Вам и г. Певину следующее: когда Вы, приехав на Капри, приглашали меня реорганизовать журнал, Вы не говорили мне о том, что в числе членов редакции, имеющих право голоса, находится Богучарский.

Лицо это введено в редакцию после меня и без моего ведома, а факт приглашения новых лиц в журнал без ведома моего является фактом, нарушающим мои права, с чем Вы, вероятно, согласитесь.

До сей поры я не указывал Вам на этот факт, вследствие известного отношения к Вам, но теперь, когда для Вас мнения Богучарского являются решающими судьбу журнала, я считаю необходимым сказать Вам, что Вы поступили неправильно по отношению ко мне.

Вместе с этим заявляю, что я останусь сотрудником «Современника» только при том условии, если редакция его составит так: Вы, Базаров, Степанов, Тихонов. Никакой иной комбинации я не могу принять.

И затем: так как при данном составе редакции журнал ведется крайне небрежно и малограмотно, — о чем убедительно говорит вторая его

книга за текущий год, — и так как я, член редакции, отвечаю пред читателем за допущенные ею небрежности, не будучи повинен в них, я принужден заявить Вам, что считаю мое положение в журнале очень тягостным для себя и прошу Вас теперь же вычеркнуть в объявлении о подписке мое имя из числа лиц, участвующих в социально-политическом отделе журнала.

До поры, пока не составится новая редакция, я остаюсь в «Современнике» сотрудником, как беллетрист.

Укажу Вам еще на следующее: — Вы пишете: «настроение, которое я застал здесь, таково».

Это — неточно. Вы не могли застать настроения, Вами описанного, ибо до Вашего приезда оно не могло сложиться. Певин и Богучарский могли высказаться так, как они высказались, только после Ваших сообщений о беседах на Капри.

Не могу скрыть, Евгений Александрович, что Ваша описка — «настроение, которое я застал», вместо «настроение, которое *создалось* после моих разговоров с Богучарским», это Ваша маленькая описка, сильно изменяет мое отношение лично к Вам³.

Желаю всего доброго.

А. Пешков

14/27.III.1913

¹ См. п. 52.

² К этому месту письма Ляцкий сделал примечание: «Неточно. Мною было сказано: Певин предоставляет мне всецело организацию редакции».

24 февраля 1912 г. Певин писал Ляцкому: «Многоуважаемый Евгений Александрович! Пригласив Вас с марта месяца с. г. редактировать издаваемый мною внепартийный прогрессивный журнал „Современник“, настоящим письмом подтверждаю, что Вам принадлежит право как привлечения к сотрудничеству в журнале лиц, согласных с программой и общим характером „Современника“, так и выбор и распределение литературного материала» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 381).

³ В тот же день Горький писал А. Н. Тихонову: «Дорогой друг, посылаю Вам копию письма Ляцкого ко мне и копию моего ответа ему. Этот уважаемый лимон вывел меня из терпения, и я нашел необходимым сказать ему несколько теплых слов, которые или укрепят нашу позицию, или заставят нас отойти в сторонку от терпимости и прочих луж [...] Пишите, пожалуйста, обо всем и — особенно — о „Совр(е)мнике“. Время — дорого, дано его нам мало, я уже две трети истратил зря, из оставшихся годов нужно сварганить что-нибудь приличное. „Совр.“ — в этом состоянии перманентных колебаний — очень мешает жить» (Горьк. чт. 1959. С. 31—32).

Отношение Горького к Ляцкому не изменилось и позже. Отвечая на предложение Ф. А. Брауна привлечь Ляцкого к работе в журн. «Беседа», Горький писал 25 мая 1925 г.: «Заранее считаю нужным сказать, что к проф. Ляцкому у меня нет ни симпатии, ни уважения. Я его давно знаю и работать с ним не мог бы» (АГ).

55. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

«Петербург. 17/30 марта 1913 г.»
17.III.1913

Дорогой Алексей Максимович,

Ваши замечания на 2-ю книжку справедливы. Упрекаю себя за попустительство по отношению к статье Делевского, остальное — вне моего ведома. Все это так, но называть «милостивыми государями» товарищей по редакции, пока Вы ее не покинули, не нужно, ибо в Вашем уважении к ним Вы не откажете, хотя и не согласны с ними.

Ввиду того что переговоры Певина с Иорданским затягиваются в долгий ящик, я передал Петру Ив(ановичу) заявление от Вас и меня¹, что мы остаемся в редакции лишь в том случае, если соглашение его с «Совр(е)мным» миром» предусмоторит образование редакции из Вас, Степанова, Базарова, Тихонова и меня; вопрос же о дальнейшем пополнении редакции должен быть решаем с согласия Вашего и моего. Сде-

лать это было необходимо, так как вступление Иорданского в *создатель* ли, не говоря уже о желании его войти в редакцию, выдвинул на очередь коренной пересмотр моей с ним конституции.

Чувствую свою глубокую вину перед Вами, что не писал Вам это время. Застал при приезде мои личные обстоятельства в таком положении, что все ходуном заходило во мне. Теперь все отболело и пережилось. И я выхожу из какого-то душевного подполья и начинаю думать, что еще можно жить. Но по отношению к Вам это меня не извиняет нисколько. Не извиняет и по отношению к И. А. Бунину, которого я душевно полюбил. Слова, которые я мог бы обратиться к нему, к Вам, к всему, что было близко, но не говорило о том, что болело, казались изжитыми, сморщенными, вялыми, а выводить подобные настроения на свет божий не хотелось.

Теперь могу и буду говорить о деле. Певин щелкает на счетах и «выжидает». Он весь поглощен комбинациями, из которых соглашение с Совр(ременным) миром, что может принести ему 7½ тыс. подписчиков, весьма его занимает. В Москву тоже зовут его зачем-то подобным. Что выйдет из всего этого, узнаем на днях.

С нетерпением жду разрешения этого, чтобы уехать на неделю в какую-нибудь санаторию. Если нужны будут какие-нибудь переговоры, передам их Тихонову. Но теперь, пока они «торгуются», нам делать нечего. А к Певину нельзя не быть снисходительным: затратил более ста тысяч, — поневоле ищет поддержки.

Вы назначаете срок Вашего выхода из журнала «до июня»... если не сорганизуемся. Не понимаю. Или мы уйдем из редакции *теперь*, т. е. при конце апрельской книжки, или в апреле мы, как предполагали, съедемся и введем новую конституцию.

Послезавтра, т. е. после совещания с Иорданским о редакции, напишу еще. А пока — до свидания.

Ваш душевно.

Евг. Ляцкий

¹ Заявление, о котором пишет Ляцкий, сохранилось в его архиве. «Глубокоуважаемый Петр Иванович, — писал он 16/29 марта 1913 г., — ввиду того, что Ваши переговоры с Н. И. Иорданским о соединении „Современника“ с „Современным миром“ ставят на очередь коренной пересмотр действовавшего между нами соглашения, прошу Вас принять во внимание, что участие А. М. Пешкова и мое в редакции обуславливается введением в состав редакции Тихонова, Степанова и (факультативно) Базарова; вопросы о дальнейшем пополнении редакционного состава должны разрешиться с согласия Алексея Максимовича и моего.

Преданный Вам Евг. Ляцкий» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 15).

В том, что это заявление было действительно передано Певину, Горький усомнился. См. п. 56, прим. 7.

56. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 20 марта/2 апреля 1913 г.)
20.III.1913

Дорогой Алексей Максимович.

Горько мне было читать Ваше последнее письмо¹, и если бы не любил я Вас так, не знал бы, что отвечать Вам на него, кроме того, что я очень скорблю, что наши дороги разошлись.

Постараюсь теперь разъяснить Вам вкратце ряд коренных недоразумений.

Спешность и неделовитость моего первого письма к Вам², несомненно, могли дать Вам повод сделать из него столь неправильные выводы.

Прежде всего я именно «застал настроение». Действительно, перспектива соединения с «Современным миром» так захватила Певина, купно с Богучарским и Щеголевым, что ко всем новым, для них неожиданным

предложениям, *они a priori были* настроены не вполне сочувственно. Итак, я застал — до всяких слов, мною сказанных:

1. Перспективу введения в соиздатели Иорданского, что сразу же прекращало действие моего соглашения с Певиным.

2. Удрученное настроение Певина состоянием подписки, что не позволило мне быть решительно против этого соединения.

3. Неизбежно большее участие всех остальных членов редакции в вопросах социального политического порядка при общем недовольстве Водозовым.

4. В связи со всем этим — настороженное отношение Певина ко всем решительным предложениям и радикальным мерам.

Это я застал, а не создал своими словами.

Затем я сделал в весьма категоричной форме наше заявление. Оно не обсуждалось тогда, обменивались только мнениями. И вот тут-то зарыта собака. Вы были не прочь получать от меня, независимо от деловых писем, летучие наброски впечатлений, и вот с первым же таким наброском произошла неудача. Чрезвычайно сожалею, что допустил ряд непродуманных, случайно подвернувшихся под руку выражений, которых теперь даже не помню. Сожалею, что был дурно понят, но — еже писах, писах.

Певин же имел претензии оказывать какое-либо влияние на приглашение сотрудников, Богучарский — человек скромный, крайне деликатный и с большим тактом. То, что я сообщил Вам из их суждений, было не более, как их мнения, которым, пока вопрос не стал на почву окончательного обсуждения, они не придавали значения категорического императива. Повторяю, я поступил неосторожно, слишком положившись на наше взаимное понимание, но перспектива соединения с «Современным миром ставила — не забудьте — на очередь пересмотр всей нашей конституции, при котором голос Певина, отдавшего все свои средства идее «Современника», не мог не иметь видной, до известной степени решающей роли. Высокомерное отношение к нему было бы неправильным, и я никогда не простил бы себе, если бы, пользуясь своим договорным положением, стал вводить что-либо насильственно, не согласуясь с его взглядом на дело.

Вы видите, что вопросы, которые возникли здесь за время моего отсутствия, слишком серьезны, чтобы наши общие с Вами желания можно было ввести в жизнь одним моим простым или даже Вашим распоряжением, без согласования их с целым рядом параллельных обстоятельств. Выжидательное положение, которое я занял, предоставив Певину вырабатывать все прочие пункты соглашения с Иорданским, было единственным возможным в создавшемся конфликте интересов и мнений.

На это согласование должно неизбежно уходить время, и только теперь выясняется основа его в том виде, как Вам писал о том А<лексан>др Ник<олаевич>.

Теперь о приглашении Богучарского:

Кроме прав, о которых мы не договорились на Капри прошлой осенью³, на мне лежала еще и обязанность обогащать литературные силы журнала. Если я пригласил для работы в историческом отделе Богучарского, не спросив у Вас, из-за многодневного срока, уходящего на обмен письмами, то ведь и Вы, не спросив меня, писали Муравьеву о лицах, Вами мне не называвшихся⁴. Очевидно, Ваше и мое приглашение сделано нами было на основании предполагавшейся внутренней солидарности и невозможности быстрого обмена мнениями. Затем я имел много случаев высказывать Вам соображения, по которым я пригласил Богучарского, и Вы признавали работу его, в пределах его компетенции, весьма ценной. В октябре прошлого года я тем более считал себя вправе

пригласить Богучарского в качестве моего ближайшего сотрудника по историческому отделу, что в то время Вы сами ограничивали сферу Вашего ближайшего и преимущественного внимания — отделом художественно-литературным и областным; Ваше совещательное и направляющее влияние в других отделах сложилось само собой — на почве нашего взаимного сближения в общих интересах журнала.

Об идее блока левой оппозиции мы много говорили в дни моего первого свидания с Вами, и меня удивляет, что Вы забыли об этом. Дурно ли, хорошо ли редакционное заявление, сделанное осенью⁵, но идея блока там была подчеркнута весьма сильно, и Вы, по существу, не возражали против этого. Были ли Вы в этом случае последовательны, судите сами.

На примере областного отдела, поглотившего у Вас так много забот и времени, Вы видите, с каким трудом создается всякая новая стихия в журнале. Тем более, казалось бы, Вы должны были снисходительно отнестись к нашим ошибкам в отделе социально-политическом. И если Вы напоминаете мне взятое мною на себя обязательство относительно Степанова и Базарова, то позвольте Вам напомнить и то, что Вами же был назначен в половине апреля тот срок, когда на общем съезде предполагалось выработать окончательную программу, основной характер и самый способ ведения журнала.

Не мне говорить Вам, как трудно собирать в России людей у культурного дела, но разогнать, разметать тех, кто хочет идти с Вами по одному пути*, очень легко. Перед глазами у меня наша маленькая редакция, только что выслушавшая Ваше письмо-рецензию. Впечатление получилось самое удручающее. Сначала молчали, потом заговорили — все сразу. Стали обсуждать и тон и содержание. По тону — оно начальнический окрик. По существу — угроза.

Вы грозите выходом из числа «сотрудников» даже? Почему? Что такое сделал журнал, чтобы Ваше простое сотрудничество в нем стало невозможным? Если можно было бы⁶ понять Ваш выход из редакции, чтобы снять с себя ответственность за ее характер и способ ведения журнала, то угроза выйти из числа сотрудников является непонятной... Если плох журнал, приди и помоги, а нести тяжелую практическую работу ведения журнала под постоянным страхом возможности новых настроений самого влиятельного и чуткого сотрудника — тяжело. Одно учредительное собрание могло бы разрешить все недоумения и спасти дело, а не губить его на интеллигентский лад... Таков был смысл всех речей, говорившихся по поводу Вашего письма.

О моем заявлении Певину Вы знаете и можете сделать из этого соответствующий вывод⁷.

Но теперь, после получения Вашего последнего письма, и мое отношение к перспективе общей работы с Вами в редакции того или другого журнала, к глубокому моему огорчению, также изменилось. Ультимативность Ваших заявлений вызывает во мне, при величайшем желании работать с Вами, самый горячий протест.

Когда в наши отношения вошел такой клин, как «изменение Вашего лично ко мне отношения» по причине явного недоразумения, когда новое настроение Ваше владеет Вами так сильно, что Вы взятую на себя задачу «содействия» превращаете в «требование», сделать тут уже ничего нельзя, и остается лишь предоставить друг другу свободу от принятых на себя обязательств.

О Вашем выходе из редакции я довел до сведения издателя и товарищей. Постановлено просить Вас пересмотреть Ваше решение после

* Здесь и далее подчеркнута Горьким.

того, как проект согласительного состава редакции будет Вам представлен.

О Вашем возможном выходе из числа сотрудников не могу и подумать. Не говоря о том, что это нанесет окончательный удар «Современнику», это будет и обидой, совершенно незаслуженной, всему остальному составу сотрудников.

Тяжело до боли писать Вам все это. Чувствую, что все произошло от того, что душа Ваша рвется сюда, а сами Вы продолжаете оставаться на Капри, где развивается дух острой критики, слишком разжигающей нетерпеливое ожидание. Но — что делать! Видно, сбудется сказанное Вещим:

— и Побредешь ты, как слон, одиноко, шумя тростником...⁸ Отношу это к себе, конечно.

Всегда Вам преданный

Евг. Ляцкий

¹ См. п. 54.

² См. п. 52.

³ Т. е. в сентябре 1912 г.

⁴ См.: Г—М, п. 4, прим. 1.

⁵ О программе «Современника» // Современник. 1912. Кн. 12.

⁶ Горький простым карандашом вычеркнул «было бы» и написал сверху «еще».

⁷ Горький сообщил Тихонову 30 марта / 12 апреля 1913 г. по поводу заявления Ляцкого: «Вы писали М(арии) Ф(едоровне), что Л(яцкий) „составил заявление, в котором он настаивает на реформе журнала“, и что „копию этого заявления он отправил“ мне раньше получения от меня последнего письма, на кое он составил „длиннейший ответ“».

Сообщая, для характеристики Л(яцкого): „заявление“ до сего дня не получено мною, но „длиннейший ответ“ я получил, посылаю Вам копию оною.

Я думаю, что Л. не способен — а в данном случае и не хотел — написать Певину заявление ультимативного характера, и мне не верится, что таковое написано, послано. Сомнение мое подтверждается и тем, что Вы текста заявления не видели, я его не получил» (*Горьк. чт.* 1959. С. 35).

⁸ Цитата из буддийского канонического текста. См. в кн.: *Сутта-Нипата*. Сборник бесед и поучений: Буддийская каноническая книга. М.: т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1899. С. 36 (*ЛБГ*, Описание).

57. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 28 марта/10 апреля 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович,

если мое письмо заставило Вас пережить неприятные минуты, это, конечно, грустно, но — что же делать? Я сторонник отношений вполне ясных, мне непонятно, как Вы могли, приехав в Питер, «застать» Певина и Богучарского, обсуждающими вопросы о «большевизме», о моей «фракционности» и прочих жупелах, которые не должны бы занимать внимание этих господ, если бы они отнеслись серьезно к программе журнала, в том виде, как она выработана мною.

Не станем говорить о моих «начальнических окриках» — их не было.

Но, разумеется, я считаю себя вправе крикнуть на людей, неспособных к делу, за которое они взялись: во-первых, потому, что я тоже участник в этом деле, во-вторых, потому, что на меня двадцать лет орут люди куда более малограмотные и бездарные, чем я, — так уж мне-то разок крикнуть и бог велел!

Но дело не в этом, а вот в чем: Вы и г. Певин предложили мне принять участие в реорганизации журнала.

Мною выработана и представлена вам программа журнала, необходимого, — как я понимаю, — в данный момент.

Так как для меня ясно, что данный состав редакции осуществить эту программу не может, я указал лиц, которые, на мой взгляд, способны осуществить ее.

Людей, которые, как Вы пишете, «хотят идти по одному пути со мною», я не вижу в лице Богучарского и Щеголева.

Задачу «содействия» кому-то и в чем-то я на себя не брал.

Вы пишете: «если плох журнал — приди и помоги» — опять-таки: кому и в чем?

Я знаю только один способ поставить хорошо журнал — поставить его по тому плану, который вручен мною Вам.

Но так как, повторяю, для этой работы необходимы люди, указанные мною, а они неуютны членам существующей редакции, — стало быть, мне не о чем говорить с г. Певиным и не для чего сотрудничать в его журнале вместе с людьми, которые не читают того, что печатают, и не отдают себе отчета, зачем и для кого они печатают ту или иную статью.

Евгений Александрович! Вы — литератор. Вы — культурный человек, я знаю, что Вы не можете быть довольны тем, как составляются книжки «Современника», я уверен, что в душе Вы согласны с моим возмущением, и Вы напрасно говорите о «начальнических окриках», «угрозах» и тому подобном.

Ничего этого не было, было желание сделать хорошее дело, и еще раз я убедился, что в наших условиях, при нашей любви к вскрытию «антагонизмов» это невозможно.

Вы правы, «побреду, как слон, одиноко», но — знаете что?

Убежден, что и Вас ожидает та же участь.

А за сим — искренно желаю вам всего доброго и будьте здоровы.

А. Пешков

10/28.IV.
913

Программу журнала передайте, пожалуйста, А. Н. Тихонову¹.

¹ А. Н. Тихонову Горький писал 28 марта/10 апреля 1913 г.: «Посылаю „еще одно последнее сказанье“ и считаю мои отношения с „Совр(еменником)“ конченными, ибо из письма Л(яцкого) ко мне ясно видно, что сделать ничего нельзя и сам он запутался донельзя в противоречиях. Я продолжаю быть уверенным, что разговоры о „большевизме“ и о моей „фракционности“ затеяны им по некоторому недомыслию и вследствие страха пред неведомым ему.

Программу, нами написанную, нужно у него взять, надо бы это сделать еще на Капри. Оставлять ее в его руках для искажения — не следует» (Горьк. чт. 1959. С. 34—35). Программу см.: Г—М, п. 2, прим. 1.

58. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 7/20—8/21 мая 1913 г.)
7 мая, 1913

Дорогой Алексей Максимович.

У меня произошел объяснение с Марией Федоровной, окончательно убедившее меня, что путь посредничества, вообще затруднительный в подобных нашему случаях, весьма неудобен, когда у посредника нет должного беспристрастия¹.

Мария Федоровна, недовольная мною, обрушила на меня свое раздражение в столь резкой форме, что спокойное обсуждение вопроса стало невозможным, и я убедился, что мы собственными руками засыпаем дело, которому предстояло большое и светлое будущее.

Алексей Максимович, посмотрите на вещи без предубеждения, просто объективно. Что произошло? Вернувшись, я стал проводить намеченную совместно с Вами программу, предполагая заменить В. В. Водовозова лицами, Вами со мной намеченными. Сразу же по приезде я наткнулся на препятствия в виде завязавшихся переговоров Певина с «Современным миром». Я написал Вам по этому поводу неосторожное и непродуманное письмо, в котором неумело изобразил впечатление, произведенное моим

заявлением. Но, конечно, заявление мое оставалось в силе, и необходимо было только помедлить с его проведением в жизнь. Моей оплошности, однако (допустим, что именно так надо понимать мое письмо), было едва ли достаточно, чтобы Вы сочли себя в праве игнорировать меня как редактора и по редакционным делам сноситься со мной через Тихонова, который еще не входил в состав редакции. Он же передал мне Ваши два следующих письма и вообще взял на себя роль выразителя Ваших условий и взглядов, нередко придавая своим сообщениям ультимативную форму.

Естественно, что я понял такой Ваш образ действий, с одной стороны, как оскорбительное недоверие к себе, с другой, как стремление насильно заставить меня сделать то, что я готовился сделать добровольно. Я почувствовал, что Вы, ставший мне таким дорогим и близким, отдали себя во власть какому-то другому настроению, которое сделало меня в Ваших глазах далеким и чуждым.

Последовал Ваш выход из редакции, т. е. разрушение нашего соглашения со взаимным освобождением от принятых на себя обязательств.

Глубоко огорченный этим, я видел, однако, что бесполезно было бы тогда же обращаться к Вам с просьбой восстановить Ваше участие, тем более что Вы отметили в Вашем письме перемену Вашего отношения лично ко мне. Но Мария Федоровна возбудила вопрос о возможности Вашего возвращения к участию в редакции при известных условиях, до которых мы так и не договорились, резко столкнувшись на вопросе об изъятии Щеголева из состава редакции и на других обстоятельствах, из ничего породивших все это недоразумение.

После этого объяснения с Марией Федоровной мне яснее, чем когда-либо, стало положение, в котором я оказался так неожиданно-негаданно. Судьбу Вашего участия в редакции «Современника» Вы отдавали в руки Тихонова. Кто такой Тихонов? Достойный во всех отношениях человек, но недостаточно еще определившийся литератор. Я не знаю его рассказов в «Современном мире»², но та единственная рецензия, которую он представил на книгу Виллари о Савонароле³, оказалась слаба не только по существу, но и по форме. Его редакторства в «Правде»⁴ еще недостаточно для того, чтобы признать в нем необходимые данные для ответственной работы в «Современнике», а введение его в редакцию без определенных функций являлось бы необъяснимым.

Затем Степанов и Базаров. Их присутствие в составе редакции было бы весьма желательным принципиально. Но для того, чтобы ввести их в редакцию, необходимо было бы с первым познакомиться непосредственно, а второго добыть из Астрахани в Петербург. Тихонов сообщил мне, что Степанов в Петербурге был⁵, что они с ним познакомились и переговори. К переговорам этим он не считал нужным меня привлечь, а я не считал для себя возможным передавать какие-либо предложения через Тихонова, когда мог бы сделать их непосредственно. Но я открыл и Степанову, и Базарову полную возможность работать в журнале: заметка Степанова была уже напечатана, статьи Базарова появятся в ближайших книжках⁶.

Для каждой мало-мальски уважающей себя редакции культурность во взаимных отношениях ее членов является обязательной. И потому естественно, что, пока длились переговоры с «Современным миром», об уходе В. В. Водовозова не могло быть и речи. Когда эти переговоры рушились, Водовозов, человек в высшей степени достойный и деликатный, заметил сам, на ряде конкретных примеров, несходство его взглядов с моими и вышел из редакции, занял положение близкого к ней сотрудника. Силою вещей не кто иной, как я, должен был явиться его заместителем, открыв таким образом полный простор введению новых элементов, которые окажутся действительно способны осуществить опреде-

ленную программу. Весьма далекий от переоценки своих сил в этом направлении, скорее [страдаю неуверенностью в себе, я должен сказать тем не менее, что социально-политический отдел «Современника» не такая уж мудрость, в которой я не мог бы разобраться до тех пор, пока не найдутся лица, обладающие не одним лишь устойчивым мирозерцанием, но и литературным темпераментом. Беда журнала в данный момент не столько в недостатке таких лиц в недрах самой редакции, сколько в отсутствии талантливых и ярких писателей по социально-политическим вопросам. Все, что было талантливого в этом смысле в интеллигентской среде, собралось вокруг «Русской мысли», а писатели-демократы, как я вижу теперь, являясь отличными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли: за немногими исключениями почти все они страдают недоумением культурного самосознания*.]⁷

Проявленная мною осторожность в привлечении в редакцию мало мне известных или совсем неизвестных лично сотрудников исходила из того убеждения, что всякий новый член редакции, входя в нее, должен стать товарищем без всякого деления на старших и младших; этика не только редакционная, но и товарищеская не допускает самовластной и бесперомонной расправы. На все требования, неоднократно обращавшиеся ко мне Тихоновым об «изъятии» Богучарского и Щеголева (потом одного Щеголева), я мог отвечать только отрицательно. Ваше негодование по поводу привлечения их мною к ближайшему сотрудничеству основано опять-таки на недоразумении, которое стало мне ясным, когда я еще раз перечел Ваше последнее письмо. Вы пишете: «Вы и Певин предложили мне реорганизовать журнал». Это неточно: наши предложения состояли в следующем:

Прежде всего:

— Дайте нам Ваше сотрудничество как беллетрист.

Затем:

— Помогите нам осуществить Вашу идею областного отдела.

Вы отвечали:

— Прекрасно, но я чувствую себя в последнем отношении несколько связанным переговорами с Муравьевым, попробуйте столкнуться с ним и пр.

Мы с Вами одинаково критически относились к деятельности Водозова в социально-политическом отделе, но определенных решений не принимали, хотя я безусловно считал себя связанным Вашей санкцией во всех вопросах организации социально-политического отдела. Но во всех наших обсуждениях организация исторического и историко-литературного отделов признавалась за мною, и я считал себя безусловно в праве привлекать в этом направлении сотрудников. Здесь я считал себя, в установившихся между нами условиях взаимного доверия, товарищем равным и никогда не представлял Вас единым реорганизующим началом, а себя органом подчиненным. Это не мешало мне сознавать, что Вы — большой и знаменитый художник, а я скромный литературный работник: в короткий период нашей совместной редакционной работы мы были равны.

Вот те соображения, которые я просил бы Вас ввести в обиход Ваших мыслей и настроений по поводу «Современника» и моей в нем роли. Я понимаю, что Вам трудно будет дать им перевес в Вашем настоящем

* Подчеркнуто Горьким. Ему же принадлежат квадратные скобки.

положении перед всем, что приходит к Вам от лиц, с которыми я разошелся или не сошелся. К Вам сходится слишком много струн различной степени звукового напряжения, чтобы из них мог получиться аккорд, не раздражающий душу своей дисгармонией. Но я не хотел бы, чтобы о моих действиях и намерениях Вы судили, не выслушав меня, и только потому я посылаю Вам это письмо.

Моя роль в «Современнике» теперь незавидна: я в нем технический работник, без тех надежд и стремлений, какими я был полон год назад, когда передо мной неожиданно развернулась перспектива работать с Вами, но не скрою, что я не свободен от некоторой слабой надежды, что Вы пересмотрите еще вопрос Вашего участия в журнале в его целом, смахнете все лишнее, наносное, недостоверное или непроверенное и признаете, что хоронить начатое большое культурное дело нет достаточных оснований. Ведь Ваша программа — моя в то же время программа, и осуществлению ее не мешают и не собираются мешать ни Богучарский, ни Щеголев, у которых своя, Вами же самым одобряемая работа. Ведь нельзя же серьезно ставить в упрек какую-нибудь неудачную заметку или дружбу с Сологубом и аргументировать этим, как достаточным доводом против совместной работы. Вашему влиянию теперь мог бы открыться самый широкий простор, только отгоните от себя те миражи и призраки, которые разъединяют Вас с людьми, любящими Вас и желающими делать одно с Вами дело. Я глубоко убежден, что, если бы Вы могли приблизиться к России и хоть раз свидеться с теми людьми, которых Вы теперь отмечаете, все образовалось бы естественно и прочно.

И мне лично глубоко обидно, что Вы не взвесили той обстановки, в которой приходилось мне действовать. Других людей я искать не стану, и, если Вы не согласитесь пересмотреть вопрос нашего недоразумения в его целом и отнимаете Ваше сотрудничество, мне, вероятнее всего, придется сдать «Современник» в другие руки, так как едва ли я признаю возможным осуществлять без Вас то, что надумано было нами совместно.

Дорогой Алексей Максимович, я понимаю всю затруднительность Вашего положения и всю связанность Ваших порывов при той жажде литературно-общественной работы, которая Вас сжигает и мучит, и ничего не хотел бы кроме того, чтобы Вы забыли все происшедшее со времени моего отъезда с Капри и помогли мне приблизить наш план к осуществлению — в реальных границах желательного и возможного.

Вы человек большой души⁸, [и я нисколько не сомневаюсь, что Вы признаете, что при наличии неправильности в моем образе действий были неправильности и в Вашем: Вы хотели поставить меня в полнейшую зависимость от лиц, которым Вы доверили судьбу Вашего участия в журнале.] * Не будь этого, все оказалось бы и ясным и, я уверен, более достижимым.

Но если бы Вы отрицательно отнеслись к мысли о возобновлении Вашего редакционного участия, то не отнимайте по крайней мере Вашего сотрудничества. Это был бы не только удар молодому, еще не окрепшему журналу, но и прямой обидой, все же незаслуженной теми, кто в нем работает.

Не изменились и все остальные планы работы, надуманные с Вами, только осуществление их по разным обстоятельствам совершается медленно.

Я глубоко скорбел бы, если бы сближение наше явилось только отражением известного мифа о прекрасных мечтах и суровой действительности.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

8.V.913⁹

* Квадратные скобки принадлежат Горькому.

¹ 3/16 мая 1913 г. А. Н. Тихонов писал Горькому: «На Ляцкого надежды никакой и относительно статьи и относительно журнала <...> Как раз сегодня произошла его первая встреча с М(арией) Ф(едоровной)! — Думаю, что ночью спит он теперь плохо <...> Очень сожалею, что досадная случайность помешала мне присутствовать при этом разговоре (который велся при наличии Певина)» (АГ).

² В «Современном мире» был напечатан рассказ А. Н. Тихонова «Шебарша» (1911, кн. 8).

³ Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т. 2.

⁴ В 1912—1913 гг. А. Н. Тихонов был редактором отдела беллетристики в легальной большевистской газ. «Правда».

⁵ И. И. Скворцов-Степанов в 1911 г. выдвигался от большевиков кандидатом в депутаты Государственной думы. В связи с этим был арестован и выслан в Астраханскую губернию. Имеется в виду рецензия И. И. Скворцова-Степанова (подпись: И. Степанов) на кн.: *Sombart W. Krieg und Kapitalismus. München; Leipzig. 1913* (Замбарт В. Война и капитализм. Мюнхен; Лейпциг, 1913) (Современник. 1913. Кн. 4).

⁶ Ст. Базарова «О философии действия» была напечатана в «Современнике» (1913, кн. 6).

⁷ Часть письма: «Страдая неуверенностью ∞ культурного самосознания» отмечена им на полях цифрой 1.

⁸ Слова: «Вы человек большой души» — Горький вычеркнул. Часть письма: «и я несколько не сомневаюсь ∞ участия в журнале» — отмечена им на полях цифрой 2.

⁹ Над датой Ляцкого рукою Горького проставлено: «V, май».

59. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 14/27 мая 1913 г.)

Вы совершенно напрасно, Евгений Александрович, утруждали себя сочинением последнего — от 8-го мая — письма ко мне, — оно Вам всячески не удалось, оно преисполнено противоречий слишком явных, запымятований чрезвычайно странных.

Опровергнуть все, сказанное Вами в этом письме, мне очень легко, — стоит только послать Вам несколько копий прежних Ваших писем и напомнить то, что Вы говорили мне в присутствии третьих лиц.

Но я не стану делать этого, ибо считаю, что письмо Ваше, в большей его части, написано не для меня, а для Петра Ивановича Певина; это ему — вероятно — неясны причины, понуждающие меня отказаться не только от работы в журнале, хозяином которого Вы себя считаете, но и от удовольствия продолжать личное знакомство с Вами.

Позвольте мне пояснить это; в конце письма Вы пишете:

«Если б Вы отрицательно отнеслись к мысли о возобновлении Вашего редакционного участия, то не отнимайте по крайней мере Вашего сотрудничества. Это был бы не только удар молодому, еще не окрепшему делу, но» и т. д.

Эти фразы написаны для П. И. Певина; они имеют доброе намерение указать ему на Вашу лояльность в столкновении со мной.

Для меня же лично Вами написано следующее:

«страдаю неуверенностью в себе, я должен сказать тем не менее, что социально-политический отдел „Современника“ не такая уж мудрость, в которой я не мог бы разобраться до тех пор, пока не найдутся лица, обладающие не одним лишь устойчивым мирозерцанием, но и литературным темпераментом. Беда журнала в данный момент не столько в недостатке таких лиц в недрах самой редакции, сколько в отсутствии талантливых и ярких писателей по социально-политическим вопросам. Все, что было талантливого в этом смысле в интеллигентской среде, собралось вокруг „Русской мысли“, а писатели-демократы, как я вижу теперь, являясь отличными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли: за немногими исключениями почти все они страдают неумением культурного самосознания».

Это заявление Ваше совершенно определенно отталкивает меня от журнала и всякого участия в нем. Я не стану напоминать Вам, что рус-

скую журналистику создал писатель-демократ, что она кристаллизовалась из крови демократической интеллигенции, — как историк литературы, Вы сами знаете это. Но по поводу Вашего мнения о «талантах вокруг „Русской мысли“» напомним: Вы охотно соглашались со мною, что К. Победоносцев был значительно талантливее всех вехистов, что «Московский сборник»¹ — книга более умная, чем «Вехи», и что Петру Бернгардовичу² не сдать экзамена на роль Михаила Никифоровича³, сколько бы и как бы ни писал он о «Великой России».

В письме Вашем есть только одно место, требующее моего пояснения; Вы пишете:

«Вы хотели поставить меня в полнейшую зависимость от лиц, которым Вы доверили судьбу Вашего участия в журнале».

«Полнейшая зависимость» — преувеличение, и речь идет отнюдь не о «судьбе моего участия», а о судьбе журнала. Но Вы, конечно, правы: я действительно имел в виду контроль над Вами со стороны лиц, осведомленных в социально-политических вопросах более, чем осведомлены Вы. Не думаю, чтоб это мое намерение, которого я ни минуты не скрывал от Вас, могло задеть самолюбие Ваше, — ведь оно было вызвано Вашим же откровенным сознанием, что область вопросов социально-политических для Вас — нова и мало знакома Вам. Вы говорили это не однажды и не однажды заявляли мне о том, что на работу в журнал не смотрите как на свое дело, что Ваша цель — поставить, с помощью лиц, указанных мною, журнал на ноги и — уйти к своему делу. Вы, конечно, помните, что и я тоже решил принять участие в работе лишь временно, до поры, пока журнал не завоеует внимание читателя.

Теперь мне ясно, что эти Ваши заявления противоречат действительным намерениям Вашим.

Последнее Ваше письмо имеет не очень искусно прикрытую цель показать мне полную невозможность сотрудничать с Вами. Вы напрасно заботились об этом, — ведь я уже отказался от работы в «Современнике» до получения Вашего письма.

Позвольте возвратить Вам книгу об Александре Первом⁴, я прочитал ее и благодарю Вас за одолжение. Книгу перешлет Вам Иван Павлович.

Копию этого письма я посылаю П. И. Певину⁵, находя нужным объяснить ему причину моего отказа от работы в «Современнике».

А. Пешков

27/V.913

¹ В «Московском сборнике» (М., 1896) К. П. Победоносцев обличал «иноземную ложь» либеральных и просветительских идей, истолкованных им исключительно как порождение западноевропейского сознания.

² Петр Бернгардович Струве — редактор журн. «Русская мысль», участник сб. «Вехи» (1909).

³ Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — публицист, редактор газ. «Московские ведомости», издатель журн. «Русский вестник». С начала 60-х годов — приверженец реакционного правительственного курса.

В ст. «О „Вехах“», говоря о связи «веховства» с идеями Каткова и Победоносцева, В. И. Ленин отмечал: «Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны, — вот к чему сводится истинная мысль „Вех“, ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К°» (В. И. Ленин. Т. 19. С. 171).

⁴ См. п. 11, прим. 10.

⁵ П. Горького Певину не разыскано. Отвечая Горькому, Певин писал 12/25 июня 1913 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Получил Ваше письмо и естественно — очень им огорчен. Решение Ваше прекратить работу в „Современнике“ — ощутительный урон для дела [...]. Евгений Александрович с самого вступления в редакцию был горячим приверженцем именно Вашего участия в журнале, Вашей близости; с осени он всецело проводил Ваши взгляды на беллетристику и областной отдел, и допустить мысль, что создавшиеся за последнее время условия, при

которых Вы не признаете возможным сотрудничать в „Современнике“,— результат его сознательных действий,— я не могу. Для подобного предположения я не нашел бы обоснованных доводов, не нашел бы ответа на вопросы о побуждениях и цели таких действий.

Напротив, и Евг(ений) Ал(ександрович), и все члены редакции с марта месяца не раз обсуждали создавшееся положение, принимали меры к устранению отмеченных Вами редакционных недочетов, не возражали против привлечения к сотрудничеству указанных Вами лиц, а с течением времени и вхождения их в редакцию, сдвовом, стремились к благоприятному разрешению вопроса о возможности для Вас дальнейшего ближайшего участия в журнале и все время не теряли надежды на хороший исход. Я почти уверен, что при осуществлении возникшей в феврале на Капри мысли о встрече за границей ближайших участников журнала все трения были бы устранены и был бы выработан ясный, определенный план совместной работы. Но мысль не получила осуществления <...> В заключение считаю долгом выразить Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, самую сердечную признательность за все, что Вы сделали и намерены были сделать для журнала. Не могу также не поблагодарить Вас за решение — не выступать в печати с заявлением о прекращении сотрудничества в журнале.

Конечно, факт получит огласку, но решение Ваше ценно для меня, как проявление присущей Вам душевной красоты.— Благодарю и крепко жму руку. П. Певин» (АГ).

ГОРЬКИЙ

О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В ИНДИИ

(по страницам журнала «Современник»)

Сообщение Е. Я. Люстерник

В начале XX в. в борьбе индийского народа за независимость определились весьма существенные новые черты. Впервые устанавливались более или менее прочные связи между национально-освободительным движением Индии и революционными силами Западной Европы.

В предвоенные годы отдельные, революционно настроенные индийские патриоты черпали вдохновение в литературных и публицистических произведениях Горького. Первой среди них была Кама¹ — индийская революционерка, ставшая центром притяжения наиболее решительных и самоотверженных борцов за свободу своей родины, находившихся в Париже и некоторых других городах западноевропейских стран.

М. А. Павлович (Вельтман), часто встречавшийся с Камой и ее соратниками в Париже, вспоминал в мемуарных очерках «Революционные силуэты»: «Кама очень интересовалась русскими революционными событиями, особенно революцией 1905 года, ролью рабочего класса в движении, читала кое-что по теории марксизма. Из русских писателей Кама особенно интересовалась Горьким и однажды просила меня рассказать ей содержание его знаменитого стихотворения о «Соколе»². Когда я удовлетворил ее просьбу, она попросила меня достать это стихотворение и перевести его на французский язык. Через некоторое время я исполнил просьбу Кама. Помню, как прослезилась она от радости, когда я поднес ей, несомненно, плохо выполненный, но красиво переписанный перевод интересовавшего ее произведения Горького. „Эта вещьца, — говорила волнуясь Кама, — лучше любой статьи, любой прокламации“ (...) Кама очень внимательно следила за русской революцией и перед моим отъездом в Россию в августе 1917 года передала мне письмо для Горького с просьбой напечатать это письмо в России. К сожалению, письмо это пропало»³.

В свою очередь, Горький проявлял живой интерес к судьбам Индии, положению и освободительной борьбе ее народа. Осенью 1912 г. он предложил сотрудничество в «Современнике» Б. Р. Кама и видному деятелю индийского национально-освободительного движения Кришнаварма, издателю журнала «Индийский социолог». См. Г.—Ляц, п. 13, прим. 2 и 3.

Обращаясь к Кама с просьбой прислать для русской прессы статью на тему: «Индусская женщина, ее современное положение и ее роль в борьбе Индии за свободу», Горький писал: «Русская демократия и русская женщина будут очень благодарны Вам за то, что вы ознакомите их с тем, как живут и борются люди с берегов Ганга, демократы и женщины великой Индии»⁴.

Кама немедленно откликнулась. В своем ответе она писала, что все время и силы посвящает делу родины и ее борьбе: «...я приложу все усилия к тому, чтобы выполнить Вашу просьбу»⁵.

Статья для «Современника» на тему, предложенную Горьким, не была написана. Горький включил в составленную им «Хронику заграничной жизни» русский перевод ранее напечатанной статьи Кама «Индийская сирена», представляющую, по его словам, «обличение известной английской писательницы Ани Безант»⁶, друга и сподвижницы нашей теософки, покойной Блаватской⁷. Русскому читателю небезынтересно будет узнать об эволюции г-жи Безант»⁸.

Чем же Анни Безант привлекла внимание Горького и в чем Кама ее обличала?

Безант — англичанка по происхождению — была активной участницей Теософского общества, став его президентом в 1907 г. Она являлась также одним из зачинателей Фабианского, а затем социалистического движения в Англии. Переселившись в 1893 г. в Индию, она связала навсегда свою жизнь и деятельность с этой страной. Продолжала возглавлять Теософское общество, занималась просветительской деятельностью.

В конце XIX — начале XX в. Безант примкнула к Индийскому национальному конгрессу, сотрудничая с его умеренно-либеральным крылом. В 1907 г., после изгнания деятелей радикально-демократического направления (так называемых «крайних») из Национального конгресса и накануне первой мировой войны, Безант стремилась примирить «крайних» с «умеренными» на политической платформе борьбы за самоуправление в пределах Британской империи. Индийская революционная эмиграция — самоотверженные борцы за независимость Индии — осудили такую позицию как капитулянтскую, что и нашло отражение в статье Камы, заинтересовавшей Горького. В условиях острейшего единоборства сил революции и реакции в России он считал полезным ознакомить русского читателя с политической борьбой в Индии⁹.

Письмо Горького к Кришнаварме от 7/20 октября 1912 г. в архиве писателя не сохранилось. Его содержание стало известно после того, как индийский историк Индулал Яджник опубликовал этот текст в монографии, посвященной жизни и деятельности Кришнавармы¹⁰. Письмо показывает, как высоко оценивал Горький вклад индийского народа в развитие материальной культуры и духовной жизни человечества, какое значение он придавал освободительной борьбе индийцев и установлению дружественных связей между демократическими силами России и Индии. Горький писал: «Сердечно благодарю Вас за присылку „Индиан социолоджист“ и крепко жму Вашу руку, руку неутомимого борца за свободу Великой Индии, за свободу индийского народа, который дал всему человечеству примеры глубочайшего проникновения в духовный мир человека.

Могу ли я просить Вас написать в „Русское обозрение“ (Russian Review)¹¹ статью, которая могла бы дать русской демократии представление об индийском движении за свободу и справедливость. Желательна статья исторического характера с фактами, наиболее ярко освещающими борьбу индийцев за свою свободу. Размер статьи может составить 60 000 или 80 000 букв, если это возможно для январской книги. Перевод будет сделан хорошим знатоком английского языка.

Я буду очень рад и благодарен, если Вы выполните мою просьбу. Мы должны показать нашим народам, что все те, которые жаждут справедливости, хотят жить в согласии с разумом, должны осознать единство целей, духа и объединиться в одну силу, способную окончательно победить все зло на свете.

Вы, Кришнаварма, Мадзини¹² Индии, Вы знаете чаяния вашего великого народа, и Вы, конечно, поймете, что русский народ должен знать о жизни современной Индии.

Жду Вашего письма, и я желаю Вам много здоровья и счастья.

М. Горький

Капри, вилла Серафина
20.10.1912»¹³

В своем ответе от 15/28 октября 1912 г. Кришнаварма благодарил Горького, но от предложения написать «статью для русского журнала» отказался, поскольку не имел времени для литературной работы». Кришнаварма приложил к своему письму отдельные материалы из газеты «Индийский социолог». Он писал Горькому: «Вы свободно можете написать статью по этим материалам и сослаться на меня, поскольку в них отражены мои взгляды»¹⁴.

В очередной, 11 кн. «Современника», в «Хронике заграничной жизни», появился раздел об Индии, написанный Горьким на основе некоторых из этих материалов. «Посмотрите, — писал Горький, — как быстро растет движение индусов к национальной свободе и против жестокой опеки Англии. Взаимоотношения индусов

ОТКРЫТКА С ПОРТРЕТОМ Б. Р. КАМЫ,
ПОСЛАННАЯ ЕЮ ГОРЬКОМУ В КОНЦЕ 1912 Г.;
ОБОРОТ ОТКРЫТКИ

с надписью на английском языке (перевод:
«Сопротивление тирании есть послушание богу.
Б. Р. Кама»)

Архив Горького, Москва

и англичан очень определенно рисует журнал „Индусский социолог“, издаваемый в Париже националистом Кришнавармой, человеком, которого индусы любят сравнивать с Мадзини и предрекают ему будущность Гарибальди»¹⁵.

Основанием для таких предположений послужили перемены в политических взглядах Кришнавармы в связи с подъемом национально-освободительного движения, развернувшегося в Индии в 1905—1908 гг. под влиянием революции в России.

Находясь в эмиграции в Лондоне, он являлся сторонником умеренно-либерального течения в Индийском национальном конгрессе, которое, воспринимая опыт Италии, равнялось на Мадзини. Идеалом политического вождя радикально-демократического крыла индийского национально-освободительного движения был Гарибальди. В 1907 г. преследуемый английскими властями, Кришнаварма покинул Лондон и поселился в Париже. Там он сблизился с индийской революционной эмиграцией. В том же году он вместе с Камой основал и возглавил группу индийских эмигрантов. В его деятельности зазвучали новые ноты. Бывший сторонник методов пассивного сопротивления стал призывать своих соотечественников к всеобщей стачке, веря, что она является «современным оружием революции».

Однако надежда увидеть в лице Кришнавармы индийского Гарибальди не оправдалась, он остался деятелем умеренно-либерального направления, хотя и продолжал неустанно бороться против британских угнетателей Индии¹⁶.

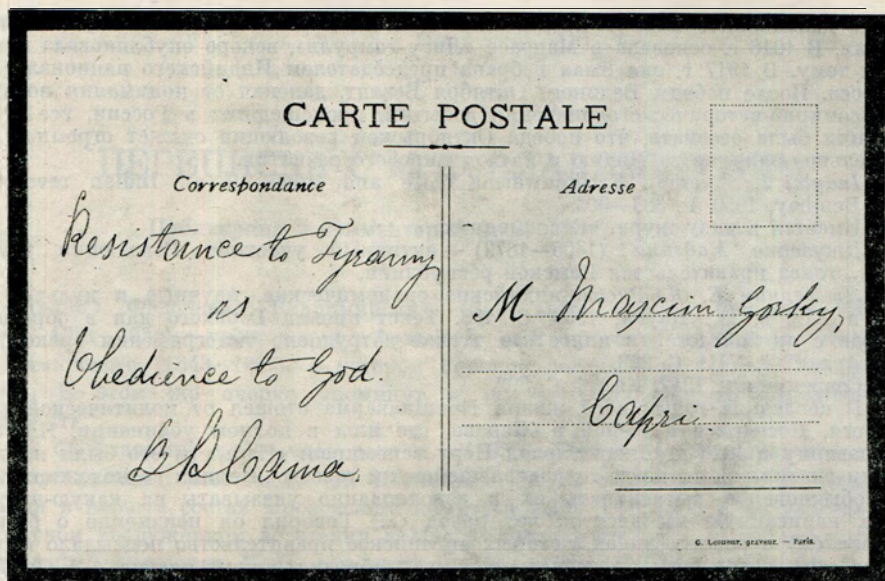
В 12 кн. журн. «Современник» было напечатано письмо Кришнавармы президенту США Вильяму Тафту. Этот документ представляет и в настоящее время большой интерес.

Тексту письма Кришнавармы Горький предпослал краткое введение, которое поясняло характер публикуемого документа и знакомило читателя с его автором.

Непосредственным поводом открытого письма Кришнавармы к Тафту послужило обращение президента к американскому посланнику в Лондоне в связи с трехсотлетием перевода Библии. Тафт использовал этот повод для того, чтобы в который раз возвестить человечеству о якобы бескорыстном стремлении правящих кругов США гарантировать всеобщий мир между нациями, и для этого предлагал создать союз США с правительством Англии и других западных держав. Цель его выступления заключалась в том, чтобы консолидировать реакционные силы обоих полушарий в борьбе против революционного и национально-освободительного движения во имя интересов империалистической буржуазии, в первую очередь американской. Миротворческие речи были призваны закрепить за США славу поборника мира между народами.

Президент Тафт вошел в историю как рьяный проводник политики «большой дубинки» и «дипломатии доллара». Он был палачом восстания на Кубе (1906 г.), вдохновителем интервенции в Никарагуа (1912), душителем забастовочного движения в самих Соединенных Штатах.

В обращении к президенту Кришнаварма вскрыл глубокое противоречие между декларацией о всеобщем мире и предлагаемым способом его установления руками душителей свободы и независимости народов. Индийский патриот писал, что пред-

ложения Тафта «могут создать еще большую вражду и кровопролитие, чем уничтожить их».

Готовность британских правителей к союзу с США на предлагаемой Тафтом основе Кришнаварма объяснял тем, что этот союз обеспечивал Англии возможность «продолжать свою разбойническую политику и угнетать те страны, для которых она несла гибель и уничтожение».

Обращение Тафта к Англии как стране-матери Кришнаварма назвал забавным, если не смешным. Кришнаварма уловил фальшь в выступлениях президента США, угрозу освободительной борьбе своей родины: «В заключение позволю себе сказать Вам, м(илостивый) г(осударь), пока не будут свободны все поработенные народы мира или пока страны, жаждущие мира, не возьмутся за это дело с чистыми руками, мы, представители поработенных народов, никогда не перестанем ни на один момент нарушать всеобщий мир борьбой за освобождение от политического рабства»¹⁷.

Горький включил также в «Хронику заграничной жизни» поздравительное письмо Сунь Ятсену «индуса Кришнавармы, энергичнейшего борца за свободу своей страны», по поводу учреждения Китайской республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бхикайджи Рустом Кама (урожд. Петит; 1875—?) — индийская общественная деятельница и журналистка. Эмигрировала, посвятив свою жизнь борьбе за освобождение Индии. Интересовалась революционным движением в России, была знакома с деятельностью народолюбцев. В Париже вступила в контакт с русскими политэмигрантами. Переписку Горького с Кама см. в кн.: *Арх. Г. Т. VIII*, С. 221—222.

² Т. е. «Песни о Соколе».

³ Новый Восток. 1925. № 1(7). С. 157, 163. Ср. текст последней фразы в черновых набросках Павловича к этой ст.: «Кама очень внимательно следила за русской революцией и перед моим отъездом в Россию в августе 1917 года передала мне письмо для Горького <с выражением своего сочувствия> с просьбой напечатать это письмо в России <„Новой жизни“>» (ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 192, л. 25).

⁴ *Арх. Г. Т. VIII*. С. 221.

⁵ Там же.

⁶ Анна Безант (1847—1933) — общественная деятельница Индии.

⁷ Елена Петровна Блаватская (1831—1891) — русская писательница, основательница в Нью-Йорке в 1875 г. (вместе с полковником Г. Олкоттом) Теософское общество.

⁸ Современник. 1912. Кн. 10. С. 379.

⁹ В дальнейшем Безант продолжала пропагандировать идею самоуправления в Индии. В 1916 г. основала в Мадрасе «Лигу гомруля», вскоре опубликовала книгу на эту тему. В 1917 г. она была избрана председателем Индийского национального конгресса. После победы Великого Октября Безант, далекая от понимания подлинного всемирно-исторического значения событий, происшедших в России, все же в состоянии была осознать, что победа Октябрьской революции окажет огромное положительное влияние на Индию и на ход мирового развития.

¹⁰ *Indylal J. Shyamaji Krishnawarma* (Life and times of an Indian revolutionary). Bombay, 1950. P. 305—306.

¹¹ Имеется в виду журн. «Современник».

¹² Джузеппе *Мадзини* (1805—1872) — активный участник Революции 1848—1849 гг., глава правительства Римской республики.

¹³ *Люстерник Е. Я.* Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М.: Наука, 1966. С. 198. Текст письма Горького дан в обратном переводе с английского (в книге его чтение затруднено типографским браком).

¹⁴ *Арх. Г. Т. VIII.* С. 223.

¹⁵ Современник. 1912. Кн. 11. С. 392.

¹⁶ В последние годы своей жизни Кришнаварма отошел от политической деятельности. Поселился с женой в Женеве, где жил в полном уединении. Посетив Кришнаварму в 1926 г., Джавахарлал Неру вспоминал: «Карманы его были набиты ветхими экземплярами когда-то издававшейся им газеты „Индиян социологист“; он имел обыкновение вытаскивать их и взволнованно указывать на какую-нибудь статью, написанную им десяток лет назад <...> Говорил он неизменно о былых временах <...> о разных лицах, которых английское правительство подсылало шпионить за ним, о том, как он распознавал их и обводил вокруг пальца <...> Он был реликвией прошлого и явно пережил самого себя <...> Однако в его зрении еще сохранилось что-то от прежнего огня, и, хотя между ним и мною было очень мало общего, я не мог отказать ему в сочувствии и уважении» (*Неру Дж.* Автобиография: Пер. с англ. М., 1955. С. 167—168).

¹⁷ Современник. 1912. Кн. 12. С. 408—411.